

*Загадочные
тени*

ХЕЛЕН ФАЙФЕР

Софи боялась человека в тени. Он пугал ее. Но он всегда исчезал, когда приходил кто-то другой. Однажды в июне 1984 года она не смогла от него сбежать.

Он ее схватил.

Когда молодую женщину находят лежащей на могильном камне, убитой жестоким образом, офицер полиции Энни Грэм испытывает знакомое чувство страха. Ужас еще не закончился — на свободе разгуливает новый убийца, и интуиция подсказывает ей, что в этом деле есть что-то пугающе необычное.

Заметив маленькую девочку, стоящую за окном, Энни понимает, что прошлое вот-вот настигнет их всех. Но может ли она помочь исправить ошибки тридцатилетней давности и раскрыть леденящие душу тайны, скрывающиеся в тени?..

Перевод: МонаВигумба

Редактура: МонаВигумба

Русификация обложки: little.Jerry

30 июня 1984 года

Шестилетнему Шону Вуду не нравился этот дом, в нем странно пахло, а вся мебель была темной и старой. Ему совсем не нравился человек, который ходил в длинном черном платье. Он знал, что это священник, потому что мама сказала ему об этом, а еще она сказала, что они должны пожить в пресвитерии рядом с церковью, но он не знал точно, что это значит.

У них имелся собственный дом неподалеку. Он был намного меньше, с тремя спальнями и крошечным садом, но его хватало, чтобы играть с его фигурками Команды «А»¹. Он хотел пойти и выкопать Баракуса из-под розового куста в саду перед домом, спрятанного на прошлой неделе, пока его не съели черви или он не заплесневел.

Когда сегодня утром он доел свою миску с хрустящими хлопьями и спросил у мамы разрешение, она ему запретила. Она буквально обезумела, стоило только заикнуться о том, что он хочет отправиться за своими игрушками и просит ее пойти с ним, так что выбора не было. Он собирался придумать свой собственный план — как всегда делал Ганнибал — и отправиться со спасательной миссией. Он подождет, пока мама пойдет принимать ванну. Она всегда проводила там часы и не заметит, что он улизнул. Он только надеялся, что священник не выдаст его в этом деле.

Его мама всю неделю вела себя странно, а вчера не пустила на похороны его сестры Софи. Вместо этого она заставила его остаться здесь, в этом большом вонючем доме, с женщиной, которую священник называл своей «экономкой». Она нравилась Шону, потому что пекла вкусные пирожные и позволяла ему есть столько, сколько он хотел, когда мама не видела.

Шон поднялся наверх, в комнату, которая стала его, до тех пор, пока он не мог вернуться к себе, к его Властелинами Вселенной и плакатами Команды «А». В этой комнате на стене висел большой деревянный крест, а читать можно было только толстую черную книгу, на обложке которой золотом было написано «Библия». Шон заглянул внутрь и снова ее закрыл. Буквы такие мелкие, что ему потребовалась бы целая вечность, чтобы попытаться ее прочесть. Он рухнул на кровать, здесь было скучно. По крайней мере, когда Софи была жива, он мог с ней играть, ну, пока она не заболела.

Это началось пару недель назад, но несколькими днями раньше ей стало совсем плохо. Она произносила слова, которых Шон никогда не слышал, и они совсем не походили на французские, что они иногда учили в школе. Он не понимал, что происходит, но знал, ничего хорошего.

Софи кричала в тот день, когда умерла, действительно кричала, как будто священник и их мама причиняли ей боль. Крик был такой громкий, что он прокрался из спальни, чтобы посмотреть, может ли он помочь ей, но дверь ее комнаты оказалась заперта.

Он заглянул в замочную скважину и увидел свою сестру на кровати, а рядом мужчину в платье, стоящим над ней с книгой, похожей на ту, что лежала рядом с кроватью Шона. Он поливал Софи водой. Шон видел, как священник наклонился и положил ей на лоб деревянный крест. Он в ужасе смотрел, как крест прожигает кожу сестры. От шипящего звука его затошнило, и он отскочил от двери. Ему показалось, что его сейчас вырвет прямо на полированный деревянный пол.

Приказав себе быть храбрым, он снова заглянул в замочную скважину и увидел, как Софи мечется. Она выглядела сердитой и обиженной, потом ее глаза закатились так, что он мог видеть только белки. Именно тогда она начала задыхаться. Священник пытался поднять ее голову, а мама наблюдала. Шон не понимал, почему она не спешит на помощь Софи. Он увидел, как лицо сестры посинело, и шум прекратился. Все было кончено, и Софи умерла. Крик, который издала его мама, был гораздо хуже, чем вид Софи, лежащей совершенно неподвижно, застывшей во времени.

Шон вскочил на ноги и побежал в свою комнату. Прижимая к груди пластмассовую игрушку, он упал на пол и заполз под кровать, где свернулся калачиком и плакал, пока не заснул. Он оставался там, скрытый от посторонних глаз, пока священник не пришел за ним несколько часов спустя. Отец Джон пытался уговорить, но Шон не хотел покидать своего укрытия. Священник потянулся, чтобы вытащить его, и Шон впился зубами в его руку. Раздался громкий крик и несколько плохих слов, но потом священник лег плашмя на пол, чтобы видеть лицо Шона.

— Давай, сынок, ты же не можешь сидеть там весь день. Пойдем найдем тебе что-нибудь поесть.

Шон покачал головой, сжавшись еще сильнее. — Я хочу увидеть маму, где она?

— Она сейчас крепко спит, доктор навещал Софи и твою маму. Ему пришлось дать ей какой-то порошок.

— А Софи, он дал ей какое-нибудь лекарство?

— Нет, к сожалению, нет лекарства, которое могло бы помочь твоей сестре.

— Можно тогда я навещу Софи?

— Ты уверен? Душа Софи покинула эту землю и отправилась в гораздо лучшее место. Все, что осталось, — это ее тело.

Шон кивнул, ему нужно убедиться, что лицо Софи все еще синее и на лбу у нее выжжен крест. Он выполз и встал. Отец Джон взял его за руку. Каким бы храбрым Шон себя ни чувствовал, он все равно крепко сжимал руку священника. Они подошли к комнате Софи, и отец Джон достал из кармана ключ. Отперев ее, он повернулся к Шону: — Ты уверен?

Шон кивнул и шагнул вперед, толкая дверь. Его ноги дрожали, и он знал, что должен быть храбрым сейчас, так же, как Би Эй. Поднял голову и вошел в комнату, которая казалась намного холоднее, чем остальная часть дома. Он подошел к кровати, Софи выглядела так, словно спала. Ее длинные платиновые волосы рассыпались по подушке. Голубые глаза были закрыты, а лицо казалось странно белого цвета, но оно определенно не выглядело посиневшим. На лбу отсутствовала большая отметина в форме креста, и она походила на одну из кукол, с которыми все время играла. Ее губы все еще были розовыми, а в руке сестра держала крест и библию.

Шон вытащил из кармана брюк запасную фигурку Ганнибала и потянулся, чтобы положить ее ей в ладонь. Он дотронулся до пальцев и отдернул руку — они были такие холодные. Протянув руку, он попробовал еще раз, и на этот раз ему удалось спрятать фигурку в ее ладони, содрогаясь при этом. Потом он убежал от Софи, священника и конца своего детства в пустую комнату, где снова забрался под кровать.

Шон брел по темному коридору, пока не добрался до ванной, затем прижался ухом к двери. Он слышал, как мама плещется в воде. Хорошо, она пробудет там целую вечность. У нее были такие же длинные светлые волосы, как у Софи, и ей требовалась много времени,

чтобы их вымыть. Он прокрался к огромной дубовой лестнице с самым маленьким в мире ковром и побежал вниз. Легко ступая, так что ступеньки ни разу не скрипнули, он оглядел коридор — ни экономки, ни священника не было видно. Он подошел к входной двери, словно ему разрешили выйти, и повернул ручку.

Дверь открылась, и он зажмурился от резкого солнечного света. Ухмыльнулся. Играть на улице было его любимым занятием, он ненавидел сидеть взаперти — особенно в этом доме. Больше всего на свете Шону хотелось домой. Он посмотрел через огромную лужайку на церковь. Дверь закрыта, так что, если священник там, он не заметит, как Шон выскользнул. Улица оказалась пуста, он спустился по ступенькам и побежал через лужайку к невысокой стене, окружавшей палисадник.

Сейчас он находился на очень важном задании. Он должен спасти жизнь Би Эй. Команда «А» не могла выжить только с тремя участниками, их должно быть четверо. Шон остановился у своего дома и протянул руку, чтобы коснуться ворот, металл был холодным, хотя и купался в солнечном свете. Он открыл калитку, сделал три шага вперед и упал на колени перед розовым кустом, где начал копать в земле пальцами. Вскоре он почувствовал твердый пластик фигуры, которую закопал на прошлой неделе, и улыбнулся — он сделал это, он всех спас. Шон встал и вышел за ворота, закрыв их за собой.

По окну верхнего этажа пробежала тень, привлекая его внимание. Подняв голову, он приложил маленькую ладошку ко лбу, чтобы защитить глаза от палящего солнца. Посмотрев вверх, он завизжал, увидев, что Софи стоит у окна и смотрит на него. Он отчаянно замахал рукой, улыбаясь ей, но прежде чем она успела помахать в ответ, темная, гораздо более высокая фигура встала позади нее и оттащила от окна.

Шон побежал назад, чтобы сказать маме, что Софи в их доме, он видел ее, и теперь они могут идти домой. Он вбежал в дом священника, поднялся по лестнице к ванной и постучал в дверь. — Мама, мама. Тебе не нужно грустить, Софи в порядке. Я видел, как она выглядывала из окна твоей спальни. Теперь мы можем вернуться домой.

За дверью не раздавалось звука плещущейся воды, как это было раньше. Он не слышал ничего, кроме равномерного капания воды из незакрытого крана. Шон взялся за дверную ручку, прокрутил ее, пока она не повернулась, и дверь не распахнулась настежь. Именно тогда все нормальные мысли, о которых должен думать шестилетний мальчик, покинули его.

Он подошел ближе к ванне, в которой лежало безжизненное тело матери в луже яркочерной воды. Его желудок сжался, и голос в голове приказал бежать, но он продолжал идти, пока не оказался достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться. Опираясь на плечо, мама склонила голову набок, и ее стеклянные, открытые, мертвые глаза смотрели сквозь него. Шон заглянул в ванну и увидел ее руки, и именно тогда он открыл рот и начал кричать.

Глава 1

Энни Грэм допила текилу и вздрогнула. Она ненавидела эту дрянь, но с ней можно было быстро напиться. Джейк — коллега полицейский и лучший друг — в чьем доме они находились, рассмеялся, увидев гримасу на ее лице.

— Ты такая девочка-девочка, ты ведь знаешь это?

Она крепко зажмурилась. — Да, я настоящая девчонка, и мне за это совсем не стыдно, просто текила чертовски ужасна на вкус. Я не понимаю, как ты вообще можешь получать от нее удовольствие.

Джейк хрюкнул, умудрившись выплюнуть текилу на черный мрамор барной стойки. — Потому что теперь, когда я к ней привык, мне очень нравится вкус, и от нее пьянеешь в два раза быстрее, чем после шести банок пива. Еще по одной, и мы будем достаточно храбры, чтобы отправиться на охоту за привидениями.

Энни хихикнула. — Этого мне хватило на всю жизнь, спасибо. После того, как шесть месяцев назад я обнаружила, что могу видеть призраков в старинном доме и меня преследует серийный убийца, я вполне обошлась без охоты за привидениями. Не могу поверить, что ты хочешь затащить меня на кладбище, когда мы пьяны. Ты будешь вскрикивать от каждой тени, которую заметишь, а что будет, если мы действительно что-то увидим?

— Трусиха. Я не собираюсь кричать, и в любом случае, разве ты не хочешь понять, видишь ли ты еще мертвых людей или все это было лишь плодом твоего извращенного воображения? — Джейку удалось увернуться от кусочка жеваного лайма, который она швырнула ему в голову. — Прости.

Энни так расхохоталась, что соскользнула со стула. — Я пьяна и не думаю, что поход на кладбище в таком состоянии будет слишком продуктивным. Что, если кто-то сообщит, и нас арестуют, в этом месяце на кладбище случилось много краж металла. Представляешь, какие сплетни пойдут по участку, если нас там поймают? — Слезы катились по ее щекам, размазывая тушь и оставляя черные следы.

Джейк наклонился и, просунув обе руки ей под мышки, поднял с пола.

— Ерунда, мы просто скажем им правду. Что мы охотимся за призраками.

— Твое дело, но если настаиваешь — кто я такая, чтобы спорить?

Он пожал своими огромными плечами и взял ее за руку. — Да брось, если нас поймают, мы скажем, что искали вампиров. Я хочу отправиться прямо сейчас, пока не струсил. Всегда хотел сделать это, но никогда не находилось никого достаточно пьяного или глупого, чтобы составить мне компанию.

Они посмотрели друг другу в глаза и дружно кивнули. Джейк помог Энни надеть пальто и обернул шарф вокруг шеи. Его пальцы коснулись ее густых черных кудрей, которые отросли и теперь скрывали шрам, когда-то бывший на виду. Сейчас, без Майка в ее жизни, она выглядела намного счастливее и здоровее. Джейк наклонился, поцеловал ее в лоб и крепко прижал к себе. Энни обняла его и прошептала:

— Не стоит меня так опекать, Джейк, со мной все в порядке, и я никогда не была так счастлива. Все, что случилось полгода назад, уже позади, жизнь налаживается.

Джейк еще крепче обнял подругу. — Нет, я не опекаю, просто с ненавистью вспоминаю о том, что с тобой тогда случилось. — Они отстранились друг от друга. Джейк взял ее за

руку и потащил к входной двери.

— Двигаем, нет времени лучше, чем настоящее, а кроме того, скоро может появиться мужчина твоей мечты, а ты знаешь, какой он вредный. Он ни за что не отпустит тебя на кладбище с твоим-то послужным списком.

Взявшись за руки, они вышли из дома и направились к воротам кладбища.

— А как мы войдем, если они заперты? — спросила Энни.

— Иногда ты меня удивляешь, ты ведь умеешь лазить через забор? Я подсажу тебя, если ты не сможешь поднять свои короткие ноги достаточно высоко.

Она вяло хлопнула его по руке. Джейк сжал ее за плечи, молчаливо извиняясь. Энни не могла идти прямо, ее ноги путались, когда они шли к высоким черным чугунным воротам, маячившим вдали. Позади них простиралась черная как смоль темнота, от которой ее сердце забилося быстрее.

Уилл вздрогнул. Он ненавидел кладбища, даже если светило солнце, и он мог видеть все вокруг. Нахождение здесь в темноте, без лунного света вызывало у него мурашки. Не помогало и то, что он сидел в машине с двумя временными сотрудниками. Эти Двое из Ларца конечно милые парни, но слишком стремились участвовать в операции. Они не могли усидеть на месте и несли полную чушь. Каждый раз, когда по рации раздавался вызов, тот, кто сидел рядом с ним, выпрямлялся, его тело напрягалось, кулаки сжимались, он рвался вперед.

Уилл улыбнулся про себя, по крайней мере, он получал некоторое удовольствие, мучая их бездействием. Им нужно понять, что полицейская работа — это не только спасение девиц в беде и работа в свете сирен. Как бы ему ни было скучно, он действительно надеялся, что сегодня вечером, пока он с этими двумя на буксире, ничего не случится. Дело на самом деле серьезное, не хотелось, чтобы кто-то мешался под ногами.

Два его лучших детектива, Стью и Лора, прятались за каким-то мавзолеем рядом с крематорием. В кои-то веки Уилл решил остаться в машине, из-за травм, полученных при спасении Энни полгода назад и отвратной погоды, это казалось правильным. Хотя он предпочёл бы сидеть в засаде с ними.

Он перестал обращать внимание на болтовню коллег и стал думать об Энни. Его машина стояла недалеко от могилы ее мужа Майка. Уилл выглянул в боковое окно и прищурился, едва различая приподнятый холмик земли. Уилл был бы рад сам воздать мужу Энни по заслугам, но первый в городе серийный убийца опередил его.

Уилл не сомневался, что Энни — лучшее, что с ним случилось, и он любил ее больше, чем кого-либо, но все еще боялся связывать себя обязательствами. Честно говоря, она так до конца и не оправилась после событий шестимесячной давности.

Он ненавидел кошмары, которые ей снились почти каждую ночь. Энни отмахивалась от них, как будто ничего не случилось, но он видел ее бледное лицо и широко раскрытые от ужаса глаза, когда она вылезала из постели и направлялась в ванную.

В первый раз, когда он услышал, как она сдерживает рыдания, это разбило ему сердце. И он лежал, раздумывая, стоит ли пойти утешать или дать ей немного пространства. Он решил остаться на месте, чувствуя себя бесполезным. Когда Энни наконец вернулась в постель, он повернулся и обнял ее, крепко прижимая к себе и глядя по волосам, пока ее дыхание не замедлилось, и она снова не заснула.

Сегодня он оставил ее в доме Джейка и Алекса, если его грабители могил не объявятся,

он успеет заскочить к ним выпить кофе и посмотреть, что они задумали.

Джейк взял Энни под руку, и они пошли по засаженной деревьями дороге к кладбищу. Темнота за воротами выглядела зловеще. Энни уже не хотела туда идти. Почему она позволила Джейку уговорить себя? Она не приходила сюда с похорон Майка.

— Мы не сможем войти, все заперто.

Джейк недоверчиво посмотрел на нее: — Ты же коп и должна знать, как перелезть через забор.

— Конечно, я умею перелезать через забор, только не в пьяном виде. Я не хочу упасть головой в чью-то могилу. У меня немного больше уважения, чем у тебя.

— Трусиха. Пойдем, я подсажу тебя.

Энни проигнорировала его предложение о помощи и перелезла через ворота прежде, чем Джейк успел протянуть ей руку. Она спрыгнула с другой стороны и поскользнулась. Джейк от смеха согнулся пополам.

— Ну давай, большой мужик, посмотрим, сможешь ли ты справиться лучше.

Джейк подбежал к воротам. Для своих размеров он оказался на удивление проворным и сумел перелезть и приземлиться на ноги рядом с ней. Энни фыркнула и пошла в противоположном направлении от могилы Майка, Джейк последовал за ней.

Она громко закричала, увидев статую в отдалении, и он снова начал смеяться. Энни резко локтем ударил его в бок, и он остановился. Она решила подойти к старой часовне, которая теперь была заколочена и огорожена. Энни тянуло туда в прошлом году, когда она искала могилу Элис. Она видела призрак Элис в той части кладбища, так что это вполне логичное место, чтобы встретить призрака.

Джейк, который наконец перестал смеяться, прошептал ей на ухо:

— Да ладно, ты права, это глупо, пойдем лучше закажем китайской еды.

Упрямая, как всегда, она продолжила идти. — Ну и кто из нас трус? Ты сам хотел прийти сюда, я не уйду, пока мы не увидим привидение. Я докажу тебе, что совсем не чокнутая.

— Я никогда такого не говорил, но в это трудно поверить.

Энни покачала головой, от чего та закружилась — слишком много текилы. Она заплатит за это утром, но, может быть, сегодня вечером, когда она наконец доберется до постели, ей не будут сниться эти ужасные кошмары о тайной комнате в подвале с мертвыми телами внутри.

Стью и Лора прижались друг к другу, пытаясь согреться. Они не могли видеть часовню со своего места, но только здесь их нельзя было заметить. Хотя они находились достаточно близко, чтобы при необходимости быстро среагировать. Голос Уилла эхом отдавался в наушниках.

— Два человека только что перелезли через ворота и направляются к часовне. Похоже это мужчина и женщина, но отсюда трудно сказать.

Стью подкрался к стене. Напрягая зрение, он разглядел высокого мужчину и женщину гораздо ниже ростом, которые шли, спотыкаясь и держась за руки. Лора взглянула на них, и закатила глаза.

— Сомневаюсь, что эти двое собираются заняться чем-то еще, кроме секса на скорую руку, если, конечно, он сможет. Они пьяны в стельку, а я мерзну на этом чертовом кладбище.

Как мы попали на эту дерьмовую работу? Присоединяйтесь к уголовному розыску, станьте детективом, раскройте серьезное преступление. Ага, конечно, полная чушь.

Они смотрели, как темные фигуры наконец добрались до часовни, а затем тот, что повыше, наклонился, чтобы помочь коротышке забраться на забор. Голос Уилла эхом отдавался в их ушах.

— Пошли, пошли, пошли.

Джейк подсадил Энни, и она ухватилась за верх ограды как раз в тот момент, когда по дорожке промчались две фигуры, а за ними — машина с включенными на полную мощность фарами, ослепившими их. Джейк приземлился на землю с громким стуком, когда кто-то бросился на него. Он оказался на спине с каким-то парнем сверху. Энни, ослепленная светом, начала кричать, потеряла хватку на заборе и соскользнула на землю. Она приземлилась рядом с Джейком и прошептала: — Мы такие придурки.

Перед ними остановилась машина и из нее выскочила знакомая фигура с криком: «Полиция, не двигайтесь!» Лора надела на Энни наручники, а Стью защелкнул другие на Джейке. Энни бросила взгляд на потрясенное выражение лица Джейка и начала смеяться. Уилл подошел поближе, чтобы взглянуть, отталкивая временных помощников с дороги, которые стояли с дубинками и газовыми баллончиками, готовые к бою. — Господи.

— Да, ладно, Уилл, — ухмыльнулся Джейк, — как забавно встретить тебя здесь.

— Не могли бы вы подробно объяснить, что делаете на кладбище в такое время?

Энни потеряла дар речи, ее смех с каждой секундой становился все более истеричным. Собравшись с силами, она взвизгнула. — Извините, офицеры, что бы это ни было, все дело во мне.

Уилл в гневе сжал кулаки. Энни икнула так громко, что эхо разнеслось по могилам. — Прости, Уилл. Мы с Джейком решили немного поохотиться на призраков.

Голос Уилла дрожал, когда он рявкнул на Стью и Лору, чтобы они сняли наручники. Его щеки покраснели, и он наклонился, чтобы взять Энни за руку. — Господи Иисусе, я не могу оставить вас двоих наедине даже на пять минут, вы сразу находите себе приключения.

Джейк протрезвел на удивление быстро по сравнению с Энни, которая пыталась подавить смех, но у нее не очень хорошо получалось. Джейк посмотрел на Уилла. — Прости, это моя вина. Я умолял ее пойти со мной.

Уилл покачал головой и схватил Энни за руку гораздо грубее, чем намеревался. Он моментально пожалел об этом, когда ее лицо превратилось в маску страха. Она вырвалась из его хватки. — Я сама справлюсь, — мгновенно протрезвела Энни. Она знала, что Уилл совсем не хотел сделать ей больно, не то что Майк, но все же ее чувства были задеты.

— Простите, что прерывала вашу маленькую вечеринку, сэр, — выплюнула она. — Давай, Джейк, пошли к тебе домой, допьем текилу. О, и еще, Уилл, не утруждай себя появлением у Джейка после того, как закончишь то, чем ты здесь занимаешься. Я буду слишком занята, проводя сеанс.

Энни бросилась прочь, заставив Джейка бежать трусцой, чтобы ее догнать. Ни один из них не произнес ни слова, пока они не дошли до ворот, где посмотрев друг на друга, снова начали смеяться. Ветер донес звук до часовни, где стоял Уилл, качая головой и пытаясь понять, что только что произошло.

Стью и Лора ждали указания от Уилла. — Ладно, поскольку эти двое почти наверняка лишили нас всех шансов поймать грабителей могил сегодня вечером, думаю, пора уходить. Сомневаюсь, что сюда кто-то заявится после всего устроенного шума.

Двое внештатных сотрудников, казалось, испытали облегчение от того, что им удалось избавиться от скуки. Они хотели быть в гуще событий, хотя, судя по тому, какие вызовы передавали по рации за последний час — группа детей, бросающих камни в такси, и пенсионер, упавший с кровати, — им не пришлось бы сильно напрягаться, работая над «ответом». Уилл был только рад избавиться от них, на сегодня с него достаточно. Он подождал, пока они сядут в машину, и пробормотал: — Если выпью, то, возможно, все это покажется мне хоть немного смешным.

Стью ухмыльнулся. — Это было довольно забавно, Уилл. Каковы шансы на то, что эти двое любителей «Сверхъестественного» решат побегать в поисках призраков, именно тогда, когда мы сидим здесь в засаде?

Лора рассмеялась и согласилась со Стью. Они сели в машину, и Уилл поехал к воротам, где Джейк пытался помочь Энни перелезть через ворота. Заметив машину, он повернулся и отдал им честь. Уилл, тяжело вздохнув, передал ключи от ворот Стью. — Открой ворота, выпусти этих идиотов и не говори ни слова. Я действительно не в настроении.

Стью вышел из машины и открыл ворота. Уилл смотрел, как Джейк и Энни хихикают над чем-то, что сказал им Стью. Завтра об этом будут болтать в участке, но он будет не причем, они должны винить только себя. Уилл ждал, что Энни обернется и посмотрит на него, чтобы он мог ей улыбнуться, но она этого не сделала. Вместо этого она схватила Джейка и заковыляла в направлении его дома.

Лора наблюдала за Уиллом, она видела выражение его глаз, когда Энни ушла. Он не хотел признаваться в этом, но был расстроен. Лора никогда не встречала женщину с таким багажом и еще большим невезением.

«Скрестим пальцы, чтобы Стью вел себя как обычно и после полпинты пива засобирался домой к жене». Несмотря на всю свою браваду, он был не более чем подкаблучником. Лоре очень хотелось остаться с Уиллом в пабе наедине.

Последние двенадцать месяцев Лора была влюблена в своего шефа, но он ни разу не взглянул на нее иначе, чем как на профессионала. Она усмехнулась про себя при мысли о том, что она могла бы сделать для него, если бы ей дали шанс. Стью посмотрел на нее и прошептал: — Без вариантов, он уже влюблен.

— Двадцать фунтов, — покачала головой Лора, — на то, что я хотя бы поцелую его.

— За двадцать фунтов мне нужен минет, а не поцелуй, — проворчал Стью. — Десятка, и я в деле. — Лора мило улыбнулась и кивнула в знак согласия.

25 июня 1984 года

Софи и Шон играли наверху в прятки. У Шона это не очень хорошо получалось, потому что он был слишком мал, чтобы залезть в какой-нибудь из шкафов. Из-за этого Софи всегда его быстро находила. Она смеялась над ним в последний раз, когда нашла за дверью спальни их мамы, прячущимся под ее длинным пушистым халатом. Это было его любимое укрытие. Он чувствовал себя там в безопасности, потому что от халата пахло кокосовым шампунем и мамиными духами. Шон зарылся головой в мягкий халат, чтобы подавить смешок, когда услышал, как Софи кричит: — Раз, два, три, четыре, пять, может кошка вас поймать.

Он мог слышать ее шаги, когда она бежала по лестничной площадке, скрип двери ванной, когда она заглянула внутрь, и стук, когда она снова захлопнула ее и побежала в следующую спальню. В силу возраста он еще не понимал, что сестра суетится, чтобы не заставлять его чувствовать себя плохо, ведь у него еще не получалось найти хорошее укрытие. Она такая добрая. Хотя порой Софи могла быть ужасной с ним, особенно если он

брал одну из ее кукол Синди для своих парней из Команды «А», чтобы спасти, но большую часть времени она оставалась милой.

Шон услышал сестру, когда она подбежала ближе к его укрытию. Он смотрел себе под ноги, поэтому не заметил темной тени, которая проскользнула мимо двери, но вздрогнул и почувствовал, как у него начали стучать зубы. Стало так холодно, что он плотнее прижал к себе халат, чтобы согреться. Шмыгнул носом, а потом подавился, в комнате стоял ужасный запах. Немного похожий на тот, когда его мама готовила овощи на ужин, и они не съедали их, потому что те получались ужасно невкусными. А она забывала и оставляла кастрюлю на плите на несколько дней.

Шон подумал, не готовит ли мама овощи к ужину, и поморщился. Он не любил никакие из них, кроме зеленого горошка. Горошинки ему нравились только потому, что служили хорошими боеприпасами для Команды «А», чтобы стрелять в плохих парней.

Свет покинул комнату, и Шон почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом. На улице было солнечно, и он не понимал, почему в комнате стало так темно. Он хотел выглянуть из своего укрытия, но голос Ганнибала проговорил ему «Нет». Он должен оставаться в укрытии, тогда будет в безопасности. Софи перестала бегать, и он услышал, как она издала странный высокий звук. Сначала не очень сильно, но потом она завизжала действительно громко, заставив Шона подпрыгнуть от страха. Раздался оглушительный стук, за которым последовали новые крики.

Шон сильно испугался, но ему нужно пойти и посмотреть, что случилось с сестрой. Он проигнорировал предупреждение Ганнибала и выбежал из комнаты на лестничную площадку, где Софи свернулась в клубок и кричала. Он не знал, что делать, но тут наверх прибежала мама и наклонилась посмотреть, что с его сестрой. Шон никогда не видел никого с таким белым лицом, как у Софи, и боялся за нее.

— Что случилось, Софи, скажи мне, что случилось?

Софи уставилась на маму и покачала головой. — Там был мужчина, весь черный, и от него очень плохо пахло. — Она всхлипнула и заплакала.

— Что за мужчина, куда он делся? Он сделал тебе больно?

Шону стало страшно, он чувствовал этот неприятный запах, но не видел никакого мужчину. Он повернул голову, чтобы оглядеться и убедиться, что тот не стоит за ними. Софи кивнула, и Шон увидел, как лицо матери стало таким же белым, как у Софи. — Он толкнул меня и велел убираться.

Шон почувствовал, как у него задрожали колени, он был так напуган, и ему очень хотелось пописать.

— Софи, куда он ушел, он все еще здесь?

Мама подняла Софи с пола, а затем схватила его за плечо и толкнула их обоих за спину. Она взяла вазу с цветами с маленького столика, вытащила цветы и бросила их на пол.

— Софи, мне нужно, чтобы ты сказала, где он, в какую комнату заходил?

— Не знаю, мама, кажется, он ушел. Он прошел сквозь стену.

Она подняла дрожащий палец, указала на стену напротив них и прошептала: — Он прошел туда, но думаю, он вернется, я ему не нравлюсь.

Шон смотрел, как мама поставила вазу на стол, а потом повернулась к ним обоим. — Софи, если ты мне лжешь, у тебя будут неприятности, юная леди. Никто не может пройти сквозь стены. Сейчас ты расскажешь мне, что произошло на самом деле, или будешь продолжать врать?

Шон хотел сказать ей, что здесь был кто-то от кого плохо пахло, но боялся еще больше злить маму, поэтому промолчал и не смотрел на Софи. Ему было жаль ее, и она рассердилась бы на него, если бы знала, что он тоже видел и промолчал. Но потом мама снова взяла вазу и пошла по спальням, заглядывая под кровати и в шкафы. Софи и Шон следовали за ней. Она даже заглянула в шкафчик в ванной, где стоял бак с горячей водой, но там лежали только стопки полотенец.

Единственное место, где мама не проверила, стал чердак, но так как к нему не было лестницы, Шон рассудил, что мужчина не мог спрятаться там. Если только он не обладал сверхспособностями и не мог летать, как Супермен. Он почувствовал горячее дыхание Софи, когда она вздохнула с облегчением. Сестра стояла так близко, сжимая его руку, что он не мог пошевелить ею. Мама повернулась к ним обоим.

— Пока я не знаю, в какую игру ты играешь и почему лжешь, Софи, но ты больше никогда не должна этого делать. Ты чуть не довела меня до сердечного приступа, я думала, кто-то напал на тебя.

Софи наклонила голову, и крупные слезы упали из ее глаз на пол. Шон протянул руку и обхватил своими пухлыми пальцами холодные, гораздо более тонкие пальцы Софи, затем крепко сжал — он ей поверил. Мама спустилась вниз, и они последовали за ней, ни один из них не хотел оставаться наверху без нее. На случай, если дурно пахнущий человек вернется через стену.

Глава 2

Он присел на подлокотник дивана, любуясь своей работой. Женщина лежала и не шевелилась, что ему очень нравилось. Он не хотел бороться с ней и был рад, что крови нет. Ему не нравилась кровь — нет, это недостаточно сильное слово, он ненавидел кровь. От запаха у него сводило живот и подкашивались колени. Пару раз он терял сознание из-за этого, и, хотя в последнее время реакция его тела стала лучше, старался избегать крови любой ценой.

Когда в первый раз надел ей на голову полиэтиленовый пакет, она попыталась вырваться, но он его завязал. Материал был слишком толстым, а ее ногти слишком короткими, чтобы что-то изменить. Убедившись, что она мертва, он подошел, вытаскивая из заднего кармана нож. Выдвинул лезвие и направил его острием наружу, чтобы медленно разрезать пакет пополам. Он старался не коснуться лезвием ее кожи и не испортит все. У него нет времени падать в обморок.

Освобождая ее голову от пакета, он осторожно убрал пленку с ее лица и мягких розовых губ. Погладил ее длинные светлые волосы и откинул назад прядь, которая выбилась, когда она боролась, и устался на нее. Девушка выглядела так, словно спала — Спящий ангел.

Он ожидал глубокого сожаления из-за того, что сделал, но этого не произошло. Впервые в жизни он ощутил, что какая-то основная, первобытная потребность была удовлетворена, и почувствовал опьянение от ощущения счастья, которое его обычно беспокойный ум редко испытывал.

Было еще рано, и он проведет пару часов со своим идеальным ангелом, прежде чем отвезет ее к месту последнего упокоения. Он надеялся, что ее найдет священник, а не какая-нибудь маленькая старушка. На самом деле не так уж важно, кто ее обнаружит, потому что люди быстро прибегут посмотреть, из-за чего поднялся шум. И весть о его даре посланнику Божьему быстро разнесется по округе.

Он сел в кресло и закрыл глаза, воспоминания о давних временах заполнили его разум. Его мать виновата во всем, что пошло не так в его жизни. Он хотел, чтобы она была здесь. Хотел, чтобы она увидела, кем он стал, но ее нет. Он сам по себе, всегда был и всегда будет.

Скорее всего, он задремал, потому что, открыв глаза, не понял сразу, где находится. Моргнув несколько раз, он оглянулся, чтобы посмотреть, не ожила ли женщина, и не сбежала ли. Но она все еще лежала на диване без всяких признаков жизни. Он протянул руку, позволив своим пальцам коснуться ее щеки, она стала намного прохладнее. Теперь ее губы приобрели голубой оттенок, они уже не выглядели такими желанными, как раньше.

Встав, он взял свой айфон и сделал несколько фотографий, отправив их на беспроводной принтер, который стоял в маленьком кабинете наверху. Лучше всего не распечатывать эти фотографии в магазине в городе, они могут наделать много шума!

Он поднялся наверх и отпер дверь в кабинет, который на самом деле являлся свободной спальней. Все стены были выкрашены в белый цвет, а на одной висели четыре большие пробковые доски для объявлений. Три из них он еще не успел заполнить. Достав из принтера две фотографии, приколот их к доске, которую назвал «Операция «Габриэль»».

На этой доске висели фотографии дома его жертвы, с видом на улицу с обоих концов. Имелась небольшая карта окрестностей, и ее дом был отмечен большим красным крестом. К доске были приколоты записки с ее именем и номером телефона, фотография кофейни, в

которую она ходила два или три раза в неделю, чтобы выпить свой обезжиренный латте с шоколадной посыпкой. Однажды она купила кусочек лимонного торта, но даже его взяла на вынос. Он никогда не видел, чтобы она присела и расслабилась хоть на пять минут. Он стоял в очереди позади нее и дважды, когда она поворачивалась, ей улыбался. Взволнованная, она тоже ответила ему улыбкой, потом повернулась лицом к бариста и больше не оглядывалась.

У нее не было ни семьи, ни друзей, которые навещали бы ее, и она никогда ни с кем не ходила пить кофе. Он наблюдал за ней уже четыре недели, и единственным посетителем, который приходил к ней, был электрик, снимавший показания счетчика.

Похоже, Трейси Хейл была так же одинока, как и он. Сложно представить кто бы мог заявить об ее исчезновении. На самом деле это довольно грустно. Он отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой. «Операция «Гэбриэль» почти закончилась. Ему просто нужно доставить ее на территории церкви, при этом не попасться, и тогда наступит время начать следующую операцию. Он наслаждался сбором информации почти так же, как и убийством, и задавался вопросом, не растрчивает ли свои таланты на нынешней работе.

Спустившись вниз, он выглянул в окно гостиной, отодвинув занавеску, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости. В маленьком тупичке было тихо. Он завел маленькую черную книжечку, где отмечал все передвижение своих соседей.

Он знал, что Боб из восьмого дома ходил в паб каждый четверг, пятницу и субботу. Уходил из дома в семь и возвращался не раньше полуночи. Миссис Уоллес из дома номер двенадцать никогда не выходила после пяти вечера. Последний раз он видел, как она возвращалась домой без десяти пять, когда к ее дому подъехало такси, и она поспешила внутрь, закрыв и заперев дверь. Затем она прошла по всем комнатам и задернула шторы. К ней никогда не приходили гости, и она никогда не открывала дверь — совсем.

Проблема была в жильцах из пятнадцатого. Он не знал, как звали молодую пару, которая жила там, но они приходили в любое время и были очень непредсказуемы. Оба работали посменно в «Макдоналдсе», он знал это по характерным оливково-зеленым рубашкам-поло и брюкам цвета хаки, которые носили сотрудники фастфуда.

Когда не работали, они выпивали и иногда приводили друзей, чтобы слушать очень громкую музыку и веселиться. Он был рад, что живет далеко от них, иначе мог бы пойти туда и разбить их музыкальную систему или что там они использовали, чтобы проигрывать эту чертову музыку.

Однако, можно с уверенностью сказать, что они не вернутся домой между восемью и девятью часами вечера. Они оставались единственными, кто продолжал находится на улице.

Остальные дома, выкупленные советом, стояли заколоченные досками. Поговаривали о реконструкции и сносе домов, чтобы построить городской парк, но речь об этом вели больше двух лет назад. У совета закончились деньги, и теперь последние несколько жителей старались использовать все, что у них имелось, пока не подвернется лучшая возможность.

Он взглянул на часы: было почти восемь часов, пора привести свой план в действие. Его грузовик стоял на небольшой подъездной дорожке прямо перед домом. Он взял за правило держать необходимые вещи в кузове, чтобы не вызывать подозрений. Теперь там на самом деле было больше, чем несколько досок или обломков старой мебели. Натянув толстые черные кожаные перчатки, он открыл входную дверь.

Ночь выдалась сухая, и это было частью плана. Он не смог бы сделать это под дождем. Открыв заднюю дверь грузовика и опустив ее, он передвинул несколько старых кусков дерева и взял сложенную пленку, которая хранилась у него в кузове, в дом. Он начал

обматывать Спящего ангела полиэтиленом, накручивая его вокруг нее и перекатывая из стороны в сторону, чтобы убедиться, что она полностью закрыта. Затем взял рулон скотча, который оставил на столе, и начал закреплять пленку, стараясь не использовать слишком много — не хотел, чтобы разворачивать было сложнее, чем уже есть, когда он доставит ее в церковь.

Поднять ее, оказалось гораздо труднее, чем он себе представлял. Скользящая пленка не давала крепко ухватиться, и, хотя она была крошечной, тело оказалось мертвым грузом. Он улыбнулся про себя этому каламбуру.

Собрав все силы, он перебросил ее через плечо и сделал свой ход. Выйдя из дома, разместил ее в кузове своего грузовика. Он не оглядывался, чтобы посмотреть, не наблюдает ли кто-нибудь, потому что никогда этого не делал, полагаясь на свое чутье. Захлопнув заднюю дверцу, он вернулся в дом и прикрыл входную дверь. Дав соседям время подойти и выяснить, если они вдруг решат, что он положил что-то неподобающее в кузов грузовика. Свет в холле он оставил включенным, и не стал запираť входную дверь.

Дышать от напряжения было тяжело, но от возбуждения у него гудело в ушах. Он прошел в темную гостиную, сел и стал ждать в кресле, давая полицейским возможность прибыть на тот случай, если кто-то их вызвал. Он не мог душить девушек в общественных местах. Заниматься этим стоило в частном порядке. Он не выносил беспорядка, да и слишком рискованно убивать жертву в ее собственном доме, так что убийство приходилось совершать здесь.

Прошло десять минут, и ни одна полицейская машина не вылетела на улицу с мигалками и воющими сиренами. Прекрасно, остается надеяться, что ему удастся вытащить ее из грузовика у церкви так, чтобы никто не заметил.

В последний месяц он был очень занят, потому что записывал в красную книжку все дела и служения, которые проводились в церкви. Вечера четверга были тихими, никаких танцующих чечетку подростков в церковном зале или расставляющих цветы пенсионеров. Четверг оказался непопулярным вечером в календаре церкви Святой Марии, что вполне соответствовало его потребностям.

Он свернул с подъездной дорожки и проехал небольшое расстояние до церкви. В последнее время он несколько раз подрабатывал в этом районе, так что его грузовик был привычным зрелищем, когда стоял припаркованным рядом с церковью. Про себя он мог сказать, что обладает очень хорошими организаторскими способностями.

Не было ни одного дома, выходящего окнами на церковь, только здание пресвитерии неподалеку. Он заметил, что жалюзи закрыты. Передняя часть церкви была освещена, но задняя погрузилась в темноту. Он припарковался как можно ближе к воротам. Рядом никто не ходил, но он вышел и немного прогулялся, чтобы убедиться наверняка.

Успокоившись, он открыл заднюю дверцу грузовика и вытащил ее, перекинув через плечо. Ему пришлось пригнуться, когда он проходил через ворота. Стоило убедиться, что он не зацепит ее низко висящими над входом ветвями. Он совсем не желал, чтобы она запуталась в них, и начала болтаться, как марионетка. Его руки в перчатках вспотели, и стало труднее удерживать тело, но еще несколько шагов — и он окажется у могилы, которую выбрал. Идеальное расположение: его не видно с улицы из-за непосредственной близости к стене, а с другой стороны он оказался защищен огромным дубом.

Тяжело дыша, он наклонился и попытался поставить ее, не уронив, но она выскользнула из его рук, и он застонал, когда тело ударилось о гравий. Вытащив из кармана нож, он

разрезал пленку. Работая быстро, он стащил ее и скрутил, отбросив в сторону. Раздел Трейси, сняв всю одежду, затем уложил на бок, не торопясь, положил одну руку ей под лицо ладонью вверх, а другую на грудь. Стараясь, чтобы они оказались очень близко друг к другу, насколько он мог их разместить, не скрепляя вместе. Затем принялся собирать листья, ветки и веточки, желая прикрыть часть ее наготы. Ему хотелось, чтобы Трейси выглядела красиво, застыв в смерти, как будто она скульптура.

Это заняло у него гораздо больше времени, чем он рассчитывал, но, когда, наконец, он закончил и отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой, ему захотелось аплодировать. Она выглядела по-настоящему прекрасной в смерти. Он стянул перчатки и достал из кармана телефон, сделав пару снимков. Он не думал, что увидит ее снова, но хотел помнить все о своем первом ангеле.

С трудом оторвавшись от созерцания, он повернулся и начал собирать одежду и пленку. Вещи пахли Трейси, и он развесит их в своем кабинете в шкафу, который специально купил. Поднес блузку к носу и вдохнул аромат, не зная, что это, но догадываясь, что что-то дорогое. Он знал, что каждый раз, когда почувствует этот запах на женщине, будет возвращаться к этим драгоценным воспоминаниям. С колотящимся от волнения и напряжения сердцем он заставил себя отойти. Оказавшись у ворот, он обернулся, бросил на нее последний взгляд и послал воздушный поцелуй. Затем сел в свой грузовик и уехал.

Он был накачан адреналином, ничто не могло разрушить то, что он ощущал в этот момент. Торжествуя, но не предаваясь безрассудству, он бесцельно ехал по пустым улицам следующие двадцать минут — и не встретил ни одной полицейской машины, что его не удивило. Когда почувствовал, что готов, он поехал домой и вернулся к своей обычной жизни.

В «Черном Псе» оказалось немногочленно. Уилл подошел к бару, купил себе двойную порцию водки и аккуратно выпил. Затем заказал две пинты пива, большой бокал вина и три пакетика чипсов с солью и уксусом. В углу двое мужчин играли в бильярд, и все. По крайней мере, это сэкономило время в баре — он хотел напиться и забыть о том, что произошло сегодня вечером.

Через пару недель, возможно, он увидит в этом смешную сторону, но сейчас сомневался. Уилл мог бы даже взять больничный завтра, чтобы не пришлось столкнуться с восьмичасовым издевательством коллег. Он отнес напитки и вернулся за чипсами. Лора рассказывала Стью о каком-то фестивале, на который собиралась через пару недель в микроавтобусе полным приятелей. Стью спросил, кто был хедлайнером, и Уилл осушил свою пинту, прежде чем они успели выпить. Он встал и снова подошел к бару, чтобы заказать еще двойную порцию водки и пинту пива. Проглотил водку в баре зная, что они будут шептаться о нем. Обычно он никогда не пил больше пары кружек за вечер, предпочитая оставаться трезвым и не быть причиной каких-либо сплетен.

Достал телефон и позвонил Энни, хотя и злился на нее, но все равно предпочел бы быть с ней, чем сидеть в пабе и сердиться.

Сегодня первый раз, когда они по-настоящему поссорились, и ему это не понравилось. Если она ответит, он возьмет такси и уедет домой, оставив Лору и Стью одних. Он набрал ее номер и звонил, и звонил, пока не переключился на голосовую почту. Не стал оставлять сообщение, потому что не знал, что сказать: «Перестань упрямиться и возвращайся домой?»

Уилл попробовал еще раз, по-прежнему без ответа. Набрал Джейка, который тоже не взял трубку. Теперь он разозлился еще больше, чем раньше, и заказал очередную рюмку водки. Осушив ее, повернулся и, спотыкаясь, побрел к столу, чтобы присоединиться к остальным. Он поймал взгляд, который Лора бросила на Стью, но проигнорировал его и начал говорить о всякой дурацкой чепухе, которая приходила в голову.

Через двадцать минут Стью посмотрел на часы. — Мне точно пора, Дебс убьет меня, если я опоздаю.

Уилл кивнул. — Ты слабак Стью, что это у тебя на лбу? Держись, это следы от каблука — подкаблучник, вот кто ты.

Лора подавила смехок и протянула пустой бокал Уиллу. — Ну, я не тороплюсь, повтори.

Стью нахмурился, качая головой, но Уилл встал, чтобы вернуться к бару, и она потеряла большой и указательный пальцы и прошептала: — Ты будешь должен мне гораздо больше, чем десятку.

Стью пожал плечами. — Seriously в этом сомневаюсь, он так напьется, что тебе придется привязать флагшток, чтобы заставить его член стоять.

Она громко фыркнула, заставив всех, включая Уилла, обернуться и посмотреть. Стью помахал руку и вышел, оставив их наедине.

Энни сидела на кухне у Джейка и пила пенный капучино, который только что приготовил Алекс. Теперь, когда она оправилась от первоначального шока от того, что случилось на кладбище, это уже не казалось ей таким смешным. Она знала, что расстроила

Уилла и поставила его в неловкое положение перед коллегами, и чувствовала себя дерьмово.

Алекс схватил ее за руку. — Пенни за твои мысли?

— Почему я позволяю Джейку уговаривать меня на такие глупости? Я такая идиотка, а теперь Уилл злится на меня, и завтрашний выход на работу будет сущим кошмаром.

— Энни, я живу с Джейком последние два года, и он до сих пор подбивает меня делать глупости, хотя я-то уже должен знать все его уловки. В прошлом месяце нашу открытку прочитала старушка, которая чуть не потеряла сознание, когда поняла, что мы пара. До этого она желала Джейку жениться в ближайшие три года и завести много детей.

Она улыбнулась ему. — Бедная женщина. Я знаю, какой он, и могла предполагать, чем все закончится. Мне надоело кормить сплетников в участке подробностями своей жизни.

Джейк вошел и погладил ее по голове, потом подошел и встал рядом с Алексом, обняв его за талию. — Мы уже протрезвели, мисс Грэм? Хотя это было довольно весело.

— Тогда это казалось забавно, но сейчас я уже не уверена. Думаю, мне следует пойти, найти Уилла и извиниться.

— На твоём месте я бы не стал, дал бы ему время успокоиться. Он был очень зол на тебя. Почему бы тебе не переночевать в свободной комнате? Дай вам обоим возможность выдохнуть, а утром пойдешь к нему. Он появится на работе не раньше двенадцати.

Энни задумалась. Ей придется взять такси до дома Уилла, а потом вернуться сюда, чтобы завтра приехать за своей машиной, а день зарплаты наступит только через неделю. Было бы проще остаться на ночь и первым делом поехать домой; на работу только к девяти. Она открыла рот и широко зевнула. — О, извините, если не возражаете, я останусь у вас. Это проще, чем возиться с такси и прочим.

Алекс кивнул и вышел из кухни. Джейк понизил голос: — Он пошел стелить тебе постель и убедиться, не прячется ли чудовище в шкафу.

Энни толкнула Джейка под руку. — Не будь таким злым, он очарователен и иногда слишком хорош для тебя и твоего сарказма. — Она допила кофе и на этот раз умудрилась элегантно слезть с табурета. — Видишь, я могу быть леди, если постараюсь.

Джейк рассмеялся и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. — Спокойной ночи, моя сумасшедшая подруга призраков. Спи крепко.

Она отправилась наверх. Алекс включил отопление и откинул одеяло, положив одну из футболок Джейка на кровать для нее. — Спи спокойно, Энни, все будет хорошо. Вам с Уиллом суждено быть вместе, и я уверен, что он пытался дозвониться, ты проверяла?

Она поискала в кармане телефон, но его там не оказалось. — Черт, кажется, я уронила его, когда упала на кладбище.

— Утром отправлю Джейка поискать его. Я не такой храбрый и глупый, как вы. И ни за что не пойду туда в такое время ночи. Не хочешь одолжить мой, чтобы позвонить ему?

Она покачала головой: — Нет, уже поздно. Пусть немного помучается, возможно поймет, что не может жить без меня.

Алекс обнял ее. — Я почти уверен, что он это уже понял. — Он ушел, а Энни разделась, натянула через голову огромную футболку Джейка и забралась в постель. Через пять минут она уже крепко спала.

Когда Уилл перестал ясно видеть, он решил, что пора заканчивать. Встал и почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Упав на стол, он опрокинул остатки вина Лоре на колени. Она вскочила и схватила Уилла за руку.

— Давай, Уилл, думаю, пора уходить.

Он почувствовал, как ее рука скользнула под его руку, и она схватила его за локоть, направляя к двери. — Извини, Лора, я тебя всю облил.

Он не особо внятно произнес эти слова, и Лора хихикнула. — Все в порядке, я высохну, но, думаю, мне следует убедиться, что ты благополучно доберешься до дома.

Уилл повернулся и нацелился губами в ее щеку, чтобы запечатлеть на ней поцелуй, но она двигалась быстро, и он почувствовал, как его губы соприкоснулись с ее. Она крепко поцеловала его, притянув к себе, и на секунду он забыл об Энни и ответил на поцелуй, но потом к нему вернулись чувства, и он отстранился.

— Эй, притормози. Я не должен этого делать. — Подъехало такси, он отошел от нее и постучал в окно. — Для кого такси?

— Коркилл.

Уилл кивнул и открыл дверь. — Тогда им буду я. — Он махнул приглашающе головой Лоре, которая едва сдерживала смех, и она забралась в машину следом за ним. Уилл назвал свой адрес и опустил стекло, он ничего не ел с обеда, кроме пачки чипсов, и его тошнило. Лора снова взяла его под руку и теперь склонила голову ему на грудь. Это было неправильно, но Уилл был так пьян, что не мог ясно мыслить и изо всех сил старался не облевать пол такси.

Когда они вышли из машины, Уилл с трудом начал искать в кармане деньги, чтобы расплатиться с водителем. Ему стоило огромных усилий удержаться на ногах. Он почувствовал, как тонкие пальцы Лоры скользнули в его боковой карман и начали шарить в поисках денег. Он смотрел, как она расплатилась с таксистом, а потом взяла его за руку и потащила по гравийной дорожке к входной двери. Она держала в руке ключ от его двери, вставила его в замок и, открыв, вошла внутрь.

Уилл, спотыкаясь, прошел следом за ней и зацепился о коврик в прихожей. Изо всех сил он старался удержать равновесие, но гравитация победила, и Уилл упал на пол. Он лежал и смеялся. Лора попыталась поднять его, но он был слишком тяжел, и вместо этого она упала на него сверху. Она снова поцеловала его, но на этот раз он не ответил. — Прости, Лора, но я не могу... Я люблю Энни.

Заметил, как она смаргивает слезы, и ему стало неудобно, хотя он и был пьян. С трудом поднялся на колени, опрокинув фотографию в рамке лицом вниз на маленький столик в холле. Затем, пошатываясь, прошел в гостиную и рухнул на диван. Через шестьдесят секунд он уже храпел.

Лора так сильно хотела Уилла, что у нее защемило в груди. Она не могла позволить себе такси домой, а Энни, должно быть, нет дома, иначе она спустилась бы посмотреть, что внизу за суматоха. Лора посмотрела на Уилла, потом наклонилась и стянула с него ботинки, расстегнула брюки, стянула их и бросила на пол рядом с обувью. На нем были обтягивающие черные боксеры, и для мужчины намного старше ее он выглядел вполне прилично.

В доме было тепло, и ей не хотелось помять свой лучший костюм, поэтому она разделась до нижнего белья и забралась на диван рядом с Уиллом. Лора надеялась, что когда он проснется, то поведет себя как большинство мужчин и не сможет устоять перед ее чарами и предложением горячего секса. Потом вино начало действовать, и она почувствовала, что засыпает.

26 июня 1984 года

Софи не могла заставить себя смотреть эту дурацкую телепередачу, которой был

одержим Шон. Как будто эти люди могли на самом деле сделать танки из каких-то металлических листов и фена. Полная чушь, но брату нравилось. Все, чего он хотел, — это быть Би Эйем, тем, у которого сумасшедшая стрижка. Софи почти не разговаривала с тех пор, как увидела того человека вчера. Он казался почти реальным, в каком-то смысле, но все же не был настоящим, и от него так плохо пахло. Она не знала, почему он не любит ее и откуда пришел, но верила, что он вернется. Он велел ей убираться, а она этого не сделала. Куда ей деваться, ведь ей всего девять лет? Она не могла просто уйти, потому что какая-то ужасная, вонючая тень мужчины велела ей это сделать.

Хуже всего то, что мама думала, будто она все это выдумала. Почему она не могла почувствовать его запах? Софи никогда бы не солгала ни о чем, ну кроме той лжи во благо, чтобы не расстроить кого-то. Она посмотрела на изображение, которое рисовала, желая показать маме, как он выглядит. Софи хотела, чтобы мама вела себя осторожно, если тоже увидит этого человека. Но у нее не получалось изобразить его правильно.

Мужчина казался одновременно серым и черным, но в то же время прозрачным. Она знала, что если бы у нее хватило смелости протянуть руку и дотронуться, то рука прошла бы прямо сквозь него. Он, должно быть, призрак, а никто не делал карандашей цвета «призрак», хотя надо думать, что такой цвет стал бы довольно популярным. Софи готова поспорить на что угодно, она не единственный ребенок, который его видел. Она вздрогнула, ей не хотелось, чтобы он возвращался.

Обрадовавшись, наконец, что рисунок достаточно хорош, она взяла его, чтобы показать маме, которая разговаривала с отцом Джоном. В последнее время он часто к ним заходил. Софи стояла у кухонной двери, пока священник не отвел взгляд от ее мамы и не улыбнулся ей.

— Привет, Софи, что это у тебя? Позволь посмотреть.

Софи неохотно подошла к нему и протянула листок. — Я не знал, что ты начинающая художница. — Он посмотрел на изображение, и его лицо застыло. Софи поняла, что священник уже видел человека-тень раньше.

— Почему ты рисуешь это, ты видела этого мужчину, Софи?

Она кивнула, но ничего не сказала. Софи не хотела сердить маму снова.

— Когда ты его видела?

Софи посмотрела на мать, которая отвернулась от того, что готовила на плите, чтобы посмотреть на них. Девочка подошла к отцу Джону и, встав на цыпочки, прошептала на ухо: — Вчера наверху, и я ему не нравлюсь. — Мама Софи Бет посмотрела на дочь, лицо которой было бледным, а потом на отца Джона. Его лицо казалось блее, чем у Софи.

— Что происходит, о чем ты говоришь, Софи? Что я тебе говорила насчет выдумок?

Отец Джон встал и передал ей рисунок. Бет взяла его и побледнела. — Софи, это ужасно, зачем тебе рисовать кого-то, кто так выглядит? Неудивительно, что ты сама себя пугаешь. Что вы смотрели по телевизору?

Отец Джон повернулся к Софи. — Если увидишь его снова, скажи мне. Он был груб с тобой?

Софи кивнула.

— Я ему тоже не нравлюсь, но я могу заставить его уйти. Возможно, он просто проходил мимо, направляясь в другое место.

Мысль об этом заставила Софи почувствовать себя лучше, и впервые со вчерашнего дня у нее пропало тошнотворное ощущение в животе. — Я скажу. Вы действительно так

думаете? Потому что он мне не нравится и от него очень плохо пахнет!

Отец Джон улыбнулся ей. — Я уверен, что так оно и было, и да, от него действительно дурно пахнет, как от старого мусорного бака.

Они оба начали хихикать, и Бет пожала плечами, она понятия не имела, о чем они говорят, но позволила им продолжать.

Отец Джон встал, собираясь уходить. — Я сейчас пойду, но вернусь позже, принесу святой воды и окроплю комнату Софи.

Бет кивнула. — Вы оба сумасшедшие, но если вам от этого станет легче, то развлекайтесь.

Отец Джон подмигнул Софи. — Он не любит святую воду, она пахнет слишком чисто для него, поэтому он не войдет в твою комнату.

Софи смотрела, как священник собирается, не желая, чтобы он уходил. С ним она чувствовала себя в безопасности, особенно, если он знал о человеке-тени. Отец Джон направился к входной двери, и она последовала за ним. Он помолчал, потом порылся в кармане, вытащил маленький бронзовый медальон с изображением Святого Михаила и протянул ей. — Носи его или держи при себе, он поможет.

Бет посмотрела на него. — Да ладно, отец Джон, что вы пытаетесь сделать, промыть мозги моей дочери? Софи сходи за Шоном и отведи его наверх почистить зубы, а я через минуту поднимусь.

Софи повернулась и побежала обратно в гостиную, чтобы оттащить брата от телевизора. Священник подождал, пока она отойдет подальше. — Не думаю, что вы понимаете Бет, но от этого человека-тени, как называет его Софи, исходит вполне реальная угроза. Я сам видел его, когда был немного старше, чем Софи сейчас, и он не очень хороший.

— Вы хотите, чтобы я поверила, будто моя дочь видела привидение? Потому что я не верю ни во что из этой чепухи... Вы же служитель Господа. Потом вы скажете, что он тоже будет появляться, чтобы поговорить с моими детьми. Я не хочу больше об этом слышать и, пожалуйста, не поощряйте ее. Мне и так есть, о чем беспокоиться.

— Простите, вы правы, Бет, но вы должны знать, кем бы или чем бы ни был этот человек-тень, он настоящий. Я боялся его, когда был мальчишкой. Я был так потрясен, увидев рисунок Софи.

— Всего доброго, Отец.

Она закрыла дверь, а Джон повернулся и пошел к воротам. Он обернулся и увидел, что Софи стоит у окна, прижавшись лицом к стеклу, и машет ему. Он помахал ей в ответ и прочитал молитву, чтобы она была в безопасности. Никто не знал, с чем они имеют дело, кроме него, а он старался не вспоминать об этом уже двадцать три года.

Отец Джон прошел небольшое расстояние до своей церкви. Дом, в котором жили Бет и ее дети, принадлежал церкви. Он использовался как дом для бедных семей или тех, кто отчаянно нуждался.

Бет оказалась в отчаянном положении, когда отец Джон впервые встретил ее с подбитым глазом и сломанным носом. Он нашел ее в углу церкви с двумя детьми и чемоданом. Он только что присоединился к приходу, но не мог их проигнорировать. Он отвел их в пресвитерию, держа на руках спящего Шона. Бет следовала за ним с Софи и потрепанным чемоданом. Это было девять месяцев назад, и он видел, как Бет становилась все увереннее, и они стали хорошими друзьями.

На самом деле, по правде говоря, он запутался, потому что очень хотел быть больше,

чем хорошими друзьями. Но он знал, что это никогда не случится. Он понимал, что должен попытаться отстраниться от нее, но не мог. Его тянуло к Бет, к ним, сильнее, чем кому-либо. Джон никогда раньше не испытывал ничего подобного и думал, не потому ли он хотел защитить их, защитить ее.

А теперь это... как мог человек-тень оказаться здесь после стольких лет? Джону нужно поговорить с отцом Робертом, который намного его старше и мудрее.

Он повернул черное железное кольцо на двери церкви и вошел внутрь, ему нужно помолиться. Тишина внутри церкви успокоила Джона, и он почувствовал, что вернулся домой, что Бог ждет его, и это было хорошее чувство. Несмотря на внутренний конфликт, который испытывал, он знал, что церковь то место, которому он действительно принадлежал. Джон верил, что каким-то образом Бог ему поможет.

«Заметки частного детектива Уэйна Стерлинга»

I

С чего начинается утро среднестатистического человека? С чашки кофе? Весьма вероятно. А у такого же человека, но в Британии? Конечно же с огромной кружки чёрного чая! Так ответит вам любой здравомыслящий житель наших прекрасных островов.

Я, как и, надеюсь, большинство знающих меня людей считал себя здравомыслящим. Поэтому, едва покончив с гигиеническими процедурами, заварил себе литровый термос «Эрл грея». — Что ж, теперь можно со спокойной душой приступить к работе, — бодро сказал я сам себе и, надев один из немногочисленных костюмов, покинул свои скромные апартаменты на втором этаже ничем не примечательного дома в одном из старых районов Лондона.

Через пару минут я оказался на месте назначения и, привычным движением набрав код сигнализации, толкнул большую стеклянную дверь с надписью «Sterling investigation&security». — Дайан, сейчас ровно 9 утра. Детектив Стерлинг вновь прибыл к месту несения службы, — буднично произнёс я. И, как и всегда, на фразу с отсылкой на мой любимый «Твин Пикс» никто не отозвался. Держать секретаря мне было не по карману, да и в наш век цифровых технологий и всевозможных голосовых помощников в нем нет необходимости.

Да, забыл представиться. Меня зовут Стерлинг. Уэйн Стерлинг. Частный детектив, ставший таковым волей безжалостной бюрократической машины, зарубившей меня на очередной полицейской медкомиссии.

Не могу сказать, что я был сильно раздосадован этим фактом, ведь теперь, обладая всего лишь двумя лицензиями, я мог вести дела куда более интересные, чем расследование мелких краж. Так во всяком случае я думал вначале. На деле же оказалось, что большая часть работы частного детектива состоит из слежки за неверными супругами, да поиска финансовых активов, спрятанных богатеями подальше от глаз вездесущих надзорных органов.

Но иногда попадались и весьма необычные кейсы, как тот, на который я наткнулся, просматривая электронную почту. Адрес, с которого пришло письмо, представлял собой какую-то белиберду из букв и цифр и располагался где-то на Мартинике. Внутри находились несколько текстовых файлов, заботливо кем-то пронумерованных цифрами от 0 до 3.

На первый взгляд ничего интересного. Какая-то полумистическая чушь о бесах и призраках, но одна деталь бросилась мне в глаза. Имя — Энни Грэм. Где-то я его уже слышал. Да, точно! Это же она фигурировала в качестве потерпевшей в прогремевшем на всю страну полгода назад деле о серийном убийце в Камбрии. — Интересно. — Я начал снова внимательно перечитывать текст, делая кое-какие пометки в блокноте. Спустя полчаса и половину термоса я откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления.

Мои записи занимали немногим больше половины страницы, но даже на их основе

можно было сделать кое-какие выводы. И так, что мы имеем? Первое – нелинейное повествование. Время действия перескакивает с 1984 года на современность и обратно. Причем первая запись датирована 30 июня, а дальше события подаются в качестве флешбеков на 25 и 26. Логично предположить, что в следующих частях, если они будут, раскроется то, что происходило между этими датами.

А происходить там должно нечто, что приведёт к двум смертям: Софи и её матери, которая совершила самоубийство. Около этого слова я поставил жирный знак вопроса. Для выводов пока рановато.

Далее. Таинственная серая смердящая тень. По-видимому, её могут видеть только дети: Софи, Шон и маленький отец Джон. Немного подумав, я дописал ещё одну дату: 1961 год. Священник упоминал, что видел её двадцать три года назад. Расскажут ли мне, что тогда произошло? Это помогло бы улучшить понимание происходящего.

Я попытался нарисовать эту самую тень и так же, как и Софи, посетовал на отсутствие цвета «призрак». Исходя из его описания, получалось что она являлась чем-то вроде фантома какого-то не очень хорошего в прошлом человека, испытывающего странное влечение к церковным окрестностям. Не то чтобы я во всё это верил, но привычка работать с сухими фактами брала своё.

Из временной линии прошлого извлечь было больше нечего, и я переключился на настоящее, решив вначале проанализировать наименее информативный фрагмент, где упоминалась Энни Грэм. Тут мне в первую очередь бросилось в глаза отвратительное взаимодействие между полицейскими отделами. Как в городе с населением не более чем пятьдесят тысяч человек, патрульный может быть не в курсе о готовящейся спецоперации на кладбище? Неужели лучший друг не удосужился его оповестить?

Да и к самому детективу-сержанту у меня был вопрос. Ладно он решил напиться до беспамятства — этим грешат многие копы, но здесь налицо также явная психологическая нестабильность. Профессионал не имеет права выпускать свои эмоции наружу. Да и моральный облик его коллег тоже оставляет желать лучшего. Куда смотрели штатные психологи при приёме на службу? Оставалось надеяться, что, проснувшись рядом с полуголой помощницей, он всё же поведёт себя как мужчина и выкинет её из дома, а заодно и из отдела. Энни можно было только пожелать сил и терпения.

Вторая линия из настоящего была куда занимательнее. У анонимного душителя явно прослеживались задатки частного сыщика: грамотное наружное наблюдение, попытка составить список контактов жертвы, замечание следов.

Прослеживались также и черты потенциального серийного убийцы: склонность к «фирменному» следу в виде раздетого тела и способа убийства, фетишизм, тлетворное, по его мнению, влияние матери в детстве. Вдобавок ко всему он ещё и чувствовал некую связь с прошлым, считая себя божьим слугой.

Впрочем, связь с «вонючкой» из 1984 года напрашивалась сама. Она заключалась в нездоровом влечении обоих субъектов к церковным окрестностям. В любом случае всё это представляло собой довольно ядрёную смесь и грозило большой опасностью для местных жителей. Если, конечно, письмо не было розыгрышем, то на северо-западе Англии творилось что-то неладное. Бедняжка Трейси Хэйл.

Я вскочил с кресла и принялся наворачивать круги по офису. Для каких-то действий у меня пока было слишком мало информации. Вероятно, я бы смог её получить, ознакомившись с четвёртой частью. Наверняка в ней будет намёк на следующую жертву душиителя!

Внезапно меня осенила идея и, вновь вернувшись на рабочее место, в ответном письме я кратко изложил свои выводы и догадки по этому делу. Приведёт ли это к чему-нибудь? Прав ли я? Узнаем завтра.

Энни проснулась от запаха жареного бекона, желудок заурчал, и она поняла, что умирает с голоду. Откинув одеяло, спустила ноги с кровати и присела на край на случай, если у нее будет сильное похмелье. Поднявшись, она почувствовала себя прекрасно, ни стука в голове, ни скручивания желудка, счет один ноль в пользу Энни. Она оделась и пошла в ванную, чтобы освежиться.

Ее волосы выглядели намного лучше, теперь они отросли до плеч. Так она выглядела определенно симпатичнее, чем с половиной выбритой головы, которой щеголяла в прошлом году. Смачивая пальцы, она провела по волосам и взъерошила их, а потом выдавила зубную пасту на палец и растерла им зубы. По крайней мере, от нее не будет пахнуть. Теперь она готова встретиться с Уиллом и загладить свою вину. Прошлая ночь оказалась первой, что они провели порознь с тех пор, как она переехала к нему.

Спустившись на кухню, она встретила веселого и бодрого Алекса, который готовил бутерброды с беконом и яйцом. Джейка нигде не было видно.

— Здоровяк лежит в постели, не может пошевелить головой, и его всю ночь тошнило. Текила явно не так ему нравится, как он думал, но ты, моя дорогая, выглядишь потрясающе. Так что можешь злорадствовать над ним весь день, если хочешь.

— Весьма заманчиво, но отложу это до тех пор, пока он не придет на работу. Я бы с удовольствием съела сэндвич, если ты не против, а потом пойду к Уиллу. Думаю, мне придется немного помолить.

— Ну, только не вымаливай прощение слишком сильно и помни, что он тоже виноват. — Алекс протянул ей бутерброд, сделанный из двух толстых ломтей свежее испеченного хлеба.

— Спасибо, Алекс, ты знаешь, как ухаживать за девушкой.

Он начал смеяться. — Да, действительно. — Алекс посмотрел в сторону лестницы. Энни встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Когда она повернулась, чтобы уйти, он окликнул ее — в руке он держал ее телефон.

— Где ты его нашел?

— Под одним из барных стульев, он должно быть выпал из твоего кармана.

Она поблагодарила его и вышла из дома, чтобы сесть в машину и встретиться с мужчиной своей мечты.

Энни добралась до дома Уилла и припарковалась. Ей нравилось место, где они живут, оно такое красивое. Ее всегда прельщала идея жить в загородном коттедже с верандой, покрытой сладко пахнущими розами и жимолостью вокруг двери, и в его доме все это имелось.

Энни надеялась, что Уилл все еще в постели и она сможет забраться к нему и показать, как ей жаль. Она побежала по усыпанной гравием дорожке и вытащила из кармана ключ. Дверь оказалась не заперта, что совсем не похоже на Уилла. Его короной фразой было: «Запри дверь в дом или потеряешь его» — девиз полиции по борьбе со взломом. Она толкнула дверь и шагнула внутрь.

В воздухе стоял запах несвежего пива, и взгляд Энни упал на стол, на их с Уиллом фотографию, лежащую лицом вниз. Она не чувствовала ничего подобного с тех пор, как ушла от Майка, и знала, что что-то не так. Назовите это женской интуицией или инстинктом

полицейского. Из гостиной донесся громкий храп, и Энни заставила себя пойти в ту сторону.

Она не была уверена, что именно ожидала увидеть, но определенно не Уилла, спящего рядом с практически обнаженной Лорой, которая положила руку ему на грудь и обхватила ногами. Боль, пронзившая сердце Энни, заставила ее громко ахнуть.

В глубине души она больше всего боялась, что все закончится именно так. Ей удалось забыть о его репутации бабника, потому что Уилл изменился с тех пор, как в нее влюбился.

Слезы навернулись на глаза, и как бы ни хотелось схватить худенькую белокурую Лору за волосы, стащить ее с дивана и выставить голой на улицу, она не могла этого сделать. Уилл прошептал что-то на ухо Лоре, и Энни повернулась, чтобы выбежать из дома и навсегда исчезнуть из его жизни, но споткнулась о валяющиеся ботинки и ударилась о стену. Глаза Уилла распахнулись, и он растерянно посмотрел в ее сторону. Энни смотрела на него, собираясь с мыслями, затем развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Уилл почувствовал тепло тела рядом с собой и был потрясен, увидев Лору. — Твою мать, Лора, что ты тут делаешь?

Он оттолкнул ее, и Лора скатилась с дивана на мягкий ковер. Уилл с трудом поднялся, голова кружилась. Его желудок сжался, а рот наполнился желчью. Тем не менее он побежал к входной двери, заметив рамку с фотографией, которую опрокинул прошлой ночью и был слишком пьян, чтобы потрудиться ее поднять.

Громкого визга, когда машина Энни умчалась, было достаточно, чтобы его вырвало прямо на пол. Перестав блевать, он распахнул дверь, чтобы убедиться, что это была машина Энни, и что она не сидит снаружи. Она давно уехала, а он стоял на крыльце и мысленно умолял ее вернуться. Он повернулся, чтобы войти внутрь, и заметил, что его пожилая соседка наблюдает за ним. Уилл вспомнил, что на нем почти нет одежды. — Извините, миссис Джонс. — Он вернулся в дом и закрыл за собой дверь. В прихожей стояла, уже одетая, Лора.

— Мне пора, ты не мог бы вызвать мне такси? У меня телефон сдох.

Он указал на телефон рядом с перевернутой фотографией. — Позвони сама. О чем ты думала, о чем я думал? — Он не мог заставить себя ответить на свой же вопрос.

— Не знаю, не помню. — Покачала она головой.

— Вызови такси и подожди снаружи, можешь закрыть за собой дверь. — Он пошел на кухню, чтобы выпить воды и четыре таблетки парацетамола. Похмелье в его возрасте уже не так весело, и он только что по-королевски испортил свою жизнь. Ему хотелось плакать, но вместо этого он взял рулон бумажных полотенец, чтобы вытереть рвоту. Немного прибравшись, он пошел наверх спать. Набрал номер Энни, но тот сразу перешел на голосовую почту.

Не в силах больше ничего сделать, Уилл закрыл глаза и погрузился в глубокий сон, в котором он не разбивал сердце любимой женщины и не разрушил всю свою жизнь.

У отца Джона впереди был трудный день: ему предстояло отслужить пару похорон и крестины. Кроме того, он должен навестить больного прихожанина, которому нужно поговорить с ним о чем-то, что он не хотел обсуждать ни с кем другим. Но первым делом он побрел на кухню в пижаме с Губкой Бобом и пушистых тапочках. Ему нужен кофе. Не просто ложка из банки с растворимым кофе, а настоящий.

Он редко тратил деньги на себя, но единственное, в чем он в конце концов не смог отказать себе, стала кофе-машина, которая вполне могла бы стоять в местных кофейнях «Коста». На самом деле о капучино отца Джона ходили легенды. Если бы его сделали святым, то он стал бы отцом Джоном – Покровителем любителей кофе.

Он готовил кофе для представительниц женского комитета, которые собирались раз в неделю за большим кухонным столом с тарелкой домашнего печенья, после чего грациозно кланялся и оставлял их наедине. Впервые в истории у них был список желающих присоединиться к комитету, и он знал, что это потому, что за напитки отвечал он.

Перемолов зерна, он принялся варить кофе, сунув в тостер два ломтика хлеба из муки грубого помола. Как только позавтракает и прочтет ежедневную газету, он примет душ, наденет свой греховный костюм, как он ласково называл свою сутану, и приступит к работе.

Джон уже допивал вторую чашку и читал утреннюю прессу, когда снаружи раздался оглушительный крик. Он вскочил, отбросив газету в сторону, и подбежал к окну, чтобы посмотреть, что, черт возьми, случилось. Выглянув наружу, он увидел согбенную фигуру миссис Хиггинс, которая неслась через церковный двор в палисадник. Для старухи она двигалась очень быстро! Он бросился к входной двери и открыл ее для женщины, которая теперь стояла там, тяжело дыша и указывая на церковный двор. Она не могла говорить, поэтому Джон надел ботинки и побежал в том направлении, куда она указывала.

Он ничего не нашел и огляделся, ожидая увидеть какую-нибудь молодую пару, занимающуюся сексом, или какого-нибудь пьяного бездомного парня, но никого не заметил. Снова посмотрел на миссис Хиггинс и пожал плечами. Она подняла дрожащую руку и указала на стену. На этот раз он медленно повернулся, глядя на могилы, а потом увидел ее. Ему пришлось моргнуть, чтобы убедиться, что глаза его не обманывают.

Девушка лежала на одной из старых могил и выглядела так, будто спала, только Джон знал, что ее состояние гораздо хуже, чем просто сон. Он кивнул миссис Хиггинс и направился к могиле, не желая идти дальше, но понимая, что обязан позаботиться об этой бедной девушке. Он встал перед ней и перекрестился, быстро прочитав молитву, затем наклонился и приложил два пальца к ее шее, чтобы проверить пульс. Он знал, что его не будет, но должен был попытаться.

Вернувшись в дом, он позвонил в полицию. «Боже милостивый, куда катится этот мир».

Уилл с трудом выбрался из постели и направился в душ. Он не мог весь день валяться, купаясь в жалости к себе, и прятаться от мира, но лучше разобраться с этим беспорядком сейчас. Похмелье и мысли о том, какую сильную боль он причинил Энни, вызывали у него дрожь. Уилл был уверен, что на самом деле не занимался сексом с Лорой. Даже мертвецки пьяный, но он помнил, как сказал ей, что любит Энни. Так как же она оказалась голой рядом с ним? По прошлому опыту он знал, что когда напьется, то не сможет трахнуть даже

Дженнифер Энистон, так что с Лорой у него ничего не было.

Горячая вода очистила его кожу, но Уилл все еще чувствовал себя грязным, гнилым обманщиком внутри. Он растер лимонный гель для душа, который купила Энни, моля бога, чтобы ему удалось объясниться с ней, потому что последние шесть месяцев стали лучшими в его жизни. Он даже подумывал о том, чтобы сделать Энни предложение. До встречи с ней, он по-настоящему не верил, что когда-нибудь захочет связать свою жизнь с одной женщиной.

Телефон Уилла трезвонил, но только когда выключил душ и начал вытираться, он услышал звонок. Его сердце пропустило удар, и он скрестил пальцы, в надежде, что это Энни. Бросившись голым в спальню, чтобы дотянуться до телефона, он поднял его и увидел, что номер не определен, и понял, что это с работы.

— Уилл, слушаю.

Оператор диспетчерской сообщил ему, что на кладбище Святой Марии найдено тело, и оно выглядит подозрительно, поэтому Уиллу необходимо присутствовать. — Да, буду через десять минут. — Уилл закончил разговор, злясь что теперь, черт возьми, пройдет еще несколько часов, прежде чем он сможет поговорить с Энни.

Уилл предпочел бы разговаривать не по телефону, но у него нет выбора, поэтому он набрал ее номер. Она не ответила, да он и не ожидал этого, поэтому оставил сообщение. — Энни, это не то, что ты думаешь. Клянусь богом, я не знаю, как она там оказалась. Я был так пьян, что не смог бы... Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. Я так тебя люблю. Мне нужно идти, на кладбище Святой Марии подозрительная смерть, и, возможно, пройдет несколько часов, прежде чем я смогу добраться к тебе. Пожалуйста, Энни, я люблю тебя всем сердцем, позволь мне все объяснить.

Он закончил разговор и рухнул на кровать — сегодня будет долгий день.

Энни бесцельно колесила по городу несколько часов, пока в какой-то момент не оказалась на острове Уолни.

Припарковав машину на берегу, со слезами, катившимися по щекам, она наблюдала, как волны разбиваются о берег. Наконец она решила, что пора ехать домой, и остановила машину возле своего дома. Ее телефон вибрировал на сиденье рядом с ней, но она никак не могла найти в себе силы ответить. Ей было невыносимо слышать сейчас голос Уилла, он причинил ей такую боль, но она не удивилась. Она знала, что слишком увлеклась им после Майка.

Она посмотрела на свой дом, в котором не появлялась уже больше месяца. Вывеску «Продается», раскачивающуюся на ветру, скоро придется снять, другого выхода нет. Похоже, она все-таки вернется, она не сможет остаться у Джейка, он задушит ее любовью. А в последний раз, когда она жила у брата, это вызвало бесконечную душевную боль у всех. Она сбежала туда, чтобы спрятаться от Майка после того, как он ударил ее бутылкой по голове и чуть не убил. Именно там она узнала о своей новой способности видеть призраков, когда заглянула в старинный особняк с привидениями в лесу. О, и еще ей удалось привлечь внимание мужчины по имени Генри, который оказался серийным убийцей.

Телефон Энни запищал, прогоняя воспоминания, наполнявшие ее разум ужасом. Единственной хорошей вещью, которая вышла из случившегося, стала ее любовь к Уиллу. Он превратился для нее в рыцаря в сверкающих доспехах, но сегодняшнее утро положило конец всему. Телефон снова пискнул, сообщая, что пришло голосовое сообщение, поэтому она

открыла бардачок и бросила туда телефон, захлопнув его. Ей нужно какое-то время побыть одной, подумать, а это место казалось не хуже любого другого.

Она вышла из машины и поднялась по трем ступенькам к входной двери. Открыв ее и оказавшись внутри, она подождала пару минут, чтобы посмотреть, что произойдет. Боясь, что вернутся воспоминания о тех побоях, которые ей наносил Майк, но этого не произошло. На самом деле она ничего не почувствовала. Энни вошла в свою гостиную, которая когда-то была полна разномастной старинной крашеной мебели. Теперь это только пустая оболочка. Все было упаковано и хранилось в одном из амбаров ее брата на ферме в аббатстве Вуд.

Единственным утешением был ковер, который она постелила как раз перед тем, как Майк попытался ее убить, он все еще пах свежестью. Энни прошла на кухню и проверила шкафы. Там были пара кружек, тарелка, две вилки и ложка – по крайней мере, необходимая часть столовых приборов имеется. Она навела в тазу мыльную воду, чтобы замочить посуду. Стоило сходить за продуктами. На самом деле ей нужно купить совсем немного, ведь она собиралась дожидаться, пока Уилл уйдет на работу, и вернуться за всеми своими вещами. Придется это сделать, потому что у нее не так много свободных денег.

Повернувшись, чтобы посмотреть на дверь кухни, в которой Майк решил разбить ее затылок, Энни ожидала, что будет расстроена. Но единственное, что она почувствовала, это облегчение от того, что все еще жива, даже если ее жизнь один гребаный бардак. Она вбежала вверх по лестнице, чтобы проверить спальни и включить отопление, чтобы нагреть дом. Сегодняшняя погода совсем не походила на летнюю. Она даже не заглянула в хозяйскую спальню, вместо этого сразу прошла в гораздо меньшую гостевую комнату, которая выходила на обсаженную деревьями улицу. Этот дом определенно не был таким красивым, как у Уилла, но все же это ее дом, и пришло время вернуться обратно.

Слезы наполнили ее глаза, но она сморгнула их. Энни мечтала провести остаток своей жизни с Уиллом, но она не позволит ему обращаться с ней как с душой. Она сняла простыню, встряхнула все покрывала и наволочки, а затем снова надела. Ими никто не пользовался, так что стирать смысла нет, она просто проверяла, нет ли пауков и пыли.

Энни повернулась, чтобы выглянуть в окно, и увидела маленькую девочку, стоящую на ступеньке у ее входной двери. На ней было длинное белое хлопчатобумажное платье, а платиновые светлые волосы были разделены пробором посередине и заплетены в две косы. Энни не узнала в девочке ни одного из соседских детей. Бедняжка, должно быть, замерзла, потому что сегодня дул сильный ветер. И тут Энни заметила, что мусор на улице в бешенстве носится по асфальту, а волосы и платье девочки совсем не шевелятся.

Энни оглядела улицу, проверяя, нет ли поблизости других людей, но единственным был пожилой мужчина через дорогу, который держался за свою потрепанную старую фетровую шляпу, чтобы ее не сдуло ветром. Ее сердце бешено заколотилось, а ладони стали влажными. Девочка не двинулась с места, продолжая смотреть на нее. Энни прижалась лицом к стеклу и открыла рот, чтобы заговорить с ней, но девочка приложила палец к губам, заставив ее замолчать. Затем она повернулась и спустилась по первым двум ступенькам... К тому времени, как девочка должна была коснуться третьей ступеньки, она совсем исчезла.

Сбежав вниз по лестнице, Энни открыла дверь. Девочки нигде не было. Энни вышла из дома и спустилась по ступенькам, чтобы проверить улицу. Оказавшись на нижней ступеньке, она услышала хруст под своим ботинком, остановившись, наклонилась и подняла сломанную игрушечную фигурку. Это оказалась голова и тело без рук и ног. Довольно жуткая игрушка, потому что, кого бы она не изображала, персонаж выглядел слишком старым, его волосы

были седыми. Энни оглядела пустынную улицу, потом повернулась и пошла обратно в дом. Она прошла на кухню, открыла один из пустых ящиков и бросила туда фигурку. Ей было не по себе, но она чувствовала, что это может быть важно. Возможно, девочка играла с фигуркой, когда была жива.

Как бы Энни не хотелось признавать это, она знала, что девочка мертва, нормальные дети не исчезают в воздухе. Если бы Джейк оказался здесь, у него бы точно случился припадок.

Снаружи просигналил автомобильный гудок, и Уилл встал с кровати. Спустился вниз и поднял перевернутую фотографию. Он поцеловал палец и прижал его к губам Энни — «Прости, детка».

В коридоре все еще пахло несвежей рвотой, и желудок снова скрутило. Он открыл входную дверь и вдохнул свежий воздух, подняв руку, чтобы помахать офицеру, ожидавшему его в патрульной машине. Захлопнув дверь, он спустился по ступенькам и открыл дверцу машины. — Как жизнь, Шон?

— О, ты же знаешь, как это бывает, Уилл, одно и тоже дерьмо изо дня в день и все такое.

Уилл кивнул. Он точно знал, что Шон имел в виду. — Ну так что произошло?

— Я не был на месте преступления, но слышал, как по рации передали, что какая-то старуха нашла на церковном дворе мертвую женщину. С тех пор все будто сошли с ума.

— Господи. Можно подумать нам нужны еще какие-то убийства. Я так понимаю, надеяться на смерть по естественной причине не приходится?

— Нет, судя по тому, что я слышал по рации. Они кричали о том, чтобы криминалисты поставили там палатку, чтобы прикрыть тело. Я говорил со Смити, который охраняет место преступления, он сказал, что она была совершенно голая.

— Плохо, Шон, очень плохо.

Вдали виднелась колокольня церкви, и Уилл подумал, что отдал бы все на свете, лишь бы оказаться где-нибудь в другом месте. Но он отодвинет свои проблемы на задний план и сделает все возможное для тех, кто нуждался в его помощи. Они уже не могли задаваться вопросом, что же с ними случилось — в отличие от него.

27 июня 1984 года

Отец Джон хотел поговорить с Софи без Бет, но это было невозможно. Бет видела, что что-то происходит, но не хотела признавать этого. Он проснулся ночью после ужасного сна, в котором играл в перетягивание каната. Он был с одной стороны, а человек-тень с другой — Софи была веревкой. Когда он открыл глаза, его волосы прилипли к голове от пота. В комнате стоял ужасный запах гниющих овощей. Он сел и потянулся, чтобы включить прикроватную лампу, принялся, потом вскочил с кровати и включил основной свет, потому что лампа отбрасывала слишком много теней.

Прошло много лет с тех пор, как он сталкивался с этим специфическим запахом, и он чувствовал себя неудобно. Человек-тень был здесь — в его комнате. Джон знал, что бы это ни было, оно не сможет прикоснуться к нему в доме, который принадлежит Богу, но его пугало, что оно все еще верит, что может идти, куда захочет. Чем скорее отец Роберт вернется из Манчестера, тем лучше, потому что в этот самый момент Джон чувствовал себя оскверненным в божьем доме.

Он опустился на колени у кровати и начал читать молитву, которой не пользовался с

детства. Помолчал, уверенный, что слышит глубокий голос, повторяющий каждое слово, и каждый волосок на его затылке встал дыбом. Резко повернув голову, он поискал тень, притаившуюся в углу, но в комнате кроме него никого не было. Он закончил молитву и встал.

— Я тебя больше не боюсь. Не знаю, почему ты здесь, но думаю, тебе пора уходить, потому что, если ты этого не сделаешь, я отправлю тебя обратно в ту адскую дыру, откуда ты пришел, и ты никогда больше не увидишь дневного света. — С этими словами Джон вышел из спальни, спустился вниз и вышел через парадную дверь, чтобы проверить Бет и ее детей.

Дом Бет был погружен в темноту, что конечно хороший знак, они, должно быть, все спали. Встревоженный, он вернулся в дом священника и взял ключ от церкви с большого оловянного блюда, стоявшего на буфете в прихожей. Ему нужно оказаться ближе к Богу, поэтому он направился к церкви, которая была окутана тьмой.

Прожекторы, освещавшие здание церкви каждый вечер, погасли. Они работали по таймеру, чтобы сэкономить деньги, но Джон не боялся. Это место было его жизнью, и он верил в Бога и силу добра. Но еще это означало, что он верил в зло, и почему-то ночью было гораздо легче поверить, что зло скрывается в тени.

Шагая по влажной траве, он почувствовал, что кто-то идет за ним, но отмахнулся от этого, посчитав плодом своего воображения. Только дойдя до маленького кладбища, где кончалась трава и начинался гравий, он услышал за спиной отчетливые шаги. Он не стал поворачиваться, чтобы посмотреть, а продолжил идти в направлении церкви. Подойдя к огромной дубовой двери, он вставил ключ в замок и открыл ее.

Его сердце бешено колотилось в груди, но он не хотел показывать свой страх, потому что знал, что это будет признаком его слабости. Войдя внутрь, он ощупал стену слева от себя в поисках выключателя. Когда его пальцы нащупали выключатель, и он смог включить свет, облегчение, нахлынувшее на него, казалось ошеломляющим, так как вход залило великолепным светом. Джон стоял, прислонившись к закрытой двери, пока его дыхание не замедлилось и не пришло в норму. Дверь, казалось, слегка вибрировала. Он не замечал этого раньше, но ведь у него никогда не имелось причины приходить сюда посреди ночи после плохого сна. Никогда раньше его не преследовал человек, который не принадлежал этому миру.

Внутреннее святилище церкви все еще было погружено во тьму. Впервые в своей жизни в качестве священника Джон почувствовал страх перед этой тьмой и тем, что могло ждать его там. «Возьми себя в руки, Джон, ты в доме Господнем. Бог ни за что не допустит, чтобы подобное зло вошло в его дом. Это место безопасности и любви». — Он подошел к стеклянной двери и распахнул ее, если бы этот отвратительный запах проник в его ноздри сейчас, он бы закричал, но этого не случилось. В церкви пахло так же, как и всегда, — немного сыростью, с затяжным ароматом свечного воска и запахом свежих цветов, которые комитет матерей приносил и расставлял каждую неделю. На этой неделе это были лаванда, розы и лилии, и они пахли потрясающе.

Он перекрестился.

«Спасибо Господи, я рад, что ты выполнил свою часть сделки, мне нужна вся помощь, которую я могу получить. Я все еще новичок во всех этих вещах. Пожалуйста, не оставляй меня разбираться с этим в одиночку, потому что я не знаю, смогу ли». — Он включил свет, и тени исчезли.

Джон почувствовал, как его нервы начинают успокаиваться, а стук сердца возвращается

к более равномерному ритму. Он решил зажечь свечи и разложить книги гимнов в аккуратные стопки. Сделав это, он подошел к алтарю и опустился на колени, чтобы молиться усерднее, чем когда-либо в жизни.

II

— *И это всё? – раздражённо проговорил я, глядя на следующее утро в экран монитора. Моё недовольство граничило с разочарованием. Хотя не могу скрыть тот факт, что первоначально я почувствовал чуть ли не гордость, когда увидел новое письмо от того же отправителя. Значит, моё чутье детектива меня не подвело.*

На этот раз меня «порадовали» всего лишь двумя файлами: четвёртым и пятым. По размеру они несколько уступали предыдущим, поэтому на ознакомление потребовалось не более двадцати минут.

Информации в них не то чтобы не было, но она ни на йоту не приближала меня к разгадке происходящего. Но делать было нечего, и я вновь взялся за блокнот.

Повествование в четвертой части было сосредоточено на современности. Снова Энни Грэм и сержант Уилл. Взять отсюда было практически нечего. Я мог лишь отметить, что линия поведения Энни вполне соответствовала ситуации, и обвинить её мне было не в чем.

Единственное, о чем ей следовало бы подумать в будущем, так это о том, что, застав детектива спящим с коллегой, ей, как полицейскому, стоило обратить внимание на то, что Лора была не полностью раздета. Не припомню женщин, которые после секса по пьяни перед сном снова облачаются в нижнее белье.

Что касается самого «Рэшера»^{i i} Уилла – назвать его полицейским у меня не поворачивался язык – то тот факт, что он позволил скомпрометировать себя таким глупым образом, даже будучи под воздействием алкоголя, вызывал у меня лишь презрение. Крайне непрофессионально. Но всё же его слегка оправдывало то, что он, как я и предполагал, сразу же выставил провокаторшу Лору за дверь. Возможно, всё не так безнадежно.

Пятая часть была чуть интереснее. Я отметил два факта об отце Джоне: умение готовить кофе, и силу духа, которую тот проявил при обнаружении тела. Я сомневался, что первое может принести хоть какую-то пользу этому делу, но вот второе, я был убежден, ещё сыграет важную роль.

Призрак на пороге дома Энни? Любопытно. Особенно в разрезе её способности видеть потусторонние вещи, о которой уже было упомянуто. Судя по описанию, это была Софи, или то, что приняло её облик. Голова фигурки не добавляла ясности. Логично предположить, что она могла принадлежать игрушечному Ганнибалу из «Команды А», но, сверившись с кадрами из сериала, я выяснил, что на тот момент он ещё не был седым. Чего нельзя было сказать о его теперешнем внешнем виде. На ум пришло сравнение с портретом Дориана Грея, но я отбросил эту чушь.

Немного подумав, я написал ещё одно имя – Шон. Именно так звали брата Софи Вуд из флэшбека, и так зовут полицейского, который забрал Уилла из дома. Совпадение? Вряд ли.

Что меня однозначно порадовало, так это подтверждение моей догадки о том, что я должен увидеть ещё один эпизод из прошлого. 27 июня. Верным также оказалось

и предположение, что «вонючка» может не только взаимодействовать с материальным миром, но и проникать в человеческое сознание. Жутковато. Итог перетягивания Софи между представителем церкви и человеком-тенью известен, но как это выглядело?

Напоследок у меня родилась ещё одна мысль. Что если Энни и таинственный душитель живут на одной улице? Ведь убийца упоминал о нескольких пустующих домах рядом.

Четко изложив все свои соображения в ответном послании, я задумался о том, что делать дальше. До завтра был ещё целый день.

Энни любила дежурить по утрам в воскресенье, обычно в такие смены ничего не случалось. Иногда приходилось иметь дело со случайными пьяницами, задержанными из-за субботних дебошей на Корнуоллис-стрит. Эта улица славилась большим количеством пьяных драк в выходные. Энни всегда забавляли их лица, когда они выходили из камеры, чтобы совершить «позорную прогулку» домой. В девяти случаях из десяти они пребывали в полном недоумении, поскольку не помнили, какими придурками были, когда их вообще задержали.

Кав, ее сержант, посмотрел на нее, когда она вошла в актовЫй зал в начале своей смены, и кивнул. Энни догадалась, что он что-то знает или слышал. Похоже, у него было шестое чувство, когда дело касалось ее. Когда Майк напал на нее, Кав был тем, кто нашел Энни без сознания. Он сам разобрался с этим после того, как она рассказала ему всю грязную историю. Он не допустил, чтобы эта история стала достоянием общественности, и Энни была ему бесконечно благодарна.

После инструктажа Кав отправил ее дежурить вместе с Джейком, и за плотным завтраком в больничной столовой она выпалила ему, что вчера утром застала Уилла с Лорой. Она не собиралась этого делать, но Джейк спросил, не хотят ли они прийти сегодня на ужин, и у нее не оказалось сил придумать благовидный предлог. К тому же он все равно скоро услышит об этом, так что лучше, если узнает про измену Уилла от нее. Его лицо стало краснее, чем консервированные помидоры, плавающие на тарелке. Он выронил нож и вилку и сжал огромные кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Пожалуйста, скажи мне, что это какая-то шутка, потому что иначе я убью Уилла. Я предупредал его, что, если он не будет держать свой член в штанах, я оторву ему голову.

— Успокойся, Джейк, пожалуйста. Все в порядке, я вроде как ожидала, что это случится рано или поздно. На самом деле я удивлена, что он продержался так долго, учитывая его репутацию.

— С какой ты планеты? Это, черт возьми, ненормально. Мне плевать, он обещал мне, что не обидит тебя. Вот поэтому, я собираюсь его прибить.

— Нет, прекрати, держись от него подальше. Это касается только меня и Уилла. Я все равно уже съехала от него и вернулась домой. Вчера он оставил голосовое сообщение, пытаясь извиниться, и сказал, что ему нужно работать над убийством в церкви. Тогда я пошла и забрала большую часть своих вещей. Он не стоит того, чтобы ты попал в беду и потерял работу, и я больше не собираюсь беспокоиться по этому поводу. Я выплакала всю боль и с этого момента предпочитаю быть одна. Больше никаких мужчин, а теперь обещай, что не наделаешь глупостей.

— Нет, Энни, ты не можешь ожидать, что я дам ему поступить так с тобой и ничего не скажу, это неправильно. Он мой друг, но ты мне как сестра, и я никому не позволю обращаться с моей сестрой подобным образом.

— Спасибо, Джейк, но у тебя нет сестры, так откуда ты знаешь? Послушай, я разберусь с Уиллом, просто оставь это.

— Вот почему ты хочешь быть такой доброй? Ладно, постараюсь не делать глупостей. Это все, что я могу пообещать.

Когда они возвращались к полицейскому фургону, поступил вызов, сообщающий о

домашнем насилии на Марш-стрит. Они побежали и запрыгнули в фургон, и Энни держалась за дверцу машины, пока Джейк с мигалками гнал на другой конец города. Она любила работать с ним, но он был дерьмовым водителем. Каждый раз, когда он вез их на экстренный вызов, вся жизнь проносилась у Энни перед глазами. Когда они свернули на улицу, один из их постоянных клиентов пинал входную дверь своей бывшей подруги. Джейк резко остановил автомобиль, и они оба выскочили.

— Итак, Питер, что у нас тут? С того места, где я стою, кажется, что ты наносишь огромный ущерб чужой собственности.

— Отвали, она настоящая стерва. Не пускает меня к детям, а у нее там новый хахаль.

Питер повернулся и снова принялся колотить в дверь. Джейк сделал три шага и, схватив его за руку, оттащил от двери.

— Питер Лоу, я арестовываю тебя по подозрению в нанесении ущерба по четвертой статье, и за то, что ты придурок. Ты не обязан ничего говорить, но это может повредить твоей защите, если ты не упомянешь сейчас то, на что позже будешь опираться в суде. Все, что ты скажешь, может быть использовано в качестве доказательств. Ты понимаешь Питер?

— Отвали.

Энни отвернулась, чтобы скрыть улыбку на лице, и открыла дверцы фургона, когда Джейк защелкнул наручники на запястьях Питера.

— Разве так можно разговаривать в присутствии леди? Садись в клетку, я отвезу тебя в худший хостел города, чтобы ты мог отоспаться после шести бутылок сидра и до тех пор, пока не поймешь всю ошибочность своего пути.

Питер попытался сопротивляться, когда его сажали в фургон, и начал драться с Джейком, который был почти вдвое больше. Джейк схватил его и швырнул внутрь.

— Не будь мудаком, я ведь могу добавить к твоему милому списку обвинений нападение на полицейских и сопротивление при аресте.

Джейк захлопнул дверцу клетки, а затем и дверцы фургона. — Извини, — рассмеялась Энни. Она подошла к дому и постучала в дверь, которую открыла женщина лет двадцати с небольшим, явно беременная, с двухлетним ребенком, прижавшимся к ее ногам.

— Ты в порядке, Джули? Мы задержали его, так что он пробудет у нас по крайней мере до завтра, потому что мы не можем допросить его, пока он не протрезвеет.

— Спасибо, почему он не может просто оставить меня в покое? Он просто заноза в заднице.

— Типичный мужчина, если хочешь знать мое мнение, Джули. Слушай, я дам тебе успокоиться, а через час вернусь за заявлением.

Женщина кивнула. — Спасибо, Энни, я поставлю чайник.

Энни улыбнулась ей, и вернулась в фургон. Питер теперь колотил по клетке и кричал о жестокости полиции.

Джейк посмотрел на нее: — Ради бога, Питер, заткнись, или я приду и покажу тебе, что такое полицейская жестокость.

— Да пошел ты.

Энни подавила смех рукой. Питер перестал стучать и кричать, поняв, что на самом деле не хочет встречаться лицом к лицу с разъяренным полицейским размером с Джейка.

Они подъехали к участку и пока парковались на заднем дворе, их фургон заблокировал магазинный подъемник, ожидающий выгрузки. Теперь пройдет не меньше пятнадцати минут, прежде чем они смогут оформить Питера.

Через пять минут во двор въехала машина без опознавательных знаков с Уиллом за рулем и Лорой на переднем пассажирском сиденье. Энни почувствовала, как ее сердце разрывается еще сильнее при виде их вместе. Прежде чем она успела что-то сказать, Джейк выскочил из фургона и направился к машине.

«Вот дерьмо».

Джейк начал кричать на Уилла, что пробудило сонного Питера от пьяного сна. Энни в ужасе смотрела, как Джейк тычет в Уилл пальцем. Лора опустила голову и бросилась через двор в участок. Джейк толкнул Уилла, и тот, споткнувшись о капот машины, удержал равновесие, а затем так же сильно толкнул Джейка назад.

Из клетки фургона донеслось громкое приветствие, за которым последовало не менее громкое улюлюканье. Энни выскочила из машины, и побежала, чтобы остановить их, но прежде чем она добежала, они сцепились друг с другом. Она слышала, как пьяница в фургоне колотит по решетке и кричит. Из задней двери выбежал Кав. Он был того же роста и телосложения, что и Джейк, если не больше, и схватил его, оттаскивая.

— Сейчас же отправляйся в участок и успокойся, чертов идиот, хорошо, что на дежурстве нет никого важного, иначе вы оба с треском вылетели бы отсюда.

Уилл взял себя в руки и пошел прочь, его лицо было красным и покрыто пятнами. Он даже не взглянул на Энни. Кав прижал Джейка к стене: — Успокойся, тупой идиот, ты что, хочешь потерять работу? Честно говоря, иногда я задаюсь вопросом, где твой мозг, потому что он не в твоей чертовой голове. Теперь марш в мой кабинет, и не выходи оттуда, пока я не приду.

— Извини, босс, — пробормотал Джейк. Он пересек двор и вошел в здание участка. Как повернулся к Энни. — Рискну предположить что, что-то случилось. Энни, ты в порядке со своим задержанным? Есть ли что-нибудь, что я должен знать, прежде чем мои офицеры снова начнут убивать друг друга?

— Я в порядке, сержант, я попросила Джейка не вмешиваться, но вы же знаете, какой он. Он думает кулаками, а не головой, и да, я разберусь с задержанным.

Она вернулась к фургону и забралась внутрь, хлопнув дверцей. Посмотрела в зеркало заднего вида на ухмыляющегося Питера. — Кого бы стоило запереть по четвертой статье, так этих двух придурков, но блин, конечно, никто этого не станет делать. Гляжу, в участке куда больше событий, чем вчера вечером в пабе.

— Заткнись и ложись спать. Я разбужу тебя, когда придет твоя очередь.

Она сидела с пылающим лицом и пульсирующей головной болью, желая, чтобы последние несколько дней никогда не случались.

Уилл с силой распахнул дверь кабинета, и она врезалась в стену. Все оторвались от своих компьютеров и посмотрели на него. Он ничего не сказал, просто сел за свой стол и сгорбился за монитором компьютера, чтобы никто не мог видеть его лица. Лоры нигде не было видно, что его вполне устраивало. Ему наплевать, даже если он никогда больше ее не увидит.

Джейк был в ярости, но Уилл мог справиться с его злостью, с чем он не мог справиться, так это с тем, что Энни смотрела на него как на предателя.

Он начал читать электронную почту — все, что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о последних двадцати четырех часах. Он хотел загладить свою вину, но не знал, сможет ли, ведь Энни не отвечала ни на один его звонок.

Пришло письмо от Грейс Маршалл, профайлера из Манчестера, которую они наняли, чтобы она помогла им в поисках последнего убийцы. Она писала ему о чудесах географического профилированияⁱⁱⁱ и о том, как только что помогла раскрыть серию изнасилований в районе Блэкберна. Она также сообщила, что собирается отдохнуть две недели на Корфу и планирует приехать в Барроу, чтобы навестить его и Энни.

Уилл подумал, не спросить ли у нее совета насчет женщины, найденной вчера на территории церкви, но Грейс, вероятно, отменила бы свой отпуск, а он не хотел заставлять ее делать это. Они и сами должны разобраться в этом без какой-либо посторонней помощи. Он только надеялся, что больше не появится новых жертв, но если обнаружится еще одно тело, то он не будет ждать, и привлечет ее. Ему ни за что не хотел бы получить очередную гору трупов, одного серийного убийцы в этом городе вполне достаточно, а другого они не хотели.

Услышав какое-то движение, он поднял глаза и увидел, как Стью и Лора шепчутся друг с другом. Должно быть, она прокралась обратно, потому что он ее не заметил. Он кивнул им, оба держали в руках блокноты.

— Сержант, вы не возражаете, если мы с Лорой еще раз посетим несколько домов рядом с церковью? Посмотрим, может застанем кого-нибудь, кто отсутствовал дома раньше.

Уилл снова кивнул, он не мог заставить себя заговорить. Как по нему, они могли бы укатить хоть в чертов Блэкпул за сахарной ватой и бродить там по пляжу — при условии, что ему не придется на них смотреть. Он откинулся назад, положив ноги на стол, потом закинул руки за голову и закрыл глаза.

Через двадцать минут после безобразной драки Энни наконец оформила своего задержанного. Он продолжал громко храпеть в задней части фургона, и ей пришлось встряхнуть его, чтобы разбудить. Он захлопал глазами, глядя на нее: — Что, где я?

— Тебя опять закروют в камере, Питер. — Она снова сделала ударение на том, что уже дважды в этом месяце арестовывала его.

— Почему?

— Что значит «почему»? Почему тебя арестовывали в последние два раза, когда мы встречались?

— Ах да, я и забыл об этом.

Она с отвращением покачала головой. — Ты не можешь просто забыть о том, что

регулярно отравляешь чью-то жизнь.

Она помогла ему выбраться из клетки и подвела к двери, которая со щелчком открылась. Внутренняя дверь в помещение для содержания под стражей зажуужжала, и они вошли в маленькую комнату, где прошли процедуру его регистрации до завтрашнего суда. Как только с бумагами покончили, и Питер был надежно заперт в своей камере, Энни отправилась на поиски Джейка.

Она просунула голову в дверь кабинета общественных помощников, там было пусто. Как и в актовом зале. Конечно, Кав вряд ли все еще читал ему нотации. Не особо желая встречаться с сержантом лицом к лицу, но не зная, что еще делать, она вошла в его кабинет, где он сидел один и читал газету.

— Эм, сержант, а где Джейк, с ним все в порядке? — Она чувствовала, как завтрак, который съела раньше, перекачивается у нее внутри.

— Я отправил его в «Макдональдс», чтобы он загладил свое плохое поведение.

Она вздохнула с облегчением, и он указал на пустой стул на против своего стола. — Присаживайся и не волнуйся. Что, по-твоему, я собирался сделать, не ужели отправить его к инспектору? У меня такое чувство, что у Джейка была веская причина, но не говори ему, что я это сказал.

— Спасибо, уверена он думает, что была, и он очень хорошо защищает мою честь, но иногда я предпочла бы жить без всей этой драмы. Это выматывает.

Кав кивнул. — Полагаю, что так. Впрочем, хватит об этом, как ты сама?

— Бывало и похуже. — Воспоминания о том, как она лежала в больнице в прошлом году, заполнили сознание. — Как бы я хотела вести простую жизнь вдаль от всех хлопот. Может, мне стоит заняться составлением букетов?

— Наверняка, это хорошая идея, сколько хлопот можно получить, делая красивые букеты?

Она засмеялась: — Зная меня, наверное, много. Думаю, мне стоит сменить обстановку или выиграть в лотерею, и то и другое было бы неплохо.

— Тогда это может тебя заинтересовать, в Уиндермире скоро появится вакансия, совершенно секретная, потому что сама понимаешь, сколько людей хотели бы сбежать и работать в самом сердце славного английского Озерного края, имея дело с большим количеством туристов и овец.

— Правда думайте, что я могла бы подать заявление на это место?

— Ну, не могу ничего обещать. Хотя, если я по-тихому поговорю с инспектором и скажу ей, что тебе нужно убраться отсюда ради твоего рассудка, но больше конечно ради моего, это вполне возможно. К тому же она должна мне. Пару недель назад я не арестовал ее дочь-подростка за то, что та в пьяном виде хулиганила и пыталась драться с каждым полицейским возле нового ночного клуба, где можно напиться до беспамьятства за фунт.

— Это было бы потрясающе, мне нужно оставить все позади и начать с начала.

— Да, Энни, думаю, тебе это пойдет на пользу. Хотя я и буду огорчен, если покинешь мою команду. Ведь никто не обеспечивает меня таким волнением или развлечением, как ты, но с другой стороны, я перестану переживать за сохранность оставшихся волос на голове. Я обо все договорюсь, но, если ты рано или поздно возненавидишь всех этих японских туристов, с их потерявшимися камерами, то знай, что сможешь вернуться к нам в любой момент.

Энни встала, чтобы уйти. — Спасибо, я действительно ценю это, Кэв. — Она вышла за

дверь и вернулась в офис, в надежде дождаться Джейка, чтобы он мог подвезти ее обратно на Марш-стрит оформить заявление.

Вскоре вошел Джейк, неся засаленный коричневый бумажный пакет и прихлебывая гигантского размера напиток. — Мне очень интересно, как в тебя влезает столько еды и почему твой вес до сих пор не перескочил отметку в пятьдесят стоунов^{iv}. Что тебе сказал Кав?

— Просто заметил, что я вел себя как полный хер и мне не стоило так сильно психовать. К тому же он добавил, что Уилл еще больший хер, чем я, на что я ответил, что никогда не имел чести оценить размеры Уилла лично. Тут Кав умолк, и не в силах подобрать приличных слов, отправил меня за едой.

— Ну, по крайней мере, у тебя никаких серьезных проблем, я ценю, что ты заступился за меня, но, как уже говорила, справлюсь сама.

Она почувствовала, как ее глаза наполнились слезами, и Джейк начал рыться в пакете. Он вытащил чизбургер и протянул ей. Энни покачала головой.

— Ты же знаешь, что всегда можешь попробовать другой вид отношений, может, тебе больше повезет с девчонкой. Мы могли бы поехать в Манчестер на гей-парад вчетвером.

Он увернулся от степлера, который пролетел через всю комнату. — Просто подумал.

— Поторопись, мне нужно выбраться отсюда и взять показания.

Джейк сунул в рот последний кусок гамбургера. Он все еще прихлебывал из бумажного стаканчика. — Хочешь немного? Это шоколадный молочный коктейль, твой любимый.

— Нет, спасибо.

— Как скажешь, но держу пари, тебе бы сразу стало легче.

Она вышла из кабинета вместе с Джейком, наклонив голову, и направилась прямо по коридору, на случай, если кто-нибудь будет смотреть. Энни не хотелось утруждать себя вежливыми разговорами. Она ни за что не вернется сюда, пока все не закончится.

Шон припарковал «Форд-Фокус» на стоянке напротив полицейского участка как раз вовремя, чтобы занять места в первом ряду для только что начавшейся драки. На самом деле следовало бы вмешаться и разнять их, но он слишком наслаждался зрелищем. Ему действительно было жаль Энни. Бедняжке не очень-то везло с мужчинами. «Как похоже на мои отношения с женщинами», — он усмехнулся про себя.

Шон ставил на Джейка, и определенно не хотел бы оказаться с ним по разные стороны, он становился страшным в гневе. Шон работал с Джейком достаточно, чтобы наблюдать его в действии. Как только он подумал о том, чтобы выйти из машины, вмешался Кав, избавив его от проблем.

Шон не сомневался, что причиной потасовки стала заносчивая стерва Лора, потому что слышал, как сегодня утром перед инструктажем в актовом зале сплетничали два офицера. Она никогда не нравилась Шону, ну, если быть точным, с последнего рождественского вечера. Тогда он купил ей пару напитков и думал, что все складывается удачно, пока не появился Уилл. Остаток ночи она провела, вертясь вокруг Уилла и полностью игнорируя его. Шон ненавидел таких женщин, и в его голове начала формироваться идея.

Он предпочел оставаться в машине, пока все не успокоилось, а потом, когда уже собирался выйти, его рация затрещала, и диспетчер сообщил о вызове. Заведя мотор, он задним ходом выехал с парковки, чтобы ехать на другой конец города, потому что группа десятилетних ребят играла на проезжей части в футбол.

III

Как часто вас посещает чувство, что вас водят за нос? Держу пари, что гораздо реже, чем это случается в моей работе. К постоянно юлящим и недоговаривающим клиентам я уже привык. Выудить из них необходимую информацию не составляло большого труда для детектива Стерлинга. Но здесь...

Новые фрагменты практически не несли никакой смысловой нагрузки, что слегка вывело меня из себя. — Да ты издеваешься! — В сердцах вскрикнул я, но тут же взял себя в руки. Если информации мало, то приходится работать с тем, что есть.

Но что отсюда можно было извлечь. Джейк дерьмовый водитель? Допустим. Если вдруг окажусь в Камбрии, то никогда не сяду с ним в одну машину. Да и в целом у меня сложилось стойкое понимание, что должность констебля – его потолок на службе в полиции. Интеллектом Джейк явно не блистал.

Процедура ареста не вызвала дополнительных вопросов. Я отметил тактически грамотные действия Энни при задержании: стояла в стороне и не вмешивалась. Молодец. Но на этом всё. Вряд ли фигура Питера имела хоть какое-то значение. Но кто знает?

Дальше всё было совсем печально. Потасовка. Ожидаемая победа Джейка. Сержант Кав, который единственный из всего полицейского участка внушал уважение. Как и всегда Уилла больше интересовали собственные проблемы, нежели какое-то пустячковое убийство. Когда же он возьмётся за голову?

Единственным светлым пятном во всём этом был последний короткий фрагмент о Шоне. Значит, мои догадки насчёт него не лишены здравого смысла. И что там за идея у него в голове возникла насчёт Лоры? Может, он и есть таинственный душитель? А что? Травма детства, связанная с потерей сестры, плюс он как минимум раз сталкивался с «вонючкой». Вопросы. Одни лишь вопросы.

Уложив все свои предположения в несколько коротких тезисов, я в третий раз отправил письмо. Игра начала затягивать.

Глава 8

Прошло уже четыре дня с тех пор, как Кав рассказал Энни об Уиндермире, а вчера он отвел ее в сторонку и сообщил, что работа ее, если она захочет. Единственный минус, при утвердительном ответе придется приступить уже через два дня, так как у них сильно не хватает сотрудников.

Энни вернулась домой, сомневаясь правильно ли поступила? Стоит ли позволять своей гордости взять вверх? Несколько часов она снова и снова задавалась этим вопросом. Затем взяла блокнот и ручку, и составила список за и против. Ей потребовалось десять минут, чтобы осознать, что список за переезд был гораздо более впечатляющим, чем список против. Позвонила Каву и сказала, что согласна.

Она провела последний час смены, складывая свои вещи и различные части униформы, и Джейк, который вертелся вокруг нее весь день, помог ей донести их до машины. — Не могу поверить, что это все, что я никогда больше не буду с тобой работать.

Энни снова спросила себя, правильно ли поступает, но все, что удерживало ее здесь, — это Джейк. Она будет скучать по шуткам в офисе и по Салли и Клэр, да и все наверно. О, еще Кав, как она могла забыть, он был для нее больше как отец, чем босс. Но этого она ему не скажет.

Энни оставила в холодильнике огромную коробку пирожных с кремом, чтобы немного подсластить свой уход. Хотя никогда не понимала традиции, согласно которой, если у тебя день рождения или ты уезжаешь, ты должен купить пирожные.

— Не будь слабаком, мы все равно будем встречаться и без работы. Я ведь не собираюсь переезжать в Лондон или куда-то еще.

Джейк надул губы. — Ну, я чувствую, что так оно и есть. Хочу, чтобы ты мне звонила каждый день и писала много сообщений, и если там обнаружится кто-нибудь мужского пола, радующий глаз, то обязательно сообщи, потому что тогда мне самому, возможно, захочется перевестись.

— Обещаю, — рассмеялась Энни. Она погрузила последнюю коробку на заднее сиденье своей теперь уже полной машины и захлопнула дверцу. — В любом случае, пора заканчивать дежурство, пойдем после в паб, выпьем.

Джейк оживился при мысли об алкоголе. — Отличная идея, стоит наверно узнать придут ли Салли и Клэр? — Он вернулся в участок, и Энни снова задумалась, правильно ли поступает. Тут во двор въехала машина, и она мельком увидела Лору с обесцвеченными светлыми волосами и почувствовала знакомую боль, пронзившую грудь. Да, она поступила правильно. Вчера, уходя из участка, она перебросилась парой фраз с Уиллом, и он умолял ее пойти с ним домой, чтобы они поговорили, но она не смогла. Не хотела возвращаться в его дом, так было проще вычеркнуть его из своей жизни.

— Пожалуйста, Энни, нам нужно поговорить об этом. Только что у нас все было в порядке, а потом за двадцать четыре часа ты съехала, и я понимаю, что это полностью моя вина. Но я должен тебе все объяснить.

— Просто дай мне немного пространства, каждый раз, когда я вижу тебя с ней, мне словно вонзают в сердце огромный нож. Может быть, я и мягкотелая, но не идиотка, Уилл, и никому не позволю смеяться за моей спиной.

Во двор въехал фургон, и Энни закончила разговор до того, как офицеры вышли и

заинтересовались их с Уиллом беседой. Уходя, она повернулась и посмотрела на него. — Думаю, тебе следует знать, что я перевожусь в Уиндермир. Кав сказал, что у них еще меньше людей, чем у нас, и нужен кто-то очень быстро.

Энни ушла прежде, чем Уилл успел переварить то, что она сказала. Она села в машину и поехала домой. Припарковалась на подъездной дорожке, надеясь, что никто не вскроет машину со всеми вещами, иначе у нее будут неприятности. Заперев и дважды проверив двери, она достала телефон и начала набирать номер такси как раз в тот момент, когда Джейк подъехал в полицейском фургоне. — Я подумал, что тебя нужно подбросить до участка.

Она улыбнулась ему и забралась внутрь. — Так кто придет в паб?

— Кав, я, Салли, Клэр и, конечно, ты.

— Прекрасно, мои любимые люди.

Он отвез их обратно к участку, где припарковал фургон, и вручил ключи.

— Иди, прицепи их на доску, а я пока пойду переоденусь.

Она взяла ключи и сделала, как ей было сказано. Волна грусти захлестнула Энни, когда она в последний раз вошла в кабинет сержанта. Весь участок одна сплошная дерьмовая дыра, но она любила его и будет скучать. Кав вошел следом за ней. — Полагаю, первая выпивка за ваш счет, мисс Грэм.

— Да, — кивнула она, — после всего, что вы сделали для меня в прошлом году, я должна гораздо больше, чем выпивку.

— Притормози, Энни, сейчас только пять часов. Ты заставляешь меня краснеть. — Но он подмигнул ей, и она рассмеялась.

— Сержант, вы прекрасно понимаете, что я имела в виду.

Он снял пиджак со спинки стула и надел его, затем, открыв перед ней дверь, махнул рукой и прошептал на ухо: — Ты поступаешь правильно, Энни, поверь мне. Все будет хорошо.

Они отправились в паб у железнодорожного вокзала, в котором не играли музыку, но пиво стоило дешево и всегда было оживленно. Верная своему слову, Энни купила первую порцию, и они все втиснулись за угловой столик у окна, откуда могли смотреть на мир и напиваться.

За столиком напротив сидела группа мужчин, среди них оказался старый друг Майка, который помахал Энни и крикнул «Привет». Она помахала в ответ. Так называемые друзья Майка понятия не имели, что он избивал жену. А если и знали, то не подавали виду. Она не любила ни одного из них, потому что он всегда предпочитал громких, самоуверенных приятелей, которые смеялись и шутили за чужой счет.

Через полчаса Энни пошла к бару за новой бутылкой вина. Он был набит битком, и ей пришлось протискиваться. Она почувствовала, как чья-то рука схватила ее за задницу. Обернулась, чтобы врезать наглецу, и была потрясена, увидев, что это друг Майка ухмыляется ей.

— Да ладно, дорогая, странно видеть тебя здесь, хотя ходят слухи, что ты уже спала с одним из полицейских до того, как гроб Майка упал в землю. Значит, не сильно-то ты его оплакивала?

Она хотела послать его к черту, но была слишком вежлива. — Нет, только после того, как он чуть не убил меня. Его смерть не произвела на меня такого же эффекта.

Энни заплатила за бутылку вина и развернулась. Повсюду толпились люди, и он

воспользовался этим, чтобы придвинулся как можно ближе к ее телу. Она оттолкнула его одной рукой, может немного сильно, и он наткнулся на высокого мужчину, стоявшего позади него, который от толчка расплескал свое пиво. — Осторожней.

Энни пробормотала извинения и пробралась сквозь толпу посетителей, чтобы вернуться к своим друзьям. Поставила вино на стол и повернулась спиной к компании смеющихся мужчин.

После пяти бокалов вина она поняла, что с нее хватит. Клэр и Салли ушли некоторое время назад, а Джейк и Кав обсуждали футбол. Она хотела уже отправиться домой, надеть пижаму и забраться в постель. Только она сообщит им, что уходит, они сразу поднимут шум, поэтому Энни сказала, что пошла в дамскую комнату. Ни один из них не поднял глаз, когда она пробиралась сквозь толпу к двери, чтобы подышать свежим воздухом.

На улице было темно и слегка моросил дождь. Она подумала о том, чтобы вызвать такси, но редко пользовалась им, предпочитая прогуляться до автобусной остановки возле полицейского участка и сесть на автобус, заплатив фунт за проезд. Она не заметила, как друг Майка последовал за ней. Опустив голову, Энни быстро зашагала к задней части паба, чтобы срезать путь через парковку, которая находилась в тихом переулке.

Большинство уличных фонарей не работало, и было темно, но она не беспокоилась, вокруг никого нет. Она сама ходила по этим улицам в четыре утра, когда дежурила. Алкоголь затуманил ей мозги, и она забыла, что не на работе и не может воспользоваться газовым баллончиком или наручниками, если они ей понадобятся. Она перешла дорогу и уже почти добралась до другой стороны, когда кто-то сильно толкнул ее сзади.

Нетвердо держась на ногах из-за выпитого вина, Энни упала на колени и вскрикнула. Прежде чем успела что-то сделать, на нее навалилась какая-то тяжесть, и она почувствовала, как ее тащат на открытый задний двор пустого магазина. Она открыла рот, чтобы закричать, и получила кулаком по лицу. Удар пришелся прямо в глаз, не задев носа. Энни потеряла самообладание и начала бороться изо всех сил, но нападавший был силен. Она чувствовала запах пива в его дыхании и знала, что это приятель Майка из паба, имени которого она даже не помнила. С ней все было в порядке, но когда она рванулась вперед, то споткнулась и упала, приземлившись на спину.

Он оседлал ее, и воспоминания о событиях прошлого года заполнили ее разум. Энни открыла рот, чтобы закричать, но он зажал ей рот ладонью, и она изо всех сил укусила его. Еще один удар пришелся ей в голову, на этот раз сбоку, а затем его оторвали от ее груди, и она наблюдала в замедленной съемке, как он летел по воздуху, словно воздушный шар.

Кав наклонился и помог ей подняться, а Джейк заломил руки, нападшему на нее придурку, вдавливая его в капот машины. Парень сопротивлялся, поэтому Кав подошел, и сосунок ударил его в живот, выбив из сержанта дух. Темнота осветилась мигающими синими огнями, и Энни застонала, глядя на Кава: — Серьезно.

— Да, Энни, серьезно. Неужели ты хочешь, чтобы этот кусок дерьма пошел своей дорогой после того, как он только что напал на тебя и пытался сделать бог знает, что еще?

— Нет, — покачала головой Энни, — но еще я не хочу лишних хлопот. Господи, я просто хочу легкой жизни, пожалуйста, Кав — я не могу этого сделать.

Он обнял ее за плечи. — Ну же, малышка, это как прощальный подарок для твоих коллег. Ты собираешься оставить их всех скучать до чертиков, так что, по крайней мере, они получат небольшое развлечение, пока тебя не будет.

Она покачала головой и отстранилась от него. Джейк передал пьяного ублюдка Шону,

который надел на него наручники и запихнул в заднюю часть фургона.

— Ты вернешься в участок и быстренько напишешь заявление, чтобы мне не пришлось потом разыскивать тебя, Энни?

Прежде чем она успела ответить, заговорил Джейк: — Ага, Алекс уже едет и отвезет нас через минуту. Она даст показания и отправится домой меньше чем через полчаса.

Они смотрели, как отъезжает фургон, и Джейк повернулся к ней.

— Не стоит ничего говорить, Джейк, правда не стоит. Со мной все хорошо.

Он посмотрел на Кава, который пожал плечами. — Женщины.

«Мерседес» Алекса свернул на улицу, он остановил машину перед ними, и они забралась внутрь. — Ну и куда едем мои друзья?

Энни увидела, как Алекс посмотрел на Джейка, который покачал головой и закатил глаза. Ее глаз теперь болел и начинал опухать. Алекс снова посмотрел в зеркало и ахнул. — Энни, ты в порядке, что случилось?

— Еще один тупой придурок, вот что, и в этом городе их полно.

Пока он вез их в участок, никто не произнес ни слова. Когда Алекс остановился на улице, Джейк повернулся к нему. — Подожди здесь, мы ненадолго. Нам просто нужно напечатать по одному короткому заявлению, а потом ты сможешь отвезти нас всех домой.

Алекс припарковался на автобусной полосе, включил аварийные огни и только надеялся, что это не превратится в двухчасовое ожидание. Они вышли из машины, и Энни начала смеяться, Джейк посмотрел на нее. — Ну и что здесь смешного?

— А я-то думала, что уже попрощалась с этим местом, просто не могу удержаться. — Когда все трое, спотыкаясь, вошли в боковую дверь, мимо прошел Уилл с пачкой бумаг в одной руке и кружкой кофе в другой. Он взглянул на Энни, и его глаза широко раскрылись, в шоке от увиденного. Прежде чем он успел что-то сказать, Джейк провел ее в кабинет, где закрыл дверь, и все трое сели за свои компьютеры.

Энни наконец вернулась домой, когда часы в холле пробили десять. На удивление она уже совсем протрезвела. Все, чего ей сейчас хотелось, — это принять горячий душ и забраться в постель. Она сбросила туфли, заперла входную дверь и побежала наверх в ванную.

Разделась и посмотрела на себя в зеркало. Джейк хотел, чтобы она легла в больницу, но она быстро его переубедила. Это не первый синяк под ее глазом и, вероятно, не последний. Глаз отек и превратился в щелку. Темно-синий синяк начал образовывать полукруг под нижними ресницами. Она ткнула в него пальцем и поморщилась.

Включив душ, шагнула под горячую струю и оставалась там до тех пор, пока ее кожа не покраснела, и она не смогла больше выносить жар. Но она почувствовала себя чистой.

Энни вылезла и вытерлась полотенцем, затем натерла лосьоном для тела «Шанель № 5» руки и ноги, не заметив ссадины на правом колене, которая жгла. Ей нравился запах лосьона, который Уилл купил ей на день рождения.

На сердце у нее было тяжело, когда Энни думала о нем. Она ненавидела то, что между ними случилось, и глядя на его лицо она видела, что он сам пребывает в шоке и сильно переживает. Энни никогда не умела долго обижаться, прощая вспышки ярости Майка продолжительное время, но не знала, что сказать Уиллу.

Она накинула пушистый халат, еще один подарок от него, и пошла в свою временную спальню. Подошла к окну, задернуть занавески и остановилась, глядя на улицу. Возле дома был припаркован очень знакомый «БМВ», и у нее перехватило дыхание. Она могла различить одинокую фигуру Уилла, сидящего в темноте, обхватив голову руками.

Задернув шторы, Энни не знала, что еще делать. Она отдала бы все, чтобы повернуть время вспять и все изменить. Но еще она знала, что слишком упряма, чтобы уступить, поэтому сбросила халат и легла в постель. Усталость давно прошла, и она лежала, глядя в потолок.

Часы в холле громко тикали, отсчитывая минуты. Энни ворочалась с боку на бок, но заснуть не могла. Откинув одеяло, она встала и выглянула в окно. Уилл все еще сидел в машине. Бормоча себе под нос, она спустилась вниз, натянула свои потрепанные розовые конверсы и открыла входную дверь. Спустилась по ступенькам, вышла на улицу и постучала в пассажирское окно. Уилл подпрыгнул, ругаясь, но понял, что это Энни, и опустил стекло.

— И чего ты хочешь добиться, сидя у моего дома, как какой-то преследователь?

— Жду, ну, хорошо наблюдаю. Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

— Эм, это очень мило с твоей стороны, но у меня все хорошо, так что можешь вернуться на работу или куда там еще.

— Ладно, рад, что у тебя все отлично, я слишком нервничал, встретив тебя в участке. Не мог поверить в твой уход. Мне очень жаль, Энни, правда жаль, что я все испортил. Я обещал себе, что буду заботиться о тебе, а все, что сделал, — это причинил боль. А потом меня не было рядом, когда на тебя напали.

Вздыхнув, она открыла дверцу машины и села на пассажирское сиденье. В машине было тепло, пахло кожей и лосьоном после бритья Уилла. Откинувшись назад, она закрыла глаза.

— Сегодня утром Джейк убеждал меня, что ты был настолько пьян, что не смог бы трахнуть даже порнозвезду прошлой ночью. Если Джейк заступается за тебя, то в этом

должна быть доля правды, так почему же это произошло? Почему эта тощая блондинка в конце концов спала рядом с тобой почти голой?

Уилл покачал головой: — Честно говоря, не знаю. Я действительно чертовски напился. Я был так потрясен, когда проснулся и увидел ее. Это было похоже на дурной сон, действительно дурной сон. Она мне даже не нравится, просто коллега. Я услышал грохот, когда ты упала, и это разбудило меня. Думал, что лежу рядом с тобой, а когда повернулся и увидел ее, мне стало физически плохо. Я вышвырнул ее вон, а потом меня вырвало прямо на пол. Остальное ты знаешь. Тот день, когда поздно вернулся домой после выезда на труп в церкви, а ты собрала свои вещи и ушла, стал худшим днем в моей жизни.

Она точно знала, что он чувствует. — Посмотри на меня, еще одна катастрофа и еще один синяк под глазом. Думаю, мне не суждено прожить спокойную жизнь. Мне тоже жаль, Уилл, ты был лучшим, что когда-либо случилось со мной. — Она нашла его руку в темноте и крепко сжала. — И как долго ты собирался здесь сидеть?

— Не знаю, пока не буду уверен, что ты в безопасности. Возможно, всю оставшуюся жизнь.

— Что ж, можешь не переживать, думаю, что пока все в порядке. До какого времени ты работаешь?

— До восьми, уже почти закончил, когда увидел, что тыходишь в участок. Я был так потрясен, что вернулся и проверил журналы, чтобы узнать, что с тобой случилось. Ты правда в порядке?

— Да, все нормально, и мне очень жаль. Я все время порчу тебе жизнь.

Он засмеялся: — У меня нет другой жизни, ты — моя жизнь. Я так разозлился на тебя и Джейка, что в конце концов набрался не только пива, но и водки. Я больше никогда так не поступлю.

— Верю, что так и будет, но мне все равно очень больно, и сейчас я немного не в себе. Мне действительно нужно привести мысли в порядок. Может быть, все произошло слишком быстро после Майка.

Уилл почувствовал, как его желудок сжался, меньше всего ему хотелось, чтобы Энни сожалела о последних шести месяцах, проведенных вместе. Он знал, что ему нужно дать ей немного пространства. Он не будет давить на нее, но сейчас больше, чем когда-либо, понимал, как много она значит для него. На самом деле он хотел провести с ней всю оставшуюся жизнь. Он отпустил ее руку, прежде крепко сжав. — Так что ты собираешься делать с этим придурком? Если бы Кав и Джейк не отправились тебя искать... — Слово «изнасилование» повисло в воздухе, но он не мог произнести его. Одна только мысль о том, что другой мужчина прикасается к Энни, без ее разрешения, заставила кровь Уилла закипеть.

— Я не могу пойти в суд, Уилл. Да, я дала показания, но на самом деле не хочу. Если бы он успел зайти дальше, тогда конечно, но Джейк и Кав сумели надавать ему хороших тумаков, так что для меня этого будет достаточно. Он был пьян, просто удивительно, как много людей ведут себя глупо, когда они пьяны.

Уилл не стал с этим спорить, разве он сам не повел себя глупо? Она зевнула. — Думаю, мне лучше пойти и хорошенько выспаться, это вино усыпляет лучше, чем две таблетки снотворного.

— Если я тебе понадобится, Энни, ты знаешь, где меня найти, я всегда буду ждать тебя. Я так люблю тебя, Энни Грэм, и я полный идиот.

— Да, так и есть. — Она вышла из машины и вернулась в дом, слезы катились по ее щекам.

28 июня 1984 года

Бет зевнула, затем встала, чтобы пойти и выключить телевизор. Она устала, но начав смотреть фильм, не успела опомниться, как часы пробили полночь. Она проверила входную дверь и поднялась вверх. С тех пор как Софи заговорила о человеке-тени, она плохо спала. Это пугало Бет, но до тех пор, пока она не поверит ни во что из этого, они будут в порядке.

Она сбежала от своего последнего парня, который был негодяем, и не собиралась позволить какому-то воображаемому мужчине, от которого пахло гнилой капустой, разрушить ее жизнь.

Из комнаты Шона доносилось тихое похрапывание, и она толкнула дверь. Он лежал, распластавшись на кровати, одеяло валялось на полу, а рука сжимала одну из пластмассовых фигурок, с которыми он никогда не расставался. Бет наклонилась и поцеловала сына в мягкую щеку, от него так хорошо пахло. Затем натянула на него одеяло и тихонько прошла в спальню Софи.

В комнате дочери продолжал гореть ночник «Мой маленький пони». Оранжевое сияние осветило лицо Софи, оно было таким бледным, а под глазами залегли темные круги. Ее девочка выглядела такой взрослой. Невинность, которая была у нее на прошлой неделе, сменилась измученным видом. Бет решила поговорить с Софи завтра и на этот раз выслушать ее. Может быть, она попросит отца Джона прийти, и они все сядут и попытаются разобраться с этим человеком-тенью.

Бет поехала: здесь было гораздо холоднее, чем в комнате Шона. Софи забеспокоилась, начала что-то бормотать, и ее левая нога все время подпрыгивала, как будто кто-то ее щекотал. Бет наклонилась и поцеловала Софи в лоб. Ужасный запах ударил ей в ноздри, и она поморщилась, но потом он исчез. Она накрыла Софи одеялом и вышла из комнаты. Закрыв дверь, она не заметила, как одеяло, которым она только что укутала дочь, медленно стянули с кровати.

Бет прошла в ванную, почистила зубы и забралась в свою постель. Она думала об отце Джоне, слишком напуганная, чтобы думать о ком-то или о чем-то еще. С ним она чувствовала себя в безопасности, он обращался с ней лучше, чем любой другой мужчина, которого она когда-либо встречала. Жаль, что у нее никогда не может быть с ним отношений, потому что его сердце уже не свободно — оно принадлежит Богу. Теперь Бет могла жить с этим, благодарная ему за то, что он стал для нее другом.

Глаза начали закрываться, и она почти заснула, когда пронзительный крик заставил ее резко сесть. — Софи. — Она выбежала из своей комнаты. В комнате Софи она увидела дочь, съежившуюся на кровати, обхватывающую прижатые к груди колени. Софи подняла руку и указала пальцем в угол комнаты. Бет почувствовала, что ее колени дрожат и угрожают подогнуться, когда повернулась и увидела, что одеяло Софи повисло в воздухе. Под ним стоял человек. Бет вскрикнула и схватила с комода тяжелый серебряный крест. Она швырнула его в одеяло, которое кучей упало на пол.

Кто-то потянул ее за руку, и Бет снова закричала, обернувшись, чтобы увидеть, как Шон протирает глаза позади нее. Крепко держа его за руку, он подбежала к кровати. Софи так дрожала, что Бет слышала, как у дочери стучат зубы. Она схватила Софи за руку, стащила ее с кровати, сбежала с обоими детьми вниз по лестнице, отперла входную дверь и выбежала на улицу. Пинком захлопнула дверь, и звук эхом разнесся по пустынной улице. Бет побежала к

пресвитерии, где колотила в дверь, пока наверху не зажегся свет.

Отец Джон проснулся от стука, сбежал вниз и открыл тяжелую деревянную дверь. Он был потрясен, увидев Бет и ее детей, одетых только в ночные рубашки и босых. Они прижались друг к другу, Софи смотрела в пространство, а Бет плакала.

Джон впустил их внутрь и закрыл входную дверь. Провел их в кухню, залитую теплым светом. Все они дрожали. Он включил духовку, чтобы немного нагреть помещение. Затем принялся наливать молоко в кастрюлю, чтобы приготовить всем горячего шоколада. Он не знал, что сказать, и смотрел на них по очереди. Шон, казалось, меньше всего беспокоился, он сидел и смотрел на игрушечную фигурку в своих руках. Бет выглядела так, словно увидела привидение, а бедняжка Софи выглядела травмированной.

Как только молоко закипело, он достал из буфета банку с какао-порошком и добавил несколько ложек. Все время помешивал, чтобы молоко не убежало, затем, взяв чайное полотенце и четыре кружки, он налил шоколадное молоко в каждую из них. Наполнил самую маленькую для Шона, добавив немного холодного молока, чтобы он не обжёгся. Потом отнес поднос к столу и поставил его, Бет кивнула ему, и он улыбнулся. Выражение ужаса на ее лице сказало все, и его желудок почувствовал себя так, словно кто-то заставил его проглотить камень, настолько он был тяжелым. Они дули на какао и медленно потягивали, но ни один из них не заговорил о том, что только что произошло, а Джон слишком боялся спросить.

Энни проснулась от детского голоса, напевавшего песню. Слова было трудно разобрать, но она смогла узнать мелодию «Кольца из роз»^v. Она моргнула и повернулась на бок, думая, что это, должно быть, дети играют на улице. Затем потянулась за телефоном, который лежал на стуле рядом с кроватью. Всего семь часов утра, и на улице было не очень светло. После прошлогодних событий Энни спала с включенным ночником, боясь темноты. Песня продолжала звучать. Она вылезла из постели и выглянула в окно. Отдернув занавеску, она посмотрела на улицу — там оказалось пусто.

Она вздрогнула, надо думать, отопление отключили, потому что в комнате было холодно. Повернувшись, чтобы забраться обратно в постель, она заметила в зеркале что-то белое. Она медленно повернулась и увидела, что вчерашняя девочка смотрит на нее, и внутренности Энни превратились в желе. Девочка подошла поближе к стеклу и хлопнула по нему ладонями. Энни услышала этот звук так отчетливо, как будто это сделала она сама. Девочка улыбнулась и прошептала: — Ты должна мне помочь, я не хочу, чтобы он это делал, но он не остановится. Он не понимает, что Джон пытался помочь.

А потом она исчезла, оставив на внутренней стороне зеркала два маленьких белых отпечатка ладоней.

Энни оглядела комнату, чтобы убедиться, что девочка не стоит у нее за спиной с топором. Комната была пуста, холодна и пуста. Она шагнула вперед, подняла руку и дрожащим пальцем коснулась зеркала. Переживая, как бы ее не протащило на другую сторону, и она не застряла в другом мире. Отпечатки рук начали исчезать. Энни потянулась за телефоном и сделала пару снимков, но, когда она снова посмотрела на них, отпечатки исчезли полностью, и на снимке было только ее отражение в зеркале.

Никаких признаков девочки, которая пела для нее. Энни не была уверена, боится она или удивлена. Ее внутренности все равно бурлили. Кто этот ребенок и почему девочка думает, что она сможет ей помочь? Если бы она осталась у Уилла, нашла бы ее эта девочка?

Сегодня первый рабочий день в Уиндермире, и Энни удивлялась, как сильно изменилась ее жизнь за неделю. Она знала, что смена работы могла произойти в мгновение ока, несколько ее коллег были отправлены в Кендал или на Озера почти без предупреждения.

По крайней мере, это ее выбор. Энни просто хотела, по-прежнему возвращаться в дом Уилла каждую ночь. Он покорила ее, когда она переживала не самый лучший момент своей жизни, совершенно не надеясь на счастье. Слезы наполнили глаза, почему эта чертова Лора все испортила? Энни чувствовала себя убитой горем, влюбленной малолеткой. Ну хоть, аппетит у нее пропал, впервые она не искала утешения в еде.

Она решила, что теперь, когда окончательно проснулась, можно принять душ и подготовиться к работе. Лучше прийти пораньше и произвести хорошее впечатление на своего нового босса, чем опоздать и сразу получить выговор.

Спустившись вниз, она приготовила тосты из муки грубого помола с джемом и большую кружку кофе и, усевшись на кухонный стул, не могла перестать думать об Уилле. Им обоим необходимо начать с чистого листа, или так советовал ей разум, сердце не соглашалось и продолжало уговаривать позвонить Уиллу. Трудно было не обращать на это внимание. Энни

надеялась, что к концу дня она так устанет, что будет даже не в силах произнести его имя.

Наконец, готовая, она отправилась в очень приятную поездку в Уиндермир. Солнце поднималось, и было намного теплее, чем за весь год. Приехав туда, она припарковала машину прямо около участка и улыбнулась. Не нужно будет беспокоиться о штрафе за парковку или ездить туда-сюда в поисках места для стоянки. Ей это место уже нравилось.

Само здание было крошечным, по сравнению с мавзолеем в Барроу. Оно было причудливым, построенным из местного сланца и плавно сливалось с окружающей обстановкой. Энни немного нервничала, но не так сильно, как ожидала. Она проверила свой телефон, найдя сообщение, которое Кав отправил ей ранее. Он написал код двери, чтобы войти в здание вместе с пожеланием удачи, которое заканчивалось: «и постарайся не вызвать катастрофу в свой первый день». Энни усмехнулась про себя, ей будет его не хватать.

Она вошла в участок, волоча за собой тяжелую черную сумку, в которой лежало полицейское снаряжение, и стала искать раздевалку, чтобы сложить его там. Энни была рада оказаться подальше от Уилла, Лоры и сплетников из теперь уже бывшего участка. Интрижки были частью их жизни, это одна из ловушек работы в полиции. Всем хорошо известно, что копы скакали из койки в койку. Обычно оправданием называли стрессы на работе, тогда как на самом деле истина была проста и ясна – они просто не могли перестать трахать все, что ходит и говорит.

Несмотря на то, что Энни была несчастлива в браке с Майком, она всегда неодобрительно относилась к своим коллегам, которые делали именно это. Но сейчас ее перевели в другую часть округа из-за того же самого. Единственное преимущество — перевод был сделан по ее просьбе, и ее не выгнали из участка за то, что она спала со старшим офицером, что случалось слишком часто.

Она нашла раздевалку и уронила тяжелую сумку на пол. Через холл находился кабинет, который был пуст. Она пошла искать дежурного сержанта, чтобы представиться, и тоже не смогла его найти. Она услышала громкий голос, доносившийся из кабинета дальше по коридору, и пошла в том направлении. Увидеть табличку с надписью «Инспектор» на двери, Энни остановилась снаружи, не желая мешать.

— Да, я знаю Джорджия, дорогая, мы обсуждали, что ты пойдешь на вечеринку к Хлос сегодня вечером. И во сколько я тебе сказала быть? — Последовала небольшая пауза. — Да, я сказала «в полночь», но это было до того, как ты вчера вечером выскочила из дома, разозлившись до чертиков и тебя пришлось привезти одному из моих офицеров. Одно это говорит, что тебе наплевать на то, что мне приходится за тебя краснеть, а во-вторых, доказывает, что тебе нельзя доверять. Скажем так, я сажаю тебя под домашний арест для пользы твоей печени. Пятнадцать лет — это слишком мало для цирроза, и я отказываюсь быть предметом сплетен в участке, потому что ты думаешь, что можешь напиться.

Энни вздрогнула от крика «Я тебя ненавижу», эхом разнесшегося по крошечному кабинету. Звонок оборвался, и женщина, державшая трубку, зарычала. Энни кашлянула, постучала в дверь и вошла. Она не была знакома с инспектором Хейз, но знала о ее репутации женщины, которой трудно угодить, и, судя по всему, немного стервы. Женщина посмотрела на Энни и ухмыльнулась: — Чертовы подростки, на них нужно писать предупреждение о вреде для здоровья. Они вредны для вашего психического здоровья и банковского счета.

— Извините, я не подслушивала. Я Энни Грэм. — Она протянула свою руку и пожала

руку инспектора.

— Не волнуйся, если ты проработаешь здесь больше недели, то узнаешь все о семейной жизни каждого. Об их ужасных отпрысках, несчастных супругах и о том, что мы все пьем «Ангела». Одна из особенностей работы в маленьком участке. С другой стороны, тебя не будут беспокоить ежемесячными представлениями, стонать по поводу твоего уровня арестов или говорить, чтобы ты совершала больше обходов. В славных Озерах мы все печемся о туристах и стараемся сделать их счастливыми, поэтому они продолжают возвращаться и тратить больше денег.

— По-моему, звучит идеально. С меня довольно другой стороны полицейской работы. Мне нужна передышка. — Энни задалась вопросом, как много Кав рассказал этой женщине о перипетиях в ее жизни за последний год. Если и много, инспектор Хейз не подала виду.

Она встала и проводила Энни на маленькую кухню, где включила чайник и начала готовить две чашки кофе. Несмотря на ее репутацию, Энни она понравилась, на самом деле понравилась. Инспектор налила кипятка в чашки, добавила молока, открыла шкафчик и достала пачку шоколадного печенья.

— Меня зовут Кэти. Тебе необязательно обращаться ко мне по званию, только в том случае, если появится суперинтендант или кто-то выше. Или если ты действуешь по уставу, потому что напортачила, но я в этом сомневаюсь. Слышала о тебе много хорошего, Энни, и, если тебе интересно, я в курсе, что у тебя были еще более дерьмовые последние шесть месяцев, чем у меня. Но это твое дело, и ты должна говорить об этом только тогда, когда почувствуешь, что это необходимо. Я придерживаюсь политики открытых дверей, если что-то беспокоит тебя, не держи это в себе, выскажись. Потому что уверяю тебя, будут дни, когда дива, которую я привела в этот мир, выведет меня из себя так сильно, что, если я не накричу на кого-то, могу просто пойти домой и задушить эту сучку. — Она подмигнула, и все это показалось Энни чудесным. Взяв кружки с кофе и пакет с печеньем, Кэти быстро провела ее по зданию, объяснив все детали, а потом они сели в ее кабинете и принялись за старое доброе обсуждение того, что происходит в Барроу.

Он вошел в свой кабинет и уставился на доску с операцией «Ариэль», которая уже начала заполняться. Хотя планировать приходится немного в спешке, он решил, что нет смысла долго ходить вокруг да около, раз уже определено, кто станет его следующим ангелом.

Он не хотел слишком торопиться, но прочитал в Фейсбуке, что она собирается на день рождения к коллеге по работе, и понял, что это прекрасная возможность.

На этой неделе он провел целых два дня, следуя и наблюдая за своей жертвой. Она была хорошенькой блондинкой и очень напоминала ему мать. Чем больше он следил за ней, тем больше понимал, что она довольно эгоистичная личность, что делало ее еще более похожей на его мать.

Он приколот к пробковой доске фотографии улицы, на которой она жила, и квартиры над парикмахерской. Распечатал небольшую карту окрестных улиц и добавил на доску. Он не мог попасть в ее квартиру, у него не было причин заходить внутрь, и она узнала бы его, если бы он попытался.

Он не думал, что легко с ней справится, если она не будет пьяна, потому что от природы она была мнительной. Если он не сможет добраться до нее, когда она выйдет из паба, ему придется следовать за ней до ее квартиры. Он проверил, что на улице нет камер видеонаблюдения. В магазине на углу имелась одна, но он точно знал, что она не работает. А когда работала, то снимала только вход в магазин.

Он был уверен, что даже если она начнет сопротивляться и закричит, все равно сможет затащить ее в свою квартиру или грузовик. Прежде чем кто-нибудь из жильцов потрудится выбраться из своих теплых постелей, чтобы посмотреть, что происходит. Он только надеялся, что если она и будет защищаться, то не прольется кровь, — от этой мысли он содрогнулся и выключил компьютер.

Он следил за постом в Фейсбуке, где она начала обсуждать, что надеть на сегодняшний вечер. На самом деле он не был ее другом, но был другом друга, что почти так же хорошо. Он мог прочитать любой из их разговоров. Радости Интернета, он просто рай для сталкера.

Он принялся проверять свою сумку. Там лежало все необходимое: перчатки, скотч, пакеты, стяжки, кусок полиэтиленовой пленки. Достал из холодильника маленький коричневый пузырек с лекарством, внутри которого находились две мелко измельченные таблетки флунитразепама, более известные как рогипнол. Они были его аварийным резервом. Если все остальное не сработает, он накачает ее наркотиками, подсыпав их в бокал белого вина, которое ей так нравилось.

Его нервные окончания начало покалывать при мысли о том, что он собирается сделать. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного.

На этот раз он выбрал церковь Святой Марты. Ее обслуживал тот же священник. Похоже, у церкви такой же финансовый кризис, как и у всех остальных. Прогуливаясь, два дня назад по церкви и ее территории в бейсболке, темных очках и с фотоаппаратом на шее, он подобрал могилу. В облике типичного туриста, он не встретил никого другого, пока осматривался, что его вполне устраивало.

Вот бы оказаться там в нужный момент и увидеть лицо священника. Он не был уверен, что именно священник обнаружит ее, но так или иначе два трупа на территории двух

церквей, несомненно, сделают священника человеком, представляющим интерес для полиции. Он хотел быть рядом, когда это произойдет.

29 июня 1984 года

02:00

После того как они покончили с горячим шоколадом, и дети начали зевать, отец Джон проводил Бет, Софи и Шона в одну из гостевых комнат. Там стояла огромная двуспальная кровать, достаточно большая, чтобы все трое могли разместиться, прижавшись друг к другу. Если им понадобится задержаться подольше, они смогут занять комнаты, в которых жили, когда он впервые их нашел.

Он оставил их наедине и пошел в свою комнату. Бет не сказала этого, но он знал, что именно человек-тень, привел их к его двери, испуганных и дрожащих. Джон опустился на колени в ногах кровати и начал молиться Богу о помощи, которую тот мог ему оказать.

07:00

Джон открыл глаза и уставился на распятие на стене напротив кровати. Сегодня он собирался пойти в дом Бет и освятить его сверху донизу. Он взглянул на будильник, стоявший рядом с кроватью, — семь часов, но заснуть уже не мог, хотя чувствовал себя измученным. Всю ночь ворочался с боку на бок, в голове крутилось столько мыслей. Он все время прислушивался на случай, если неожиданным гостям понадобится помощь.

Он встал и натянул выцветшие джинсы и черную футболку. Когда пойдет в дом Бет, то будет в полном облачении, а пока планирует и готовит всем завтрак, он может быть просто старым добрым Джоном. Быстро умывшись, он провел пальцами по своим густым волнистым черным волосам, чтобы немного их пригладить. Ему стоило бы подстричься, но сегодня этого не произойдет. Откинув голову, чтобы прополоскать рот, он уловил движение в зеркале и, резко обернувшись, увидел Софи, стоящую в дверях ванной. — Уфф, Софи, ты меня напугала. Как себя чувствуешь сегодня утром?

— Он не оставит меня в покое.

Джон точно знал, кого она имеет в виду, но он должен был услышать это от нее. — Кто не оставит тебя в покое?

— Человек-тень, даже когда я сплю, он там — в моих снах.

Джон подошел к ней и присел на корточки. — Я знаю, что ты напугана, но еще ты невероятно храбрая Софи, и должна сказать ему, чтобы он ушел. Позже я пойду к тебе домой и освящу его святой водой сверху донизу.

— Это заставит его уйти?

Джон посмотрел на бледное лицо Софи. Он не хотел лгать ей и давать ложную надежду, но не мог сказать девятилетней девочке, что не может избавиться от страшной тени без посторонней помощи. — Я буду стараться изо всех сил, но до тех пор я хочу, чтобы вы все оставались здесь со мной. Что скажешь? Моя экономка миссис Браун делает самые лучшие пирожные, она позволит вам помочь ей испечь их, когда придет к обеду. Обязательно скажите ей, какие ты любишь. Пойдем позавтракаем, я умираю с голоду.

Он взял ее за руку и повел к лестнице. Софи сжала его пальцы. Ее рука была такая холодная. Бедняжка замерзла, хотя на дворе стояло лето.

На кухне Джон принялся жарить бекон и яичницу. В приготовлении пищи было что-то целебное. Он не пытался экспериментировать, но основные блюда у него неплохо получались. Джон попросил Софи достать ему грибы из холодильника. Она положила их рядом с ним, и он передал ей не очень острый нож и блюдо. — Не сможешь мне порезать

грибы?

Она кивнула и сосредоточилась на полученном задании. Джон пытался отвлечь ее от живого кошмара, о котором она постоянно думала. Учитывая, что его желудок был словно комок нервов, он был голоден и нуждался в обильном завтраке, чтобы решить, что делать.

Вдвоем они приготовили достаточно, чтобы накормить небольшую армию, и он отложил немного для Бет и Шона, поставив блюдо в духовку, чтобы еда осталась теплой, пока они не проснутся.

Он сомневался, что Софи что-то полезет в рот, но, опрокинув на яичницу полбутылки томатного соуса, она принялась за еду. Она сделала бутерброд из двух ломтиков тоста, которые он положил ей на тарелку, и хихикнула, когда теплое масло потекло по подбородку. — Ой, я такая грязнуля, мама всегда мне это говорит.

— Не могу с ней не согласиться, — засмеялся Джон, — я и не думал, что ты способна так много съесть.

— Это потому, что мне здесь нравится, в этом доме пахнет чистотой. Я почти не хотела есть в нашем, там сильно воняет. Только мама не чувствует этого запаха, а я чувствую, и меня тошнит. Думаю, Шон тоже его ощущает, но он не понимает.

Джон улыбнулся, она рассуждала как взрослая, и это грустно. Он мысленно вернулся к тому времени, когда сам был подростком, на несколько лет старше, чем сейчас Софи, и чувствовал то же самое. Тогда ему казалось, что в доме пахнет так, как будто в нем кто-то умер. Как будто там что-то гниет, что может чувствовать только он, потому что его мать никогда не могла.

— Я точно знаю, что ты имеешь в виду, Софи. Я пережил тоже, только не было никого, кто верил бы мне, и моя мама не понимала, что со мной происходит. С каждым днем я чувствовал себя все более и более усталым, словно из моей души высасывали частички энергии. Просто одеваться в школу становилось настоящим сражением. В школе я не мог сосредоточиться, и учителя думали, что я принимаю наркотики.

Он замолчал, Софи всего девять лет, и вот он откровенничает с ней о своей встрече с человеком-тенью, когда ему было тринадцать.

— И что вы им сказали?

— Ничего, я слишком боялся. Мне казалось, что я понемногу схожу с ума. Я пытался рассказать маме, но она мне не поверила и велела перестать врать.

— Так сказала и моя мама, но, по-моему, она передумала вчера вечером, когда увидела его в углу моей спальни. Взрослые должны понимать, что, когда дети говорят, что они видят людей, которых никто другой не видит, это потому, что мы действительно это можем.

— Что случилось прошлой ночью? Не думаю, что твоя мама расскажет мне все подробности.

Джон и Софи отодвинули тарелки с завтраком в сторону и облокотились на стол, склонив головы друг к другу.

— Что вы двое задумали?

Голос Бет заставил их обоих подпрыгнуть, и Джон с трудом заставил свой голос не дрожать. Впервые за двенадцать лет он столкнулся лицом к лицу с чудовищем своего детства. Бет подошла к столу и взяла их тарелки, соскребая то, что осталось в маленькое ведерко из нержавеющей стали.

Софи посмотрела на маму. — Расскажи отцу Джону, что ты видела вчера вечером в моей комнате.

Бет, наполнявшая раковину водой, замерла.

— Пожалуйста, мама, скажи ему, что ты видела это, скажи, что веришь нам.

Бет обернулась, в уголке ее глаза блестела большая мокрая слеза. — Я не хочу об этом говорить, мы, должно быть спали.

Софи разрыдалась, и Джон не знал, кого утешить первым, но тут Бет бросилась к Софи и крепко обняла ее. Она глубоко вздохнула и рассказала Джону, почему в конце концов они стучали в дверь пресвитерии в час ночи.

После завтрака Джон вышел из кухни в библиотеку и сел за заваленный документами стол. Он начал просматривать свои бумаги. Он мог освятить дом без разрешения Ватикана, но если ему придется изгонять нечистую силу, то он должен просить разрешения. На это могли уйти недели или даже месяцы. Еще он понимал, что понадобится гораздо больше доказательств, чем он может предоставить в данный момент.

Он открыл ящик стола и вытащил альбом, который хранил с тех пор, как был подростком. В нем находились вырезки из газет о каждом доме с привидениями или одержимом демоном. Он знал, что человек-тень встал между ним и Софи, потому что он не хотел быть девочкой, он хотел ее душу, и это серьезно все усложняло.

Джон рассмеялся про себя: «Ты с ума сошел, Джон? Беспокоишься о схватке с человеком-тенью, с которым на самом деле понятия не имеешь, как справиться. Как тебе удалось сбежать от него много лет назад?»

Всю свою жизнь он не мог точно вспомнить, что именно сделал, чтобы избавиться от него, как будто воспоминания были заблокированы его разумом.

Он вздрогнул, в комнате казалось намного холоднее, чем обычно, и он не удивился бы, если бы это существо бродило вокруг, прислушиваясь. Может быть, оно блокирует воспоминания, чтобы он не смог бороться с ним снова.

Джон знал, что у него нет особого выбора, потому что Софи выглядела измученной, ее кожа стала такой бледной, а черные круги под глазами делали ее похожей на старуху, а не на ребенка.

Ему нужно действовать, и быстро. Взяв телефонную трубку, он начал набирать номер местного епископа — отца Роберта. Джон молился, чтобы епископ вернулся из поездки к сестре, потому что ему нужно попросить его о помощи.

«Заметки частного детектива Уэйна Стерлинга»

IV

Привет!

Следующим утром я впервые изменил своим привычкам. Место традиционного «Эрл грея» в термосе занял китайский зелёный чай. Я чувствовал, что на этот раз мне должны рассказать что-то важное, и лишняя доза кофеина может негативно сказаться на моих аналитических способностях.

Короткий путь до офиса. Компьютер. Письмо уже ждало меня на почте. Я сразу же погрузился в чтение. Спустя полчаса, я не выдержал и проорал на весь офис: — Бинго! Я разгадал эту мелодию с семи нот!

Меня накрыло нервное возбуждение. Неужели всё так просто и очевидно? Не может такого быть. Надо было успокоиться, и зелёный чай пришёлся очень кстати. Немного придя в себя, я принялся дополнять свои записи.

По порядку. Наши дни. Энни нашла в себе силы поговорить с Уиллом. Она сильнее, чем я думал. Намного. Возможно, у их отношений ещё есть второй шанс. Да и сам Уилл наконец-то повёл себя так, как полагается. Думаю, что переезд Энни в Уиндермир — недолгая история.

Сержант Кав нравился мне всё больше и больше. Полицейское чутьё, внимание к своим подчинённым, боевые навыки. Ему явно пора на повышение.

Далее. Ещё два эпизода из прошлого. 28 и 29 июня. Очередное явление «вонючки». Подтвердилась догадка о том, что он может взаимодействовать с материальным миром, а также управлять, возможно неосознанно, температурой окружающей среды. Не подтвердилось, что его могут видеть только те, с кем он встречался раньше. Жаль, что мать Софи поздно прозрела. Ей бы очень пригодилась информация о том, как отец Джон в детстве прогнал человека-тень.

Снова современность. Призрак девочки опять явился к Энни. Уже из её слов мне стало понятно, кто убийца.

Тут я сделал паузу и нашёл в интернете ту самую песенку, которую она напевала. Не знаю, зачем, но мне захотелось прикрепить её к делу. В память о несчастной Софи.

Последняя часть была самой сладкой. Она расставляли все точки над «ё» в разгадке личности душиителя. Ещё в самом начале я подметил, что у него хорошие задатки для работы полицейским. Ошибся только в причине и следствии.

Дальнейшие факты только развеивали сомнения. Склонность к планированию, боязнь быть узнанным. Прослеживался даже мотив, что редкость для серийных убийц. Он хотел подставить, того, кого считал виновным в том, что ему пришлось пережить в детстве. Неясным было только одно. Как здесь замешан человека-тень?

Я вновь обвёл в кружок имя убийцы. Но что мне делать с этой информацией? Звонить в Барроускую полицию и сказать, что в их рядах работает маньяк? Меня бы приняли за сумасшедшего. Оставалось только действовать самостоятельно. И первым делом необходимо было ответить на письмо.

Лора поднесла бокал к губам, осушая оставшееся вино. Определенно она была навеселе, вполне возможно, даже пьяна. Пока не встала и не попыталась идти по прямой, она не могла сказать точно. Единственное, она знала наверняка, что безумно хочет есть. Две бутылки протеинового коктейля и банан на самом деле не очень утоляют голод.

Мужчина на барном стуле рядом с Лорой улыбнулся, он болтал с ней последние тридцать минут. Не спрашивайте, о чем, потому что ей все равно, ведь он был симпатичным. Широкоплечий и выглядел так, как будто каждый день занимался в спортзале. В данный момент можно сказать, что он самым красивый и сексуальный мужик в пабе.

Уилл, Стью и остальные сидели позади нее полукругом, и Лора надеялась, что Уилл наблюдает. Она хотела, чтобы он вмешался, усадил ее на стул рядом с собой и сказал, как ему жаль, и что она ему нравится. По правде, он полностью игнорировал ее. С прошлой недели не сказал ей и десяти слов. Ей придется перейти к плану «Б», надеясь вызвать у него ревность, доказать ему, что она может заполучить любого, кого захочет, и показать, что он упускает.

Лора слегка повернула голову, чтобы посмотреть, наблюдает ли он за ней, но он согласно кивал Стью, который шептал ему на что-то ухо, — неудачники, вот они кто.

Мускулистый мужчина предложил ей еще выпить, и она не отказалась. Последний шанс для Уилла, а потом она уйдет с этим сексуальным парнем либо к нему, либо к себе домой. Это не имело значения, пока Уилл смотрел ей вслед, когда она будет выходить из паба вместе с этим парнем. Она наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Не хочешь пойти куда-нибудь в тихое местечко выпить кофе?

Он кивнул с широкой улыбкой на лице, и она встала с барного стула, слегка покачнувшись. Накаченный здоровяк, который только что сказал, что его зовут Райан, поймал ее за локоть, помогая удержаться. Лора улыбнулась ему, потом взяла под руку и крепко сжала.

Уилл кивнул ей, а потом отвел взгляд. Неужели его щеки слегка покраснели? Она надеялась на это. Так ему и надо, у него был шанс. Лора действительно сочувствовала Энни. Она не хотела, чтобы та застучала их, но в мире Лоры все было честно. В любви и на войне все средства хороши.

Райан крепко держал ее за руку. Они вышли из паба и пошли по улице к стоянке такси. Он назвал свой адрес, и Лора не собиралась спорить, ей так легче будет улизнуть после того, что, как она надеялась, будет горячим сексом без всяких обязательств. Райан вел себя как настоящий джентльмен и помог ей сесть в такси. Как только машина отъехала, он наклонился и поцеловал ее, и она жадно ответила на его поцелуй.

Такси остановилось у большого отдельно стоящего дома. Единственными зданиями поблизости были церковь и маленькая приходская школа, и Лора поняла, что это пресвитерия.

— Простите меня, Отец, ибо я согрешила. — Она хихикнула и протянула руку, чтобы коснуться его паха. Райан перекрестил ее лоб и прошептал: — Нет, дитя мое, еще нет, ты вот-вот согрешишь.

Когда они вышли из машины, она захихикала. Райан сунул водителю десятифунтовую банкноту, взял ее за руку и повел к дому, погруженному в темноту.

— Ты действительно священник?

— Нет, — покачал он головой, — но мой дядя, да. Я живу с ним, пока работаю здесь, но нам места хватит. Его попросили подменить священника на Озерах, так что он останется там на какое-то время. Мы будем сами по себе, и ты бы видела, какого размера у меня кровать.

Он открыл замок, повернулся и, подхватив Лору на руки, пинком захлопнул за собой дверь. Слишком пьяный, чтобы даже подумать о том, чтобы запереть вход, он понес ее наверх. Лора поняла, что время они проведут весело, и впервые за год забыла о том, как сильно ей нравится Уилл Эшворт.

Лора застонала, приоткрыв один глаз. Она лежала не в своей постели, голова казалась чужой и слишком тяжелой, чтобы без труда ее поднять. Лора обернулась и увидела обнаженное тело мужчины, с которым пришла, и на этот раз подумала, что неплохо, все прошло совсем неплохо.

Приятное исключение после большинства ночей вне дома с их потрясениями, ужасом, и желанием побыстрее сбежать. Она оглядела комнату: довольно простая обстановка, двуспальная кровать, шкаф, комод и огромное распятие на стене. Лора почти позабыла, что он племянник священника, и теперь надеялась, что его дядя не вернулся домой раньше. Было бы немного неловко, если бы он услышал, как они занимаются сексом в его доме.

Она села на край кровати, голова у нее раскалывалась, а желудок скрутило от горького привкуса несвежего вина. На прикроватном столике стояла бутылка с водой, Лора взяла ее и сделала большой глоток, радуясь, потому что в горле пересохло.

Посидев минут десять, обхватывая голову руками, она заставила себя встать. Доковыляла до стула, куда бросила свою одежду прошлой ночью, и оделась, но ей не хотелось просто так уходить. Ей действительно понравился Райан, и она хотела бы увидеть его снова.

Порывшись в кармане брюк, она нашла смятую визитную карточку с номером телефона. Не желая будить, потому что не хотела, чтобы он видел ее в таком состоянии, она на цыпочках обошла кровать и положила визитку на прикроватный столик рядом с ним.

Лора наклонилась, чтобы поцеловать Райана в лоб, и ее ноги начали дрожать, ей стало трудно удерживать вес собственного тела. Желудок снова сжался, и комната погрузилась во тьму, когда она рухнула на пол. В полубессознательном состоянии она хотела пошевелиться, но не смогла. Ее тело отказывалось делать то, что подсказывал разум.

Краем глаза Лора уловила какое-то движение, кто-то ходил по комнате. Она посмотрела в остекленные глаза Райана. Он был мертв. Что происходит? Ее мозг словно превратился в патаку, и она не могла думать. Шаги прекратились, и она заморгала, пытаясь сосредоточиться, но комната плыла, и она не могла ясно видеть.

Лора знала, что это мужчина, по тяжелым шагам поняла, что он в ботинках. Ботинки приблизились к ней, и она попыталась заговорить, но из горла вырвался невнятный звук. Ее разум кричал, чтобы она двигалась, а сердце бешено колотилось. Лора догадывалась, что этот человека здесь не для того чтобы помочь ей, а затем она услышала его голос, когда он прошептал ей на ухо.

— Молись, пора засыпать.

Он натянул ей на голову толстый пластиковый пакет и смотрел, как она делает последние вдохи, пытаясь втянуть в себя драгоценные глотки воздуха. Ее красивое худое

лицо стало такого же красного цвета, как и старомодный ковер, на котором она лежала. Ее расфокусированные бледно-голубые глаза вылезли из орбит, лишая привлекательности.

Он припарковался через дорогу от паба и последовал за отъезжающим такси. Когда машина подъехала к церкви Святой Марии, у него чуть не случился сердечный приступ. Естественно, ведь это было слишком хорошо, чтобы быть правдой! Он не хотел использовать одну и ту же церковь дважды, но почему бы и нет, раз это дар самого Господа, казалось глупо не воспользоваться им.

Когда Лора и мужчина, который не был викарием прихода, пьяные ввалились в дом, они не потрудились запереть за собой дверь, слишком поглощенные поцелуями. Он оставил их наедине, не мог напасть сейчас, намного проще будет после того как они займутся сексом и устанут.

Он обошел вокруг церкви, чтобы посмотреть, есть ли подходящая могила, которую он мог бы использовать. Не хотелось повторяться, она несомненно заслуживала свою собственную. На этот раз он выбрал ту, которая не проглядывалась ни из школы, ни из дома.

Как минимум, полиция потеряет время и силы, наблюдая за церковью, ожидая, когда он снова нанесет здесь удар. Хотя в следующий раз это случится на другом конце города, далеко от церкви Святой Марии.

Забрав сумку из грузовика, он, наконец, прокрался через входную дверь и запер ее за собой. Он подслушал, как мужчина рассказывал Лоре о своем дяде, так что все прекрасно, пусть дом и принадлежит Богу, но как говорят, ему помогает сам дьявол.

Он сидел на лестнице и слушал, пока они занимались очень громким сексом. В какой-то момент он обнаружил, что слишком возбужден, и ему пришлось походить по дому, чтобы сосредоточиться на том, что он планировал сделать.

В конце концов кровать перестала скрипеть, и стало тихо. Он задумался, как лучше осуществить свой план без слишком большого шума и крови. Мужчина наверху намного крупнее, и как бы он ни ненавидел вид крови, у него не было особого выбора, только его убить. Нужно действовать быстро, и единственное, что пришло ему в голову, — это вонзить нож прямо в сердце. По крайней мере, он сможет натянуть на него одеяло, и если сделает это достаточно быстро, то, возможно, вообще не увидит крови.

Он прошел на кухню и заглянул в холодильник — там стояло много бутылок минеральной воды. Он вынул одну из них и отвинтил крышку, затем, вылив в нее содержимое пузырька с лекарством, снова надел крышку и хорошенько встряхнул. Должно быть достаточно, чтобы сделать даже быка беззащитным. Он поставит ее рядом с кроватью, пока она не проснулась.

На столе лежала доска для разделки мяса и набор ножей. Он вытащил тот, что был с самой большой ручкой и самым острым концом. Просто держа его, он чувствовал тошноту, но понимал, что не сможет легко одолеть крупного мужчину, и борьба разбудит Лору. Он не хотел, чтобы она проснулась раньше времени.

Переживая, что все может пойти не так, как надо, он осторожно поднялся по лестнице и направился в комнату, где спали его жертвы. Прокрался внутрь и поставил бутылку с водой рядом с Лорой, а затем обошел кровать с другой стороны, приблизившись к обнаженному и тихонько похрапывающему мужчине.

Его ноги начали дрожать еще до того, как он поднял нож, но сделав глубокий вдох и отведя руку назад, он прицелился в грудь. Когда нож вонзился прямо в сердце мужчины, его глаза открылись, и он издал булькающий звук. Должно быть, удар оказался смертельным,

потому что глаза мужчины начали стекленеть. Он оставил нож на месте, а потом натянул на него одеяло, чтобы не отвлекаться на кровь. Лора пошевелилась, и он посмотрел на нее:

«Вот почему люди чувствуют потребность напиться до беспамятства?»

Когда он снова взглянул на Лору, она перестала дергаться и замерла. Жаль, конечно, но она была не очень хорошим человеком и так походила на его мать, что это не могло кончиться по-другому.

Луна появилась из-за густых черных облаков и осветила церковь достаточно, чтобы ему не пришлось тащить ее тело, освещая дорогу фонарем. Он наклонился, снял с ее головы пластиковый пакет, скомкал его и засунул поглубже в карман брюк. Раздел, а затем наклонился и поднял на руки, что оказалось намного сложнее, чем он думал. Она была очень стройной, но все же достаточно тяжелой, чтобы капли пота выступили у него на лбу, когда он спускался с ней по лестнице. Носком ботинка он открыл дверь, которую оставил приоткрытой, вышел наружу и остановился, дважды проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь.

Он шел по гравийной дорожке, которая вела в церковный двор к выбранной им могиле. Осторожно уложил ее. На этот раз ему было легче, без полиэтиленовой пленки.

Потребовалось некоторое время, чтобы привести ее руки в правильное положение, их нужно было слегка приподнять, и сложить будто они почти ласкают друг друга. Затем он принялся искать, чем бы ее укрыть. Убедившись, что сделал все, что мог, он встал и потянулся, его спина болела. Это было не так просто, как он себе представлял, но оно того стоило. Отступив назад, чтобы полюбоваться своей работой, он улыбнулся. Лора была очень красивым спящим ангелом, и он хотел сесть на каменную скамью напротив и смотреть на нее, но не мог рисковать, боясь быть замеченным.

Сделав пару снимков на свой телефон, он вдавил правую ногу в ботинке «Магнум» в землю, оставляя детективам, которые будут работать над этим делом, зацепку. Он ушел тем же путем, каким пришел через сад пресвитерии, и вышел через открытую калитку.

Остановился, вспомнив, что не закрыл дверь дома, поэтому побежал назад и захлопнул ее. Не было никакого смысла облегчать задачу полиции, он хотел бросить им настоящий вызов и посмотреть, справятся ли они.

Запах новых резиновых сапог и шлепанье слишком больших подошв по асфальту на детской площадке заставляли Эллу чувствовать себя в безопасности. Это напомнило ей о тех днях, когда она сама играла в классики, и единственное, что ее беспокоило, так это то, попадет ли она в красную или зеленую команду в день Спорта. Никто не хотел оказаться в желтой или синей.

— Мисс, мисс... Билли забрал мой прыгающий мячик.

Элла вздохнула и повернулась, чтобы разобраться с первой драмой дня. Она улыбнулась шестилетней девочке с рыжеватыми волосами и россыпью веснушек на переносице. Розы Гарнетт любила рассказывать истории о своей матери. Элла посмотрела на Билли, угрюмое выражение лица которого заставило ее с трудом скрыть улыбку.

— Давай, Билли, отдай мяч. Розы, я уверена, он просто хотел поиграть с тобой, не так ли, Билли?

Билли протянул свою маленькую пухлую руку. В его сжатом кулаке был спрятан крошечный ярко-зеленый шарик. Разжав пальцы, он отдал его Розы, которая так мило улыбнулась ему, что Элла поморщилась.

Розы побежала за прыгающим мячом, который она только что запустила на другую сторону площадки, а Билли стоял и ждал, когда его отчитают. Элла погладила его по голове.

А затем раздался пронзительный крик, заморозивший ее до глубины души. Случилось что-то очень плохое, и она боялась обернуться и посмотреть. Но инстинкт взял верх, и она развернулась и побежала в направлении крика.

Долгий крик на одной высокой ноте, похожий на пронзительный вой пожарной сигнализации, доносился с церковного двора, примыкавшего к школе. Элла, сопровождаемая мисс Смит, побежала к воротам, которые вели на церковную территорию, и увидела Розы, стоявшую с открытым ртом и издающую ужасный шум. Элла бросилась к ней, чтобы посмотреть, в чем дело, девочка не выглядела так, будто поранилась. Элла схватила Розы и легонько встряхнула, чтобы та остановилась. Розы уставилась на нее, подняла маленький пальчик и указала на что-то.

Элла всмотрелась и почувствовала, как у нее екнуло сердце. На одной из могил лежала обнаженная женщина. Ее безжизненные глаза сказали Элле все, и она притянула Розы к себе, обняла и мягко повернула от ужасного зрелища. Взяв свою воспитанницу на руки, она отнесла ее к мисс Смит, которая стояла, зажав рот ладонью. Она не осмелилась выйти за ворота.

— Отведите детей в школу и позвоните в полицию. — Мисс Смит кивнула и, забрав у нее девочку, начала дуть в свисток, давая понять, что время игр закончилось, собирая детей.

Элла стояла, загораживая ворота, чтобы никто не мог заглянуть внутрь, пока все не соберутся и не пойдут обратно в школу.

Когда последний ребенок зашел в здание, она повернулась и подошла к лежащей женщине. Нужно проверить, нет ли у нее пульса, и, хотя Элла никогда не видела трупов, кроме как по телевизору, она была почти уверена, что это один из них.

Она осторожно подошла к могиле, стараясь не растоптать ничего, что могло бы послужить уликой. Элла прочла достаточно криминальных триллеров, и понимала, как важно вести себя осторожно на месте преступления. Наклонившись, она прижала два пальца

к шее женщины, чтобы проверить пульс. Ее кожа была ледяной, и Элла поняла, что прошло много времени с тех пор, как она в последний раз дышала. Элла ничего не могла для нее сделать.

Светящаяся зелень мяча-попрыгунчика Розы резко контрастировала с мраморной бело-голубой кожей женщины. Он покоился на сгибе ее согнутой руки. Элла сомневалась, что Розы когда-нибудь снова сможет смотреть на резиновый мячик. С грустью размышляя, кем могла бы быть эта женщина, она вернулась к маленьким черным чугунным воротам, чтобы дождаться полиции, и, судя по вою сирены, они будут здесь очень скоро.

Мистер Майклз, старший учитель, ворвался в узкую дверь, ведущую в холл, где толпились дети, и запутался в паутине рук и скакалок. Заметив его через большие стеклянные двери патио, Элле пришлось отвернуться, чтобы он не увидел усмешки на ее лице. Это было совершенно неуместно, но этот человек невероятно ее раздражал. Он подошел к ней.

— Вы совершенно уверены, что женщина мертва, и она не просто какая-то накачанная наркотиками бездомная бродяжка, которая на ночь прилегла поспать в церкви?

Элла постаралась не закатывать глаза и покачала головой. — Ну, я не специалист, мистер Майклз, но если вы посмотрите сами, то увидите, что она мертва уже давно. Хотя я не знаю, стоит ли вам туда заходить.

Он проигнорировал ее и прошел мимо. Элла смотрела и думала, не собирается ли он топтаться на месте преступления, как любил потоптаться по чужим чувствам, но ей не стоило волноваться. Он взглянул на могилу, и краска сошла с его лица.

— Боже милостивый, как это случилось, да еще в церкви?

Элла пожалала плечами, у нее не было ответов. Просто чувство отчаянной печали за эту женщину, кем бы она ни была, выставленную на всеобщее обозрение. Она вздохнула с облегчением, когда двое полицейских ворвались в холл и направились туда, где она стояла. Элла указала на могилу и с удовольствием увидела, как мистер Майклз с пылающим лицом пробирается обратно на площадку. Он был похож на мальчишку, которого поймали, когда он подглядывал в раздевалке за девочками.

Первый полицейский издал сдавленный горловой звук, и ей показалось, что он сказал «Лора», второй шагнул в ворота и, поднеся руку ко рту, пробормотал: «О боже».

Элла поняла, что эта женщина была кем-то, кого они оба знали. Ноги у нее задрожали, в голове помутилось, она несколько раз моргнула, пытаясь прояснить мысли, но ей стоило присесть, пока она не потеряла сознание.

Прислонившись спиной к грубой стене из красного кирпича, она почувствовала, что начинает сползать вниз, ее новенький кардиган цеплялся за все грубые куски кирпича, пока она не оказалась на земле.

Как неловко, она чувствовала себя идиоткой, но потом посмотрела на двух полицейских, и они выглядели ненамного лучше. В рациях, прикрепленных к ярко-желтым бронежилетам, которые они носили, раздавалось много криков. Она закрыла глаза. Сквозь оцепенение она слышала слова «скорая помощь», «уголовный розыск», «фокстрот», но последние слова, произнесенные большим из двух мужчин, навсегда будут преследовать ее во сне.

— Это наша Лора, я имею в виду детектив-констебль Лора Бейлисс.

Уилл открыл глаза. Он выпил только пинту лагера и апельсиновый сок, но чувствовал себя так, словно залил в себя все десять. Никогда больше он не будет пить так, как на прошлой неделе, алкоголь и так разрушил его жизнь. Он думал об Энни, если честно, только о ней. Он хотел сделать что-то, чтобы все исправить, но понятия не имел, что именно. Как доказать ей, что он не полный неудачник, и что она должна дать ему еще один шанс?

«Проклятая Лора, так бы и прибил ее. Вот что за игру она затеяла?» Она не разговаривала с ним с тех пор, как он вышвырнул ее из своего дома. Уилл почувствовал облегчение, когда вчера вечером она ушла из паба с накаченным парнем, который всю ночь покупал ей выпивку. Пусть она превратит жизнь какого-нибудь другого бедняги в ад.

Его телефон зазвонил, он взглянул на экран, неизвестный номер — работа могла проваливаться. Он заступал на дежурство в двенадцать. Оставалось еще два часа, чтобы пожалеть себя, послушать немного Адель. Ее музыка прекрасно подходила для того, чтобы перерезать себе вены — если бы только у него хватило сил. Он потянулся через кровать к док-станции на прикроватном столике и нажал кнопку воспроизведения.

— Мы могли бы получить все, — раздалось в комнате, и Уилл спрятал голову под подушку, чувствуя себя полным куском дерьма. Полчаса самоистязания, а потом он встанет, примет душ и встретится лицом к лицу с миром придурков, которые ждут его на работе.

Стук в дверь пробудил Уилла от сна, видимо ему удалось снова заснуть. Адель все еще напоминала ему, что он мог бы получить все. Стук не прекращался, и он собирался схватить пришедших за шиворот и протаранить их головами свой почтовый ящик.

Натянув брюки и футболку, он сбегал вниз по лестнице к входной двери, и распахнул ее, чтобы накричать на любого, кто пришел. В дверях стоял Стью с бледным лицом.

— У тебя должна быть чертовски веская причина, Стью, я не приду раньше двенадцати. — Уилл отвернулся, ожидая, что Стью последует за ним внутрь, но он этого не сделал. — Стью, в чем дело, Дебс тебя наконец выгнала?

Он смотрел, как Стью сглатывает, пытаясь найти нужные слова. — Это Лора. Она мертва.

Уилл продолжал стенать, не совсем понимая, что тот только что сказал, а затем остановился. — Что ты сказал?

Лицо Стью исказилось от боли, а глаза наполнились слезами. — Сержант, Лора мертва. Какой-то ребенок нашел ее тело на могиле в церкви Святой Марии.

Уилл почувствовал прилив сожаления о тех плохих вещах, которые он думал о ней меньше часа назад. — Ты уверен, что это наша Лора?

Стью кивнул, шмыгая носом в ладонь. Слезы катились по его щекам, он не мог заставить себя заговорить.

Уилл натянул кроссовки и схватил со стола ключи. — Я не верю в это. Как? Ты в состоянии вести машину, потому что, если нет, позволь мне. Не хочу, чтобы ты разбился по дороге или выдал восемьдесят пять промилле в алкотестер.

— Конечно, я могу сесть за руль, я ведь приехал за тобой? На самом деле вчера я выпил немного, это просто шок от всего случившегося. В том смысле, что мы были с ней примерно до половины одиннадцатого, когда она ушла с тем парнем. Как думаешь, он это сделал? Все говорит за него, но зачем, зачем ему убивать ее?

Уилл не мог ясно мыслить, один из его офицеров мертв. Всю дорогу они сидели молча, пока Стью не свернул на тихую дорогу, ведущую к церкви. Он чувствовал себя плохо и надеялся, что шок не вызовет в нем тошноту.

Повсюду стояли брошенные полицейские машины и фургоны с синими и красными мигалками. Стью остановил машину посреди дороги, и они вышли.

Знакомый вид Кава, стоящего у входа в церковь, напомнил Уиллу о недавних событиях, когда город был превращен в поле битвы человеком, одержимым старым особняком в лесу и Энни. Кав тоже был на дежурстве, когда тела нашли в прошлый раз, он выглядел больным, его лицо было серым.

Один из полицейских принес Уиллу белый костюм, латексные перчатки, маску и бахилы, он взял их, прошептал слова благодарности. Молодой офицер предложил Стью еще один набор, но тот покачал головой и отвернулся, чтобы смотреть куда угодно, только не в сторону церкви.

Офицер заговорил приглушенным голосом: — Сержант, детектив-инспектор сказал, что будет здесь очень скоро. Криминалисты готовы, они ждут от вас приказа. Они только привезли тент. Тот фотограф из газеты появился раньше с подростком на буксире, держащим полумертвый букет цветов. Хитрый ублюдок пытался заставить Кава говорить, в то время как мальчишка крался позади с одной из тех маленьких флип-камер, которые снимают видео.

Уилл почувствовал, как костяшки его пальцев сжались в кулаки. Этот репортер каждый раз вызывал в нем одну и ту же реакцию. — Вы его остановили?

— Это сделал Кав, арестовав фотографа и мальчишку. Парень начал рыдать, как маленький, сержант затащил их обоих в фургон.

Уилл почувствовал облегчение, потому что знал, что если увидит это самодовольное лицо, то врежет ему. — Спасибо, Смити.

Уилл не хотел дожидаться прибытия инспектора, он должен был взглянуть прямо сейчас, на тот случай, если они все ошиблись. Переодевшись, он подошел к воротам, которые служили главным входом в церковь, и все присутствующие обернулись, чтобы посмотреть на него. Клэр, одна из общественных помощников, стояла с журналом для сбора данных, и он кивнул ей, печаль в ее глазах сказала все.

Ему казалось, что время остановилось, и единственными звуками в этом месте, где полно людей, остались щебетание маленькой птички и хруст гравия под ногами. Солнце пробивалось сквозь облака, и ему пришлось заставить себя оторвать взгляд от земли и посмотреть прямо перед собой.

Он увидел ее тело на небольшом расстоянии и почувствовал, как перехватило дыхание. С того места, где он стоял, Лора выглядела так, словно спала.

Тот, кто это сделал, прикрыл ее тело ветками и листьями, как и ту женщину на прошлой неделе. И лежали они в одинаковых позах. Уилл заставил себя подойти ближе. Он старался не связывать симпатичную блондинку, с которой работал, с холодным мертвым телом перед ним, выставленном на всеобщее обозрение.

Лицо ее было бесцветным, а губы посинели. Уилл знал, что в ту же минуту, как они перенесут ее, кожа под ней покроется трупными пятнами там, где скопилась кровь. Он подошел к могиле, натянул латексные перчатки, которые держал в руках, и наклонился. Сердце стучало так громко, что он слышал его стук в своей голове.

Ее руки выглядели чистыми. Не похоже, чтобы она боролась со своим убийцей. На

ногтях с идеальным маникюром не было ни царапинки. Уилл взялся за один из пальцев и осторожно повернул его, из того, что он мог видеть, под ногтями не было ничего. Что наверняка подтвердит его друг Мэтт, местный патологоанатом, когда срежет их, чтобы убедиться наверняка. Уилл не видел ни крови, ни следов на ее коже. Ему придется подождать, пока Мэтт сделает вскрытие, чтобы установить причину смерти, но, по крайней мере, Лора выглядела умиротворенной, словно уснула.

Уилл знал, что если бы она сопротивлялась, то было бы много крови и следов насилия, поэтому сейчас ему было достаточно тяжело смотреть на нее. Он молился, надеясь, что как бы она ни умерла, она не страдала.

«Черт, черт, черт! Что же случилось, Лора? Ты должна быть на работе, мучиться похмельем и бегать за жирными бутербродами с беконом на ужин. А не лежать здесь мертвой».

Он обернулся и увидел детектива-инспектора Дейва Мартина, идущего по дорожке. — Господи, Уилл, что происходит? С сегодняшнего дня у меня должен начаться отпуск, а завтра в Нортгемптоне свадьба моей дочери.

Уилл подождал, пока до Дейва дойдет, кто именно лежит перед ними мертвый, и отдал этому человеку должное: прошло всего двадцать секунд, прежде чем на его лице отразился шок. — Нет... Скажи мне, что это не Лора, наша Лора? Какого черта.

Уилл знал, что его босс наверняка не вслушивался по телефону, в информацию, что ему передали. Скорее всего он ожидал увидеть здесь Лору, работающую на месте преступления, а не лежащую мертвой, в качестве жертвы. Уилл часто задавался вопросом, как этот человек поднялся так высоко. Он был отличным парнем и очень умным, но правда не особо слушал то, что ему говорили, его ум блуждал или полностью отключался при разговоре по телефону.

— Хотел бы я знать, босс. Она была с нами до половины одиннадцатого вечера в «Черном псе», а потом ушла с каким-то культуристом. Она была пьяна, но счастлива пойти с ним, и никто не заметил ничего необычного.

Инспектор, чье лицо теперь стало такого же цвета, как у Лоры, расстегнул молнию на своем защитном костюме и ослабил воротник и галстук.

— Не могу поверить, что это Лора. — Он кивнул. — Да, работаем по инструкции, но она одна из нас, и я хочу, чтобы ублюдка поймали сейчас, а не через три недели. Все, как и с той женщиной на прошлой неделе?

— Да, похоже на то. У меня сейчас мысли путаются. Но две женщины за неделю, обе убиты и выставлены напоказ на старых могилах.

— Тогда у нас серьезная проблема, Уилл. Лора замужем? О боже, у нее есть дети?

— Нет, босс, не замужем, у Лоры только пожилая мать, у нее болезнь Альцгеймера, и она живет в доме на Эбби-роуд.

Инспектор вздохнул: — Хорошо. Я имею в виду не то, что у нее нет большой семьи, а то, что нет любящего мужа и троих маленьких детей, которые ждут ее возвращения домой.

Уилл подумал, что, возможно, если бы она была замужем, то осталась бы жива.

Дебс, дежурный криминалист, шла по дорожке в сопровождении новенького, который нес белую палатку. Уилл понятия не имел, как его зовут, но выглядел он лет на четырнадцать. Он оставил их работать и повернулся, чтобы уйти тем же путем, каким они вошли, давая экспертам возможность сделать свое дело.

Уилл знал, что Лора в надежных руках, Дебс не уйдет, пока не проверит каждый квадратный дюйм на предмет улики. Мэтт появился в воротах, неся свой тяжелый портфель

туда, где новичок боролся с палаткой. Он кивнул Уиллу, который шел к Каву. — Печально видеть одного из нас жертвой преступления, Уилл. Зачем кому-то причинять Лоре боль, не говоря уже о том, чтобы убить ее?

Уилл покачал головой, но на мгновение задумался, сколько же отношений она испортила. Меньше двух часов назад он думал о том, чтобы убить ее самому — гипотетически, конечно. Он не был жестоким человеком, если только не защищал себя или кого-то, о ком заботился. Единственным исключением мог стать человек, который хотел убить Энни в прошлом году. Будь у него возможность, Уилл очень хотел бы остаться с ним наедине в запертой комнате на пять минут.

— Я не уверен, но похоже у нас серьезная проблема, это уже второе убийство за неделю, и, насколько мне известно, Лора не имела никакого отношения к первой жертве Трейси Хейл. Мы вместе работали тогда на месте преступления, и она бы что-нибудь сказала, если бы ее знала.

Инспектор начал пробираться к ним, и цвет его лица ничуть не улучшился. Только что откомандированный в штаб-квартиру в Пенрите, он, очевидно, пытался разобраться в том дерьме, что вот-вот обрушится на его плечи. — У нас есть что-нибудь конкретное, свидетели, камеры наблюдения, что угодно?

Уилл закашлялся в ладони, чувствуя, как начинают гореть щеки. — По Лоре пока ничего, ее нашел ребенок из школы.

Кав сказал: — Мои два офицера проверяют записи с камер видеонаблюдения и берут первые показания у учителя.

Уилл продолжил: — Последняя жертва, по словам ее коллег, была одинокой, очень застенчивой и не очень-то общалась как внутри коллектива, так и вне работы. У нее не было близких друзей, и она не общалась ни с кем из знакомых. Ни мужа, ни бойфренда, и оба родителя умерли. На нее нет данных в нашей картотеке, но пару недель назад она позвонила по номеру 101 и сообщила, что кто-то побывал в ее доме.

Патруль выезжал и проверил дом и задний двор, но не обнаружил никаких признаков того, что кто-то пытался проникнуть внутрь. Когда ее спросили, почему она думает, что кто-то был в доме, она ответила, потому что пульт дистанционного управления лежал не там, где она оставила его, прежде чем пойти на работу.

Понятно, что офицеры не обратили на это особого внимания, вы же знаете, как они заняты и как не хватает персонала. Не было никаких доказательств того, что произошло преступление, так что все осталось как есть. Следующий контакт произошел, когда ее тело обнаружила в церкви Святой Марии пожилая экономка священника.

— Господи Иисусе, надеюсь ее дом обыскали сверху донизу?

— Да, криминалисты и оперативная группа тщательнейшим образом его осмотрели и ничего не нашли, она была убита не там. Ее дом оказался безукоризненно чист, за день до того, как ее обнаружили, она была на работе и, должно быть, встретила своего убийцу там или по дороге домой. Честно говоря — у нас ничего нет. Место преступления было относительно чистым, на земле рядом с могилой нашелся отпечаток ботинка. Судя по всему, это «Магнум», и мы с вами знаем, что такие ботинки выбирают почти все сотрудники службы реагирования. Дебс сняла слепок, но большинство парней в участке носят их, так что мы можем его исключить.

— Что-нибудь еще, кровь, ДНК, чертов отпечаток большого пальца, который приведет нас прямо к ублюдку-убийце?

Уилл покачал головой. — Крови нет, смерть от удушья, под ногтями ничего, значит, она не сопротивлялась. Мы все еще ждем токсикологической экспертизы, которую Мэтт обещал ускорить, но это все равно займет целую вечность. Это должен быть один и тот же парень, потому что Лора выглядит почти идентично первой жертве и относительно мирно для женщины, которую только что убили.

— Не думаю, что в церкви есть камеры видеонаблюдения, вряд ли они здесь нужны, но как насчет vicaria, с ним кто-нибудь говорил?

— Босс, это католическая церковь. Первым делом мы постучали в дверь пресвитерии, но никто не ответил. Стью и Лора говорили со священником и взяли у него показания после того, как он сообщил об обнаружении тела на прошлой неделе. Ему за шестьдесят, и он понятия не имел, зачем кому-то понадобилось оставлять труп на территории его церкви.

Кав вмешался:

— Отец Джон — священник этой церкви. Моя жена ходит на мессу пару раз в месяц. Ему пришлось пару недель замещать кого-то в Уиндермире, так что его здесь не будет. Вам придется найти кого-нибудь, кто поедет и поговорит с ним. В школе действительно есть очень хорошее видеонаблюдение, которое просматривают, пока мы говорим.

Инспектор приободрился при мысли о том, что убийцу, возможно, засняли на камеру.

— Хорошо, скрестим пальцы, в надежде, что все записалось на пленку.

Уилл решил не разочаровывать и не говорить ему, что это маловероятно, камеры даже не смотрели на церковь. Убийце пришлось бы перелезть через шестифутовый забор на школьную площадку, взвалив Лору на спину, и пройти в церковь через ворота, возле которых они стояли.

Это было бы потрясающе, но единственным человеком, который настолько силен, оказался бы чертов Халк или кто-то, еще более чокнутый. Если бы действовал любитель травки или еще какой дури, место преступления было бы неряшливым и неорганизованным. Но здесь определенно можно наблюдать работу убийцы, хорошо все спланировавшего.

После последних убийств Уилл стал в некотором роде экспертом по серийным убийцам. Перед сном он читал истории о Теде Банди, Йоркширском Потрошителе и почти всех других серийных убийцах, которых когда-либо ловили. Он пообещал себе, что если это когда-нибудь случится снова, то будет готов, он просто не ожидал, что это действительно произойдет.

Ему нужно поговорить с Грейс Маршалл, и побыстрее, не хотелось конечно портить ей отпуск, но он пошлет электронное письмо, только и всего. Но на самом деле ему хотелось проснуться от этого кошмара — прямо сейчас.

Энни понятия не имела, что она делает, но, похоже, у нее все шло хорошо, туристы оказались не такими плохими, как она думала. Она ненавидела, когда ее фотографировали, но могла жить с этим до тех пор, пока ей не приходилось смотреть на эти фотографии.

Погода стояла великолепная, и она не могла бы выбрать более красивого места для работы. Оно настолько отличалось от обычных разборок пьяных гопников и бесконечных случаев домашнего насилия, на которые Энни привыкла выезжать ежедневно. У нее действительно появилось время подумать, что, возможно, не совсем к лучшему, учитывая, что она могла думать только об Уилле.

Сегодня она была в пешем патруле и спустилась с крутого холма к оживленному городку Боунесс. Все ей улыбались и здоровались, и она улыбалась в ответ. Пройдя мимо магазинов, она направилась к пирсу, где швартовались прогулочные суда, одно из них, полное детей, как раз подходило, все они махали ей, и она махала в ответ.

Энни направилась к пристани и лодочному клубу. Она посетила его в первый же день, когда приехала сюда, думая, что это будет отличный способ познакомиться с местными жителями. Энни провела очень приятный час со стюардом клуба, который показал ей все вокруг, объяснив все тонкости. Он даже взял ее с собой на пару яхт. Она никогда не интересовалась ими раньше, но теперь была очарована. Вероятно, это было связано с тем, что они были пришвартованы на самом красивом озере Англии — по ее мнению.

Она думала о том, каково это — плыть на яхте с Уиллом, устроить пикник и выпить пару бутылок шампанского, а потом пнула себя:

«Как будто это когда-нибудь случится, Грэм. Ты никогда в жизни не плавала под парусом, и Уилл, вероятно, не будет, и не забывай самого главного, ты и Уилл больше не вместе».

Боль в груди была такой сильной, что казалось, будто кто-то только что пронзил ее сердце.

Она бродила вдоль причалов, любуясь огромной яхтой, которая теперь стояла пришвартованная и которой не было, когда она приходила сюда в последний раз. Из каюты вышел пожилой мужчина с полупустой бутылкой кока-колы в руке и улыбнулся ей.

— Добрый день, офицер, какой же он сегодня прекрасный.

— Да, погода великолепна, отличный день для плавания, особенно на такой прекрасной лодке.

— Спасибо. Ведь она и правда красавица? Моя жена не согласна, но, черт возьми, мы живем только раз.

Энни кивнула в знак согласия, мужчина показался ей таким знакомым. У него была густая копна серебристых волос, ярко-голубые глаза и дерзкая улыбка.

— Я — Энни, одна из местных полицейских, я здесь совсем недавно. Ну, я не новичок в этом районе, прихожу сюда все время по выходным, то есть я хочу сказать, что я новичок только в полиции этого района. — Она замолчала, когда ее щеки начали гореть, могла ли она выставить себя еще большей дурой?

Он поставил бутылку кока-колы и спустился по трапу, проворный, как двадцатилетний мальчишка. Повернулся к ней и протянул руку.

— Я — Том, и мне приятно познакомиться с таким замечательным сотрудником

полиции. — Он подмигнул ей, и она рассмеялась. — Не хотите ли осмотреть мою лодку, Энни? Моя жена не любит появляться здесь, если только я не везу ее за покупками. Умираю от желания показать яхту кому-нибудь, кто захочет послушать, как я болтаю.

Она думала над ответом всего десять секунд, прежде чем кивнула.

— С удовольствием.

Он снова поднялся по трапу, и она последовала за ним на палубу, где он показал ей каюту и нижнюю палубу. Яхта оказалась великолепна. В ней было две спальни и камбуз-столовая. Прежде чем Энни смогла остановить себя, она произнесла:

— Ого, Том, я впечатлена. Должна сказать, что здесь лучше, чем в моем доме.

Он рассмеялся, и настала его очередь покраснеть.

— Посмотрите-ка, что я за хвостун, знаешь, обычно я так не делаю, просто не смог удержаться, чтобы не пригласить на свою яхту самого красивого офицера, которого когда-либо встречал.

Энни почувствовала, как ее и без того разгоряченные щеки запылали еще сильнее.

— Мой сын — офицер полиции, но не здесь. На Озерах ему немного скучно, он предпочитает больше суматохи.

Женский голос позвал Тома, и он снова ухмыльнулся.

— Ой, жена меня застучала. Пойдем, она приготовит нам что-нибудь холодное, и мы сядем на палубу и обсудим преимущества местной полиции. На случай, если кто-нибудь спросит, есть ли у тебя веский повод так откровенно отдохнуть, — он подмигнул, и Энни не смогла удержаться от смеха, он ей нравился. Том повернулся, чтобы подняться на палубу, и она последовала за ним.

Энни едва не открыла рот, когда увидела женщину, которой принадлежал голос. Она ожидала увидеть кого-то такого же возраста, как Том, но вместо этого перед ней стояла красивая женщина лет тридцати с небольшим. Она выглядела как актриса на голливудской съемочной площадке. И Энни почувствовала волну смущения, стоя там, одетая в мужские черные боевые брюки, рубашку из полиэстера, которая прилипла к каждому дюйму ее тела, ботинки «Магнум» и светящийся желтый бронежилет. Ее фуражка была зажата под мышкой, потому что было жарко, а черные вьющиеся волосы прилипли к голове. Том обнял жену и поцеловал в щеку.

— Лили, это Энни, наш новый местный полицейский. Энни, это моя жена Лили.

— Надеюсь, Том не заболтал тебя до смерти? — улыбнулась Лили и протянула руку.

— Вовсе нет, очень приятно познакомиться с вами обоими.

— Ты предложил Энни выпить, она, должно быть, умирает от жажды в таком наряде в эту жару?

— Извини, совсем забыл. Прости, Энни, не хочешь ли чего-нибудь прохладительного?

— Он подмигнул, и ей пришлось подавить смех.

— Только если это не доставит вам слишком много хлопот, было бы чудесно. Я совершенно изжарилась.

Лили исчезла в камбузе, а Том указал на один из шезлонгов на палубе:

— Если хочешь снять этот защитный жилет и привести себя в порядок, обещаю, что никто из нас не нападет на тебя.

— Лучше не стану, не хочу выглядеть так, будто мне действительно весело. Представители общественности любят сообщать о нас, если мы слишком похожи на нормальных людей.

— Ах да, понимаю, что ты имеешь в виду. Думаю, большинство уверены, что вы сошли с конвейера в Милтон-Кейнсе.

Появилась Лили, неся поднос с тремя хрустальными бокалами, сверкающими на солнце, и кувшином, полным фруктового сока, льда и нарезанных фруктов. Том подскочил, чтобы взять его у нее и поставить на стол. Он начал наливать сок и протянул один бокал Энни. Она поблагодарила его и сделала большой глоток. Это было восхитительно.

Энни оглядела спокойное голубое озеро и лодки, плывущие по воде, пышные зеленые холмы и горы, окружающие его, и ей захотелось, чтобы Уилл был здесь, ему бы точно понравилось.

«Интересно каково это — наслаждаться жизнью и не зарабатывать на жизнь трудом?»

Лили нарушила молчание и начала болтать о новом магазине Лоры Эшли, который открылся, и Энни присоединилась к ней. Она беседовала с ними обоими следующие полчаса, не думая ни о чем другом. А потом ожила рация, вернув ее к реальности.

Оператор диспетчерской сказал, что произошло небольшое дорожно-транспортное происшествие, никто не пострадал, но дорога заблокирована, и нужны люди, чтобы контролировать движение у церкви.

Энни допила остатки сока.

— Большое спасибо, это очень вкусно, и еще приятнее мне было познакомиться с вами обоими. Если вам что-нибудь понадобится, вы можете связаться со мной по этому номеру. — Она достала из кармана визитную карточку с гербом полиции и списком телефонных номеров, адресом полицейского участка и электронной почтой.

— Спасибо, Энни, очень любезно с твоей стороны. Я никогда не знаю, когда мне понадобится спасение от Лили и ее шопинг-фетиша. — Том подмигнул ей, и она рассмеялась.

— Что угодно, если я смогу помочь. — Она спустилась с борта лодки на причал и быстро зашагала обратно к церкви и разгневанным автомобилистам.

Том посмотрел на Лили.

— Не думаешь ли ты, что это та прелестная Энни, которая привела моего сына в такое смятение? Не может же быть так много женщин-полицейских по имени Энни. Она так напоминает мне Элизабет, у них схожие черты. Можно было предположить, что Уилл влюбится в женщину, которая напомнит ему мать.

Лили крепко обняла его за талию.

— Возможно нам стоит навести справки, поговорить с твоим другом-инспектором и выяснить всю ее подноготную? Надеюсь, что это та самая Энни, она показалась мне такой милой и простой. Я начинаю чувствовать себя свахой.

Том повернулся и поцеловал ее.

— Независимо от того, является ли она Энни Уилла или нет, в любом случае, мы должны позволить им встретиться. В ней есть что-то такое, что мне действительно нравится, но я не могу понять, что именно.

— Ну, если мы не будем слишком вмешиваться, все будет в порядке. Может быть, нам стоит позвать Уилла на барбекю и пригласить Энни, а также парочку наших друзей. Так мы сможем оценить их отношения, понять, знают ли они друг друга.

— Лили, ты безнадежный романтик, но я люблю тебя.

Лили взяла поднос с пустыми стаканами.

— Теперь можешь отвезти меня домой, у меня есть кое-какие планы, а потом ты

сможешь поплавать вокруг озера.

— Твое желание для меня закон.

V

Несмотря на все мои сомнения, я решился позвонить в Барроу. Поначалу трубку никто не брал, но, когда моё терпение уже подходило к концу, мне всё же ответили. Чей-то раздражённый голос сообщил, что все экипажи заняты, и, если у меня что-то срочное, то нужно звонить в 101. На этом разговор закончился.

Обычно в маленьких городках такой аврал случается только в одном случае — убийство. Неужели я опоздал, и произошло что-то страшное? Есть ли в этом моя вина? Или тот, кто втянул меня в эту игру, хочет заставить меня так думать? Местные информационные ресурсы пока молчали. Поэтому мне не оставалось ничего иного, как отправиться домой.

Прочитав следующую порцию информации, я грязно выругался. Полицейский ублюдок снова нанёс удар. На этот раз двойной. И, судя по всему, местные копы пока не знали об этом.

У меня была полная картина преступления. И хоть Лора не вызвала у меня никакой симпатии, мне было немного жаль. Обвинить её не в чем. Выпила. Познакомилась. Уехала. Для проявления полицейской бдительности не было повода.

Убийца же продолжал показывать свой профессионализм: скрытое наблюдение, контроль за отпечатками, подготовка основного и резервного способа убийства. Проявились также и черты серийного маньяка — фирменный след и подспудное желание быть пойманным. Плохо было лишь то, что не оказалось намёка на следующую жертву. Ещё у меня появились сомнения насчёт его стремления подставить отца Джона. У того — железное алиби.

Часть в которой описывалось обнаружение тела была совсем мало информативной. Имена, зелёный мячик, дети... На всякий случай я решил их зафиксировать. Вдруг «вонючка» соберётся нанести им визит. Про него, кстати, не было ни слова.

Желание сержанта Эшфорта завязать с алкоголем похвально. Но получится ли у этого рефлексирующего любителя Адель продолжить слово делом?

Работа полиции на месте преступления выглядела вполне толково. След от ботинка «Магнум» обнаружили. Хотелось бы, чтобы они пошли дальше и сравнили размер обуви этого следа с ногами всех служащих в полиции. А ещё мне было интересно, придёт ли им в голову идея проверить Уилла и Энни на причастность к убийству. Мотив то имелся у обоих. И не мешало бы проверить пульт ДУ в доме Трейси Хэйл на наличие отпечатков. Хотя, учитывая личность убийцы, я понимал, что вряд ли на нём что-то осталось.

Последний отрывок повествовал о случайной встрече мисс Грэм и родителей Уилла. Тут записывать было нечего. Но я всё же предположил, что в будущем они и их яхта сыграют какую-то роль в их воссоединении.

Ответное письмо. Новое томительное ожидание. Мысли о событиях в Камбрии. А не стоило ли мне разыскать того беспринципного мальчишку-фотографа?

Уилл и инспектор следовали за черным «Мондео», который доставил тело Лоры в морг, когда его наконец увезли с места преступления. Уилл не хотел, чтобы кто-то из его сотрудников наблюдал за вскрытием их друга и коллеги, не желал заставлять их нервничать еще больше. Он и сам не сильно хотел присутствовать, но чувство вины, поселившееся в нем, подсказывало, что, возможно, будет немного легче, если он сделает для Лоры последнее что может.

Мэтт обещал подождать их и сразу же заняться вскрытием. Уилл горячо поблагодарил его, радуясь, что Мэтт хороший парень. Он вел себя не как патологоанатом; ну, совсем не так, как те двое, с которыми Уиллу приходилось иметь дело раньше.

Мэтт был простым парнем и не думал, что он лучше всех остальных. Он праздновал день рождения Стью в пабе вчера вечером вместе со всеми. Покупал выпивку и смеялся. Он был так же потрясен, как и все, когда добрался до места преступления. Он не заставит себя ждать, и спустится вниз, как только ему позвонят, и Уилл был бесконечно благодарен ему за это.

Они добрались до задней части больницы, и там, у металлической двери, ведущей в морг, уже стояли мрачные Мэтт и Лиза, а также два техника и два криминалиста. Все молчали, никто не знал, что сказать. Они просто начали делать то, что и всегда, без суеты или драмы, просто негласное соглашение, что они приложат все усилия, чтобы найти убийцу Лоры.

Энни успокоила разгневанных автомобилистов и покинула место происшествия, неся молочный коктейль с белым шоколадом и малиной, любезно предоставленный менеджером одной из местных кофеен. Потребовался час, чтобы устранить последствия ДТП, и все это время она управляла движением.

Она чувствовала себя немного дерзко, но была обезвожена. Сегодняшний день оказался таким жарким, и она перегрелась. Кто она такая, чтобы отказываться от бесплатной выпивки, поэтому она засунула стакан в бронежилет между декольте — одно из преимуществ приличного размера бюста, потому что, по ее мнению, их немного.

Было холодно, и ей пришлось идти медленно, чтобы не разбрызгать малиновый соус повсюду. Наконец она вернулась в участок и решила его выпить, поставила стакан на стол, расстегнула молнию на бронежилете и бросила его на пол.

Она сделала большой глоток напитка и тут же подумала о Джейке, он наверняка по ней сильно скучает. Может быть, следует убедить его перевестись сюда, если освободиться еще одно место. Хотя для него здесь, вероятно, было бы немного скучно, ему нравилась грубая старая добрая драка в субботу вечером за пределами клубов. Она скучала по Джейку, и, хотя ей нравилась возможность побыть одной и подумать, ей не хватало их веселой болтовни.

Хлопнула дверь, и раздался голос:

— Это я, кто-нибудь есть?

— Ага, я тут. Ты что-то хотела?

Кэти вошла в кабинет и улыбнулась Энни, не сводя глаз с молочного коктейля.

— А, я вижу, ты познакомилась с Густавом. Он делает потрясающий молочный коктейль, но будь готова к тому, что он попытается залезть к тебе в трусики.

— Прости!?

— Густав любит приударить за дамами, и не пойми меня неправильно, я всецело за халяву, но думаю, что немного старовата для него. Хотя вполне могла бы научить его кое-чему, например, куда засунуть эти кубики льда.

Энни умудрилась забрызгать молочным коктейлем свою черную футболку.

— Ага, он привлекательный.

— Ну, тогда, может быть, веселая, легкая интрижка то, что тебе нужно, Энни.

Энни почувствовала, как ее красные щеки запылали еще сильнее.

— Нет, спасибо, в этом году я уже завязала с мужчинами. Почему бы тебе самой не развлечься с ним?

— Что и избавить его от страданий? Нет, мне нравится смотреть, как он лебезит перед моими офицерами и мной. И уж если быть до конца честной, то согласись я, это ведь перестало бы быть так весело? Мысль о том, что может случиться всегда намного лучше, чем реальность, не думаешь?

— Иногда реальность даже лучше, — покачала головой Энни.

Кэти кивнула и сменила тему.

— У меня для тебя плохие новости: в Барроу произошло еще одно убийство.

Энни почувствовала, как у нее екнуло сердце, и затаила дыхание.

— Сегодня утром ученик начальной школы нашел на кладбище тело женщины. И она одна из наших.

Энни почувствовала тошноту. Прежде чем Кэти успела произнести имя, Энни уже его знала, оно вспыхнуло в ее сознании ясно, как день, и свинцовая тяжесть начала формироваться в ее животе.

— Кто?

— Лора Бейлисс, ее нашли голой, как и ту, другую. Бедняжка — что за кончина, быть убитой и оставленной на виду у всех твоих коллег.

Энни вздрогнула, в горле у нее образовался комок, а она даже не любила Лору, особенно после тех неприятностей, которые та причинила ей и Уиллу. Но ее коллега этого не заслуживала, никто не заслуживал.

Кэти подошла к ней и положила руку на плечо, нежно сжимая.

— Я только что вернулась с совещания в Барроу, и Кав ввел меня в курс дела. Я не хотела совать нос в ваши дела, но он беспокоился за тебя и решил, что я должна иметь представление о некоторых вещах, которые могут повлиять на одного из моих офицеров. Кав — хороший человек, мы прошли долгий путь. Помни, что я сказала: если тебе нужно поговорить, я всегда здесь.

— Спасибо, — улыбнулась Энни, — но я бы не стала обременять кого-то тем дерьмом, которое происходит в моей жизни. — Она продолжала думать об Уилле и о том, как ужасно он сейчас себя чувствует. Она бы все отдала, чтобы быть той, кто обнимает его, гладит по волосам и скажет, что все будет хорошо, когда он в конце концов закончит работу. Он будет в таком состоянии, что она не могла не думать о том, как бы ей хотелось никогда не слышать о Лоре Бейлисс.

Кэти просунула голову в комнату, где Энни сидела, уставившись в пространство, перед ней лежали развернутые, но нетронутые бутерброды.

— Я ухожу, не могла бы ты напомнить ночной смене, чтобы они проверили папку

комендантского часа и нанесли несколько визитов?

— Без проблем, — кивнула Энни, — я собираюсь немного пройтись по улицам, прежде чем закончу в десять.

— Тебе решать, но в этом нет необходимости, ты можешь просто подождать здесь и успокоиться.

— Нет, мне скучно, но спасибо. Хорошего вечера.

— Хорошего вечера, — кивнула Кэти.

Энни встала. Лучше уж прогуляться по окрестностям, она все равно ничего не могла делать. Выйдя из участка, она услышала, как церковные часы пробили семь. Двигаясь по пустынной улице, она не могла не улыбнуться. Энни нравилось, когда магазины закрывались и толпы туристов разъезжались по другим городкам или возвращались в свои отели, чтобы поужинать.

Конечно, Озера в значительной степени ориентировались на туристов, чтобы держать бизнес на плаву, но в дневную смену Энни приходилось постоянно быть в центре внимания. Общаясь ли постоянно с разгневанными автомобилистами или позируя для фотографии, что она искренне ненавидела.

Она прошла мимо магазина «Пандора» и подумала, что могла бы побаловать себя новым шармом для браслета, который Уилл купил ей на день рождения. Когда она уходила от него, то размышляла о том, чтобы вернуть браслет. Но потом решила, что этот подарок будет напоминать ей о хороших временах.

Уилл подарил ей его на день рождения, хотя она никогда не говорила ему, когда он. Должно быть, Джейк проболтался. Когда она открыла подарок, у нее на глаза навернулись слезы. На темно-фиолетовом кожаном браслете висели золотой шарм ангела-хранителя, золотое сердечко с бриллиантом посередине и шарм призрака, который заставил ее рассмеяться.

Она ни разу не снимала браслет с того дня, как он подарил его ей. В первый раз, когда она зашла в магазин, чтобы прицениться к шармам, она чуть не потеряла сознание от шока, узнав стоимость своих. Ее браслет с шармами стоил восемьсот фунтов. Она бы не приняла его в то время, если бы знала об этом, но, поскольку браслет не выглядел слишком дорого, она позволила Уиллу обернуть его вокруг ее запястья и осторожно закрыть застежку. Он поднял ее руку и поцеловал, сказав, как сильно ее любит.

«Ха, он любил тебя так сильно, что не мог дождаться, когда изменит с супер тощей блондинкой». — Энни сморгнула слезу, прожив с Майком столько лет, она никогда не испытывала к нему таких чувств, как к Уиллу.

Даже сейчас ей было противно, что сердце билось быстрее, и она краснела каждый раз, когда слышала его имя. Она так скучала, но ее гордость была задета, и ей трудно просто забыть все и его простить. Хотя, если он будет умолять достаточно сильно, она не сможет устоять. Вот главная причина, по которой она попросила перевести ее в Уиндермир.

Уилл не преследовал ее и не бомбардировал звонками и сообщениями с просьбой о прощении. Для Энни всякое общение с ним было почти так же больно, как застукать спящим в одной постели с Лорой. Она знала, что он дает ей время собраться с мыслями, и была благодарна ему за это. Энни так много пережила за последний год, что женщина послабее уже бы оказалась в психиатрической больнице, но она не сдавалась.

Уилл стал ее защитником и любовником, и она так сильно влюбилась в него, что боль от предательства практически разорвала ее на части, когда он оправдал свою репутацию

бабника, и вот она здесь. Одна, уставшая от потрясений, и все еще видит краем глаза темные фигуры, когда совершенно этого не ждет.

Церковь маячила вдаль, и она направилась вниз по склону холма, чтобы проверить территорию и здание. В последнее время с кладбища в Барроу было совершено множество краж металлических табличек, и она не знала, есть ли какие-нибудь таблички на территории местной церкви, поэтому решила проверить. Вот в чем проблема современного общества: никто никого не уважает, особенно мертвых. Что за человек мог украсть мемориальные таблички?

«Коста Кофе» была уже закрыта. Ее любимая кофейня до того, как она начала работать здесь. В тех редких случаях, когда они с Уиллом выбирались куда-нибудь вместе, они приезжали сюда выпить кофе и почитать газеты. «Черт побери, когда же у меня появятся воспоминания, которые будут только моими и не будут вызывать желание броситься в озеро под первый попавшийся лайнер?»

Приблизившись к входу в церковь, она заметила знакомую фигуру маленькой девочки, которую впервые увидела на ступеньках своего дома.

Девочка метнулась за надгробие, и у Энни перехватило дыхание. Девочка была одета в то же белое кружевное платье и черные туфли на шнуровке, что и в прошлый раз, ее волосы все еще были заплетены в две косы.

Энни пошла быстрее, желая догнать девочку. Вечером похолодало, и она могла видеть, как дыхание вырывается из ее рта, когда она выдыхает.

— Эй, подожди меня, малышка. Куда ты? Я просто хочу поздороваться. — В ответ молчание.

Энни вошла на церковный двор и почувствовала себя так, словно перенеслась в 1800-е годы. Воздух был неподвижен, и она направилась к высокой могиле, за которой исчезла девочка. Она заглянула за нее, но там никого не оказалось.

Если бы девочка была жива, Энни бы заметила куда она исчезла, кладбище не очень большое. Тут она почувствовала, как крошечные пальчики потянули ее сзади за куртку, и обернулась, но никого не увидела:

— Ладно, малышка, здесь только ты и я. Я тебя слушаю. Что я могу для тебя сделать? Я не причиню тебе вреда, пожалуйста, подойди и поговори со мной. — Вдалеке она увидела мелькнувшее на секунду белое мерцание, как будто девочка пыталась появиться, но что-то ей помешало.

Энни знала, что девочка давно мертва, но она хочет что-то сказать ей. Энни просто надеялась, что, что бы это ни было, оно не закончится тем, что ей снова придется бороться за свою жизнь.

Энни проверила каждый дюйм кладбища, на котором располагались самые нарядные надгробия и мемориалы, которые она когда-либо видела, но никаких медных табличек.

Завернув за угол, она ахнула, подумав, что на могиле лежит тело, но при ближайшем рассмотрении поняла, что это каменный ангел в натуральную величину, и ее сердцебиение замедлилось.

Не было никаких признаков девочки, даже шепота в воздухе. Она чего-то хотела, и Энни не могла игнорировать ребенка, который, возможно, просит ее о помощи. Энни не смогла бы жить в мире с собой, если бы она это сделала.

Ее рация нарушила тишину, когда мобильный патруль сообщил об угоне автомобиля, и Энни вышла из церковного двора, закрыв за собой железные ворота. Она продолжила свой

путь к озеру, чтобы проверить причалы и лодки, все время думая о маленькой девочке, что, по крайней мере, отвлекало от мыслей об Уилле.

Мэтт закончил вскрытие тела Лоры. Он аккуратно сшил ее снова. Не то чтобы он не заботился обо всех своих пациентах, но он делал это гораздо аккуратнее, потому что знал ее, работал с ней и потому, что она не должна была находиться здесь, на его столе.

Уилл не разговаривал с тех пор, как приехал, а прошло уже почти три часа. На теле Лоры не нашлось никаких заметных следов. Никаких травм, и, судя по ее налитым кровью глазам, первоначальное заключение Мэтта, что она умерла от удушья верно. Если быть точным с медицинской точки зрения, Лора скончалась от асфиксии. Но он не подтвердит это до тех пор, пока не придут результаты анализов крови. Трудно сказать, была ли она накачана наркотиками или нет, пока не будут проверены образцы, то же самое касается количества алкоголя в ее организме.

Они не нашли на ней ни единой улики — ни волос, ни волокон, ни кожи, ни ДНК. Кто бы ни убил ее, он действовал аккуратно, и точно знал, что делает. Этот факт беспокоил Уилла больше всего, потому что, если убийца так хорош в этом, с большой долей вероятности можно сказать, что он не перестанет убивать. Зачем останавливаться, ведь ему это похоже нравилось.

На месте преступлений не обнаружили ни единой капли крови, и у Уилла сложилось впечатление, что убийца, вероятно, не очень любил ее. На обоих телах не было ни царапины. Две мертвые женщины и ни капли пролитой крови — довольно необычно.

Детектив-инспектор отправился в участок, чтобы закончить бумажную работу. Он оставит это дело в умелых руках Уилла, пока не вернется в город поздно вечером в воскресенье.

Уилл и Мэтт покинули прозекторскую, когда техник катил Лору к большому ряду холодильников. Уиллу пришлось отвернуться. Он никогда не избавится от образа Лоры, которую запихивают в черный мешок для трупов и закрывают в одном из холодильников. Это было похоже на что-то из его самого страшного кошмара.

В полной тишине они сняли бахилы, защитные костюмы и перчатки. Мэтт первым нарушил молчание.

— Кофе? Я знаю, что мне нужно что-нибудь покрепче, чем чертов кофе, но это все, что у меня есть.

Уилл кивнул, его голова раскалывалась, и он не мог вспомнить, когда в последний раз пил что-нибудь. Скорее всего несколько часов назад. Он последовал за Мэттом в его кабинет и плюхнулся на маленький черный кожаный двухместный диван в глубине комнаты. Мэтт сварил две кружки крепкого кофе и достал из ящика стола пачку шоколадного печенья.

— Я не голоден, но мой желудок пуст, и я не понимаю, меня подташнивает от шока из-за Лоры, или из-за недостатка еды.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Мэтт, какого хрена происходит? Я не могу допустить, чтобы еще один убийца бегал вокруг и убивал женщин, и, что еще хуже, этот конкретный. Зачем убивать полицейского?

— Ты думаешь это был тот здоровяк, с которым она ушла?

— Не знаю, никогда его раньше не видел. Я велел Стью вернуться в паб, чтобы собрать все записи с камер видеонаблюдения, сделанные прошлой ночью, и выяснить, не знает ли кто-нибудь, кто он и где живет.

Мэтт кивнул.

— Его не так уж трудно будет опознать, все, что вам нужно, это пара полицейских, вооруженных фотографиями этого парня, чтобы посетить все спортивные залы в Барроу, Далтоне и Ульверстоне. Возможно, он тренируется в каком-нибудь из них. Скрестим пальцы, чтобы он там оказался и к утру у вас будет его имя и адрес.

Уилл допил кофе и достал из пачки еще два печенья.

— Надеюсь, что так, приятель, было бы неплохо покончить с этим сейчас, пока еще кто-нибудь не умер. Что не так с людьми, почему они чувствуют потребность убивать других и почему церковь? Все это так странно.

— Если бы знал, я занимался бы твоей работой, Уилл, а не резал и зашивал трупы. Никогда не был хорош в головоломках, будучи ребенком, но любил симулятор операции, никто не мог победить меня в этом, я был чемпионом школы.

Уилл рассмеялся и с трудом поднялся с дивана.

— Ты, жалкий мерзавец, никому в этом не признавайся. Это не очень-то сочетается с тем образом классного парня, который ты любишь изображать.

— Могло быть и хуже, — рассмеялся Мэтт, — я мог бы стать капитаном орфографической команды.

Уилл покачал головой и пошел к двери. Ужу на выходе он обернулся:

— Мне все равно, сколько это будет стоить. Я сам заплачу, если придется. Не позволяй никому жаловаться на недостаточное финансирование, я хочу, чтобы результаты были готовы как можно скорее.

— Уилл, я бы сам заплатил за них, если бы у кого-нибудь хватило наглости жаловаться на финансовые трудности. Как только получу результаты, сразу позвоню тебе, независимо от того, на работе ты или нет.

Уилл прошел из патологоанатомической лаборатории к главному входу в больницу, чтобы подышать свежим воздухом. На улице было еще тепло, и ему нравилось чувствовать солнце на своем лице.

Он вытащил телефон и позвонил Стью.

— Пусть кто-нибудь заедет за мной, если ты занят, я у главного входа.

Он закончил разговор, прежде чем его засыпали вопросами. Ему нужно подумать о мужчине, который ушел с Лорой, он ведь был приметным из-за своего размера. Наверняка кто-нибудь его помнит или знает.

Он оглядел людей, приходящих навестить больных родственников, глаза его начали слезиться. Никто больше не будет навещать Лору. Его руки сжались в кулаки, и он пнул пустую банку, которая покатила по тротуару и отскочила от колеса скорой помощи. Пожилая женщина в инвалидном кресле с сигаретой посмотрела на него.

— Плохой день?

Уилл кивнул.

— Все наладится, сынок, так всегда бывает.

Он улыбнулся ей, надеясь, что она права, потому что хуже уже быть не могло.

Энни повернула машину на свою улицу. Она не могла вспомнить, как ехала домой, ее разум был так занят мыслями о Лоре и Уилле и о том, что происходит. Ей было интересно, работает ли Уилл над этим делом, как и все в участке. Она чувствовала себя бесполезной и расстроенной. Припарковав машину на подъездной дорожке, она взяла телефон, чтобы позвонить Джейку.

— Я так понимаю, ты уже слышала? Мне до смерти хотелось позвонить, но знал, что ты едешь домой. Ты можешь в это поверить?

— Нет, просто нереально, что это могло случиться. Как она может быть мертва?

— Слушай, быстро прими душ и приходи к нам. Алекс готовит ужин, так что тебе нужно только принести бутылку той розовой мочи, которую ты пьешь.

— Спасибо, Джейк, но я не голодна.

— Эй, ты сейчас со мной разговариваешь. Не нужно притворяться, что ты питаешься исключительно листьями салата и водой в бутылках. Кроме того, Алекс готовит достаточно, чтобы накормить команду по регби, так что было бы невежливо отказываться от ужина.

— Спасибо, до скорой встречи. — Она закончила разговор и пошла в дом, чтобы снять липкую униформу и принять прохладный душ. Пятнадцать минут спустя она уже подъезжала к дому Джейка.

Он распахнул дверь и обнял ее.

— Ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю.

— Спасибо, но я перевелась всего три дня назад.

— Ну, мне кажется, что прошло как минимум три месяца. Меня все время запихивают на дежурство с Шоном, который говорит только о футболе и женщинах целыми сутками — скукота.

Энни рассмеялась:

— Видишь, а ты не понимал, как тебе со мной повезло. Прости.

Она вошла и направилась прямо на кухню, где Алекс устроил кулинарный ураган. Она подошла и поцеловала его в щеку.

— Спасибо за приглашение, как же вкусно пахнет.

— Лазанья и домашний чесночный хлеб, картофель в мундире и салат.

— Пожалуйста, бросай Джейка и переезжай жить ко мне, Алекс, пожалуйста.

Джейк вошел, сунул телефон в карман и посмотрел на них.

— Ты никогда не устаешь пытаться украсть моего парня, правда, вредина?

— Стоит попробовать, Джейк. Жить с Алексом, должно быть, это как оказаться замужем за лучшим шеф-поваром.

Джейк открыл морозилку и достал бокал с вином и поднос с кубиками льда.

— Видишь, как я добр, охладил бокал, чтобы тебе не пришлось пить теплое вино.

— Вы оба просто идеальны, вот почему я так сильно люблю вас.

Она передала ему бутылку вина, и он, открутив крышку, наполнил бокал и передал ей.

— Ах, что за день, — сказала она. — Так ты расскажешь мне, что случилось, или подождешь, пока мы поедем?

— Не глупи, я не могу ждать так долго.

Джейк начал рассказывать о событиях дня, начиная с того момента, когда раздался

телефонный звонок, и до тех пор, пока Уилл не сопроводил катафалк в больницу. Энни слушала как замороженная.

— И что дальше, у них есть какие-нибудь идеи, кто бы это мог быть?

— Очевидно, вчера вечером она ушла из паба с мужчиной, так что в данный момент все указывает на него. Общественные помощники ходят по офисам такси, пабам и клубам с фотографиями Лоры и таинственного мужчины, которые были сделаны с камер видеонаблюдения паба. Хотя они немного размыты, и он выглядит на них, как любой парень в обтягивающей белой футболке с бритой головой.

— Странно, конечно, он должен был знать, что она пришла со своими коллегами по работе, и по крайней мере есть десять человек, которые могли бы его опознать?

— Ну, этот парень либо тупица, либо это не он, а если это не он, то кто, черт возьми, это тогда?

Алекс поставил еду на стол.

— Ужин подан, и никаких разговоров об убийстве или трупах. Некоторым из нас это не нравится, и они не такие кровожадные, как вы.

— Извини, Алекс, я иногда забываю, что ты не один из нас и что у тебя уважаемая работа, которая не заставляет тебя общаться с отбросами общества. Хотя теперь, когда я работаю в Уиндермире, там намного приятнее.

— Я не уверен насчет отбросов общества. Разве я провожу недостаточно времени с вами двумя?

Они поужинали. Энни наелась и поняла, что хотела бы, чтобы Уилл тоже был здесь, но он будет на работе бог знает сколько времени. Ей пора перестать думать о нем так много. Она так часто ловила себя на мысли, что хотела бы, чтобы он был рядом с ней. Это было нездорово, и лучше от этого не станет. Она закончила есть и пошла посидеть в гостиной с Алексом.

Джейк остался на кухне, чтобы прибраться. Достав из шкафа пару пластиковых контейнеров, он наполнил их едой, для Уилла. Как только отвезет Энни домой, он заскочит к нему. Он знал, что у его друга не было шанса даже перекусить, и Джейк все еще чувствовал себя плохо из-за драки. Конечно он извинится, но это все равно не исправит ситуацию. Он хотел дать понять Уиллу, что не полный идиот и все еще переживает и заботится о нем.

Вернувшись в участок, Уилл занялся делом. Он позвонил Салли, чтобы узнать, удалось ли им найти такси, которое увезло Лору и мужчину из паба.

— Салли, у тебя уже есть что-нибудь?

— Я как раз собиралась доложить, что мы посетили все таксомоторные фирмы. Ни одна из них не получала заказ на выезд к «Черной собаке» в половине одиннадцатого. Поэтому они либо поймали такси сами, либо запрыгнули в то, которое кого-то высадило. Никого из таксистов невозможно опросить до вечера, потому что эти водители работают по ночам и не придут на работу до семи. Я оставила во всех таксомоторных фирмах визитки и сказала им, чтобы они поговорили с каждым водителем, а затем сразу же позвонили нам, прежде чем те отправятся на какой-нибудь заказ. На случай, если на заднем сиденье машины найдутся улики.

— Черт возьми, ты молодец. Ты можешь стать детективом в любой день, если тебе надоест быть милой со всеми.

— Ха, Уилл, я бы точно утерла тебе нос, но не хочу тебя сильно расстраивать. Мы как раз собираемся начать обходить тренажерные залы.

Уилл впервые за весь день усмехнулся про себя.

— Спасибо, будем надеяться, что наш таксист сегодня на дежурстве, а не уехал в Испанию на две недели.

Он закончил разговор. Между двумя жертвами должна иметься какая-то связь, кроме того, что они обе были блондинками и симпатичными. В комнате было тихо, даже Стью молчал. Уилл встал, чтобы обратиться к присутствующим.

— Мне просто интересно, как вы все? Кому-нибудь нужно пойти домой или отдохнуть? Ничего страшного, если вы это сделаете, я не ожидаю, что вы все будете вести себя как роботы. Это был большой шок и дерьмовый день для всех нас.

Никто из его команды детективов не произнес ни слова, но все в унисон покачали головами, они не хотели уходить, и это было хорошо. Уилл задавался вопросом, разрешат ли им продолжить расследование, потому что Лора была одной из них. Большие люди в штаб-квартире могут решить передать дело в уголовный розыск Кендала или Уоркингтона.

Уилл решил бороться до конца, если они это сделают, потому что он не доверял никому другому. Он не смог бы сосредоточиться ни на чем другом, если бы не работал над этим делом. По крайней мере, так они выкладывались на сто десять процентов, и это занимало их умы.

Он посмотрел на доску, там висела фотография первой жертвы Трейси Хейл. Она выглядела так, словно крепко спала, если не считать синеватого оттенка на губах. Посмертная фотография Лоры еще не появилась, они получают ее от криминалистов, когда те закончат вводить описание всех улик в компьютерную систему.

Уилл забарабанил пальцами по столу. Как только получит результаты обходов спортзалов и поговорит с таксистами, он отправится домой, чтобы перекусить. Он подумал, не позвонить ли Энни, эти убийства должны повлиять на нее, не только из-за ситуации, которую вызвала Лора, но и потому, что не так давно она и сама столкнулась с убийцей.

Облегчение от того, что она не блондинка, заставило Уилла почувствовать себя немного лучше. Тот, кто убивал этих женщин, выбирал другой тип внешности. Энни не

соответствовала его профилю жертвы — к счастью. Он достал свой телефон и отправил ей сообщение: «*Мне нужно с тобой поговорить*». Он не думал, что она ответит, но попробовать стоило.

У него выдался напряженный день. Волнение, которое он испытал, слушая вызов по рации, было неопишваемым. В паре с напарником, под вой сирен он примчался на место происшествия, взволнованный тем, что ее нашли, когда он еще оставался на смене.

Они оказались вторым прибывшим патрулем, и он бросил беглый взгляд, прежде чем изобразить шок, как и первые два офицера. Его план сработал отлично. Они совершенно не ожидали увидеть кого-то из своих в таком состоянии, и это повергло всех в смятение. Ему даже удалось пройти по территории церкви, так что, если его следы все-таки обнаружат, он сможет легко объяснить их происхождение.

По мере того как день подходил к концу и появлялось все больше офицеров, он действительно изо всех сил старался сдерживать злорадство, которое испытывал, хотя это становилось все труднее. Все они были травмированы и едины в своем горе.

Он не был уверен, что собирается делать дальше, он никак не мог убить еще одного полицейского, это было бы слишком очевидно. Но волнение от последнего убийства будет трудно превзойти. Барроу такой маленький городок, что казалось, будто все знают друг друга, и если не знают тебя, то знают твоих родственников.

Ну, они не узнают его, потому что все, кто мог мертвы. Единственным человеком, который помнил его, был священник, потому что он никогда не сможет забыть. Сложно забыть, как убил девятилетнюю девочку и ничего не сделал, пока ее мать перерезала себе вены. Неужели он действительно думал, что все осталось в прошлом? Формально убийство сошло ему с рук, но Шон позаботится о том, чтобы он заплатил за это, так или иначе.

Подождем, пока священник вернется домой и обнаружит сюрприз, ожидающий его в спальне. То, что тот мужчина был племянником священника и остановился у него, стало чистой удачей. Шон надеялся, что его обнаружат не раньше, чем через несколько дней, когда труп в постели раздуется и начнет гнить. Тогда он, наверняка, сможет снова пережить сегодняшний день.

Когда инспектор отпустил его с места преступления, он вернулся в участок, чтобы закончить смену, заполнить журнал и сдать рацию и газовый баллончик. В участке царил тишина; казалось, все говорили шепотом.

Он пытался придумать предлог, чтобы пойти в офис уголовного розыска, просто чтобы посмотреть на шок, который будет запечатлен на их лицах, но у него не было подходящей причины. Обычно он туда не заходил, поэтому не хотел вызывать подозрений. Вместо этого он сел за компьютер в актовом зале и начал загружать журналы вызовов.

Если у него когда-нибудь будет возможность, он распечатает его и заберет домой, чтобы повесить на доску. Приятно будет почитать перед сном, когда ему станет скучно. А пока ему придется довольствоваться тем, что он будет читать его на экране и купаться в лучах славы.

29 июня 1984 года

13-00

Джон закончил телефонный разговор с отцом Робертом, положил трубку на рычаг и накрыл голову руками. Он понятия не имел, сможет ли это сделать, но знал, что должен постараться ради Софи.

Его детский страх всегда был с ним, засел в глубине разума, как заноза, до которой он не мог дотянуться, чтобы вытащить и облегчить боль. Воспоминания о том, как он жил двенадцать лет до того, как человек-тень поглотил его, были расплывчатыми, будто тот опустошил его разум от всех счастливых времен — высосал его досуха.

Воспоминания после казались настолько ужасны, что ему пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить свой мозг отодвинуть их в какой-нибудь дальний, темный угол, где теперь выцветшие образы были просто вне досягаемости.

Подруга его матери вмешалась тогда и буквально спасла его душу и жизнь. Она была экстрасенсом, и во время своего последнего визита сказала его маме, что дом превратился в портал, который вел прямо в ад. Его мать, которая действительно не верила ни в Бога, ни в дьявола, рассмеялась и сказала подруге, что та сошла с ума. Но страха на лице сына и того факта, что он выглядел уже настолько отчаявшимся, хватило, чтобы позволить подруге сделать что нужно, чтобы помочь ему.

Джону просто хотелось вспомнить, что она сделала. Может быть, его веры в силу Бога и силы его веры будет достаточно. В конце концов, теперь он не испуганный тринадцатилетний мальчик, он взрослый мужчина, который отказался от всего, чтобы служить Богу. Голос эхом отозвался в его голове: «Нет, ты не испуганный школьник, ты испуганный священник».

Ему нужно освятить дом, это ясно. Он не возьмет с собой Софи или Шона, но ему придется попросить Бет прийти. На случай, если с ним случится что-то, что он не сможет контролировать. Она позовет на помощь. Он поднялся со стула. Он так устал, что малейшая задача казалась огромным усилием. Джон чувствовал себя шестидесятилетним стариком.

Выйдя из комнаты, чтобы найти Бет, он последовал на звук смеха, доносившегося со стороны кухни. Открыл дверь и увидел Бет и двух ее детей, сидящих за столом. Перед ними была разложена потрепанная настольная игра «Змеи и лестницы». Шон хихикал, потому что отправил Софи вниз самой большой змеи на доске, и она дулась. Бет взглянула на Джона и перестала улыбаться.

— Могу я поговорить с тобой наедине, Бет?

Она встала и последовала за ним в коридор, дети продолжили играть без нее.

— Я собираюсь пойти и освятить дом сверху донизу, но не могу сделать это в одиночку. Мне понадобится твоя помощь на случай, если что-то пойдет не так.

Бет уставилась на него, ее глаза открылись так широко, что он и не подозревал, что веки могут растягиваться так сильно.

— Конечно, я помогу, но ты думаешь, это хорошая идея? Я имею в виду, чем это поможет, заставит его оставить Софи в покое?

Джон колебался, сказать ли ей чистую ложь или быть правдивым? Он остановился на правде:

— Честно говоря, не знаю. Я молю Бога, чтобы это было так, но не могу сказать наверняка. Не знаю, что еще делать, но это лучше, чем ничего.

— Когда ты планируешь пойти? Я хочу быть готовой, знаешь, постараться настроиться на возвращение в наш дом. Я на самом деле в ужасе.

Он поднял запястье, чтобы посмотреть на часы.

— Через полчаса. Я иду в церковь за святой водой и попрошу Бога о помощи. Миссис Браун присмотрит за детьми, я хочу сделать это, пока еще достаточно светло, потому что понятия не имею, сколько времени все займет.

— Спасибо, Джон, я ценю все, что ты делаешь. — Она шагнула вперед и крепко обняла его. Джон помолчал, не зная, что ему делать, но потом обнял ее в ответ — коротко. Он отстранился первым, его щеки порозовели, и Бет хихикнула.

— Это было просто объятие. Всем время от времени нужны объятия. Даже слугам Божьим. — Она подмигнула ему, а затем повернулась, желая вернуться на кухню, чтобы поиграть с детьми, пока не придет время.

Отец Джон вышел из пресвитерии и направился по лужайке к церкви, запах скошенной травы щекотал ему нос. Он все время спрашивал себя, сможет ли отказаться от Бога ради женщины, которая украла его сердце, и ее детей? Он должен был сказать себе «нет», короткое, резкое «нет». Вместо этого где-то в его голове витала мучительная мысль, что, возможно, он мог бы, что хотел бы жить нормальной жизнью, иметь семью и быть любимым.

Он добрался до дверей церкви и вошел внутрь, где сразу же невидимое облако вины опустилось на плечи, придавив его. Джон подошел к алтарю и опустился на колени, извиняясь перед Богом за свои нечистые мысли и прося его о помощи и прощении. Прося у него сил на то, что он должен сделать, чтобы избавиться от человека-тени.

Закончив, он вытащил из кармана пустую бутылку и подошел к купели, освящая воду, затем погрузил пластиковую бутылку в воду, и держал ее до тех пока она не наполнилась. Он завинтил колпачок и вытер его о штаны, чтобы высушить. Затем подошел к алтарю, взял кропило и наполнил серебряный шар еще святой водой. В него входило недостаточно, чтобы благословить весь дом Бет, вот почему ему нужна была пластиковая бутылка.

Он не собирался рисковать, сбегая на полпути, оставляя половину дома Бет не освященной, потому что его не покидала уверенность, что это будет подлая драка, и человек-тень будет сильно возражать. Джон решил основательно подготовиться. Он взял с алтаря золотое распятие. Оно было тяжелым, но ему было приятно держать его в руке. Настоящее оружие Бога, и, если все остальное потерпит неудачу, он сможет бросить его и убежать.

Когда он вернулся в дом священника, Бет и ее дети все еще были на кухне, и к ним присоединилась миссис Браун. Она стояла там с закатанными до локтей рукавами и мукой, разбросанной по всей рабочей поверхности. Софи и Шон оба стояли на стульях, по разные стороны от нее, носы и руки обоих покрывала мучная пыль. Они с головой ушли в стряпню, и за это Джон был благодарен своей экономке.

Бет посмотрела на него и кивнула. Она подошла и поцеловала своих детей в макушки. Затем последовала за ним в холл, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Ты готова, Бет?

— Не совсем, как я могу подготовиться к освящению своего дом против человека-тени, который вообще не должен существовать? Я думала, что все это выдумки для продажи фильмов и книг.

— Я бы хотел, чтобы это была неправда, Бет. — Джону пришлось бороться с желанием снова обнять ее. Ему нужно начать вести себя как священник, поэтому вместо объятий он похлопал ее по плечу. — Давай покончим с этим, а потом вернемся домой, съедим вкусный яблочный пирог миссис Браун, намазанный свежими сливками, и притворимся нормальными людьми.

Он вышел через входную дверь, и она последовала за ним, закрыв ее за собой. Ни один из них не хотел, чтобы Софи или Шон отправились за ними, дети уже видели достаточно.

Солнце светило ослепительно, и воздух прогрелся достаточно, чтобы при желании

позагорать в саду. Джон хотел бы заняться именно этим, промелькнувшая мысль показалась ему такой заманчивой, что он предпочел бы провести время подобным образом и забыть обо всем на свете.

Они добрались до дома Бет, и черная тень опустилась на них. Сразу похолодало, и они оба посмотрели вверх, чтобы увидеть огромную черную тучу в небе, закрывающую солнце и забирающую его свет и тепло.

Бет сглотнула и осмотрела улицу, боясь увидеть кого-то страшного. Улица была пуста. Джон положил руку на металлическую калитку, чтобы открыть ее, но быстро отдернул.

— Здесь ужасно холодно. Как может быть так холодно, когда солнце нагревало ее последний час?

Снова протянув руку, на этот раз он распахнул ее. Бет взглянула на его бледное лицо, и кровь отхлынула от ее лица. Он окропил ворота святой водой и шагнул к входной двери, протягивая руку за ключом. Она положила его на ладонь его дрожащей руки. Он, конечно, в ужасе, но никогда не скажет: «Давай забудем все это и вернемся».

Вместо этого Джон продолжал идти, пока не оказался достаточно близко, чтобы протянуть руку и вставить ключ в замок. Он повернулся, и дверь распахнулась внутрь. Они оба поперхнулись от вони, которая поднялась в воздух. Все было именно так, как описывала Софи, дом пришел в негодность и гнил изнутри. Джон вошел внутрь, за ним последовала Бет. Он выдохнул и увидел, как его дыхание затуманилось перед ним.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Он перекрестился, и Бет повторила за ним. Грохот под их ногами заставил ее тихо вскрикнуть. Она протянула руку и схватила его за одежду. Джон держал крест из церкви под мышкой, и сунул его ей.

— Вот, держись за него.

Джон окропил входную дверь святой водой, и краска начала пузыриться и испаряться, как будто он только что облил ее кислотой, затем вошел в дом. Бет последовала за ним, прижимая руку к носу. Джон прошел через каждую комнату на первом этаже, окропляя святой водой и произнося свое благословение, последним, что он освятил, стала гостиная, и когда он вышел обратно в холл, воздух стал чище.

Запах почти исчез, и невыносимая вонь перестала резать глаза. Запах все еще оставался, но больше не заставлял их желудки сжиматься, как раньше.

Бет ухмыльнулась ему:

— Это работает, разве ты не чувствуешь, насколько стало лучше, и запах уже не такой резкий. — Она схватила его сзади, крепко обняла и полностью нарушила концентрацию Джона. До этого момента он был так сосредоточен на привлечении силы добра для борьбы со злом, что это работало. Он забыл о своей дилемме, о своих чувствах к Бет и о том, как он разрывался из-за своей любви к Богу.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и низкий голос рассмеялся ему в ухо, и Джон почувствовал, как каждый волосок на его затылке встал дыбом. Отстранившись от нее, он начал подниматься по лестнице.

— Мы еще не закончили, далеко не закончили.

Бет последовала за ним.

Джон с трудом поднимался по ступенькам, его ноги были такими тяжелыми, что ему приходилось тащить их. Когда приблизился к вершине, он не смог идти дальше, две невидимые руки легли ему на грудь, и они толкали его обратно вниз. Он наклонился, слегка

повернулся в сторону и подался вперед. Его зубы начали стучать, и он дрожал, но продолжал давить.

Запах здесь был хуже, чем где-либо, и он услышал, как Бет застонала у него за спиной. Джон поднял кропило, побрызгал перед собой водой и начал молиться. Раздалось громкое шипение, и давление в его груди ослабло. Он продолжил. Здесь было темно, хотя солнце должно светить в окна. Все вокруг окутал покров темноты.

— Мне страшно, — прошептала Бет сзади.

Джон кивнул в знак согласия, не решаясь произнести это вслух. Он прошел в первую спальню, которая принадлежала Шону, продолжая освящать дом. Когда он разбрызгал воду вокруг, солнечные лучи начали просачиваться через окно в темноту, прогоняя тени. Бет издала тихий возглас восторга.

Джон вышел за дверь и прошел мимо комнаты Софи — ее он прибережет напоследок. Он знал, что тварь там, внутри, ждет, когда он войдет и снова встретится с ним лицом к лицу. Если он благословит остальную часть дома, наполнив его Божьим светом, у него может появиться шанс на борьбу.

Комната Бет была полна теней, и он увидел движение в густом черном тумане, который заполнил комнату. Он вошел и продолжил свое благословение, выплескивая святую воду в сторону того, что извивалось в углу. Низкое рычание эхом разнеслось по комнате. Ужас наполнил разум Джона, когда он представил себе огромного демонического зверя в углу, готового наброситься и оторвать его голову с плеч. Он осенил себя крестным знаменем, плеснул в тварь еще воды, и она исчезла.

Солнечный свет начал пронизывать темноту и здесь. Еще две комнаты, ванная и комната Софи.

Направляясь в ванную, он услышал, как кто-то плещется в воде. Видение Бет, обнаженной и лежащей в ванне, полной ярко-красной воды, заполнило его разум. Ее глаза были тусклыми, стеклянными, мертвыми. Он не хотел смотреть мимо ее прекрасного лица, боясь увидеть нежную выпуклость ее груди, но он сделал это, он не мог остановиться.

«Смотри внимательно, священник, потому что это именно то, что тебя ждет, — прокричал голос ему в ухо. — Если ты не отдашь мне девчонку. Отдай мне ее, и тогда ты сможешь получить все, что пожелает твое сердце».

На этот раз перед его глазами вспыхнул образ живой Бет, стоящей обнаженной перед ванной. Она широко раскрыла руки, приглашая его к себе.

— Убери свою грязь из моего разума, Демон, — прорычал Джон.

Бет отскочила назад, и он начал молиться еще усерднее, чем когда-либо. Плеснув водой в дверь, он шагнул вперед и распахнул ее, ожидая, что человек-тень будет ждать его внутри, но его не было — комната оказалась пуста. Ванна тоже была пуста, и он почувствовал облегчение, хотя и знал, что это произойдет, потому что Бет стояла прямо за ним.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, но ее там не оказалось, и он почувствовал, как кожу на его руках начало покалывать от холодного, жесткого страха. Он понимал, что все это слишком просто. Дьявол.

Он снова вышел. Дверь в спальню Софи оказалась приоткрыта. Она была закрыта несколько минут назад, когда они проходили мимо.

Джон шагнул вперед и пнул что-то твердое. Он посмотрел вниз, чтобы увидеть крест, который он дал Бет, лежащий на боку. Наклонившись, чтобы поднять его, он направился к двери. Прежде чем он успел открыть дверь, запах ошеломил его, и он остановился. Это было

концентрированное зло, и, если бы ему пришлось рассказывать, как пахнет зло, он бы описал этот запах.

Джон достал пластиковую бутылку из кармана брюк и отвинтил крышку, нет времени возиться с разбрызгиванием крошечных капель, ему, возможно, придется облить ублюдка с головы до ног за один раз.

Джон никогда в жизни не испытывал такого ужаса. Он осенил себя крестным знаменем и окропил дверь водой в той же форме. Раздалось громкое шипение, когда от дерева поднялся пар, и очертания креста выжглись на нем.

Пинком распахнув дверь, он вошел внутрь. Было темно, но он мог разглядеть Бет. Она съежилась в углу, ее глаза были устремлены в противоположную сторону. Он бросился к ней и положил руку ей на голову, окропив ее водой, он начал молиться. Она стряхнула его руку со своей головы и издала пронзительный визг. Джон обернулся и увидел человека-тень, который преследовал его во сне, стоящего перед ним, и он почти потерял контроль над своим мочевым пузырем.

Он в ужасе уставился на темную фигуру, которая казалась сотканной из черной почти жидкой массы. Она слегка колыхалась и перекатывалась, как будто не могла стоять на месте, и выглядела очень высокой, почти семь футов. Но что действительно испугало Джона до глубины души так это ее пронзительные красные глаза. Они были такими яркими, что Джон чувствовал, как они смотрят прямо в глубины его души.

Он не мог сдвинуться с места, понимал, что должен бросить свою бутылку святой воды прямо в лицо этой темной фигуры, но в ней присутствовало что-то настолько ужасающе гипнотическое, что он ничего не мог сделать. Только стоял и смотрел в красные полыхающие глаза.

Бет всхлипнула, и это вывело Джона из транса. Он содрогнулся от невыносимого зловония, исходившего от этой штуки, а затем вспомнил, что должен сделать. Отдернул руку, сжимавшую бутылку, и будто в замедленной съемке наблюдал, как жидкость движется к предмету. Затем он поднял тяжелый крест и начал выкрикивать молитвы своему Богу. Тень открыла пасть, обнажив ряд острых, как бритва, зубов. Вода попала в цель, пролившись прямо в разинутый рот и глаза. Шум, который исходил от темной фигуры, был оглушительным, но тень начала распадаться у него на глазах. Она начала скукоживаться, а затем исчезла.

Бет стояла на коленях, вцепившись в ноги Джона, все ее тело дрожало. Джон понюхал воздух, комната показалась чистой, и солнечные лучи начали просачиваться сквозь нее, пронзая темноту, превращая ее из черной дыры обратно в спальню маленькой девочки.

Джон перекрестился, затем повернулся и осенил крестным знаменем лоб Бет, протянул руку, которую она сжала, и он поднял ее на ноги.

— Я думаю, что все кончено, давай оставим Бога, чтобы он вернул свой дом и наполнил его светом, нам нужно проверить детей.

Она кивнула и последовала за ним, когда он направился обратно к лестнице. Джон не оглядывался, ему хотелось поскорее убраться оттуда, чтобы убедиться, что с Софи и Шоном все в порядке. Бет сбегала за ним по лестнице. Он распахнул входную дверь, и они оба вышли на яркий солнечный свет.

Ни один из них не оглянулся и не увидел двух красных глаз, наблюдавших за ними из щели в чердачном люке.

Софи и Шон допили чай и спросили, можно ли им пойти поиграть наверх. Бет, которая уже почти пришла в себя после полудня, кивнула.

— Если отец Джон не против, то можете, но сначала пойдите и спросите его. Он возможно устал и не захочет слушать ваш шум.

Дети побежали искать его. Он был в церкви с тех пор, как они вернулись и обнаружили, что с детьми все в порядке. Софи слышала, как он недавно вернулся в пресвитерию, и пошел в кабинет, чтобы позвонить. Он говорил с кем-то по телефону приглушенным голосом, но сейчас все было тихо. Софи постучала в дверь.

— Входите.

Она открыла дверь и посмотрела на священника, у которого теперь появилась густая, белая полоска серебра, проходящая через его обычно темно-каштановые волосы. Она вошла внутрь. Шон, которому надоело ждать, побежал наверх, чтобы забрать свои фигурки из комнаты.

— Что случилось с вашими волосами?

Отец Джон покачал головой:

— Ничего, с чего ты это взяла?

— Часть их побелела.

Он встал и прошел мимо нее в холл, чтобы взглянуть в зеркало, висевшее на стене над буфетом. Поднял руку и провел пальцами по челке. Он не слишком долго смотрел на свое лицо, потому что ему казалось, что он постарел по крайней мере на двадцать лет, и он не знал бы, что делать, если бы его лицо выглядело именно так, как он себя чувствовал.

— Не знаю, Софи, наверное, Бог решил, что мне нужна другая прическа.

Она хихикнула:

— Ну, я надеюсь, он не решит, что и мне нужна новая. Мне нравятся мои волосы такими, какие они есть.

Он подмигнул ей.

— Как ты себя чувствуешь, Софи, думаешь, он ушел?

Она на мгновение замолчала.

— Мне стало лучше. Но у меня все равно появляется то странное ощущение, когда смотрю телевизор, и я знаю, что что-то должно произойти, но не знаю, что.

— Я чувствую то же самое. Кажется, мне удалось заставить его уйти, он исчез у меня на глазах. — Он хотел сказать ей, что теперь все будет замечательно, но не мог произнести этих слов, потому что в глубине души не совсем верил в них.

Образы Бет в ванной произвели на него глубокое впечатление, заставив почувствовать себя неудобно. Человек-тень знал все о его внутреннем конфликте, и Джон беспокоился, что неуверенность делает его открытым для чего-то плохого.

Когда возвращался в пресвитерию из церкви, он мог бы поклясться, что почувствовал запах, но тот исчез так же быстро, как и появился, и Джон не был уверен не показалось ли ему.

Софи подошла к нему и своими маленькими ручками крепко обняла его.

— Спасибо, отец Джон, вы пытались мне помочь, и я очень рада, что вы это сделали. Я всегда буду благодарна вам за то, что вы так заботились обо мне. — Она отпустила его, повернулась и выбежала из комнаты, чтобы найти своего брата и поиграть с ним.

Джон почувствовал, как большая мокрая слеза скатилась по щеке. Казалось, она только что попрощалась с ним. Почему дети так все воспринимают? Ну нет, он не позволит

человеку-тени тронуть и волоска на голове Софи. Он наполнил свою бутылку из купели на всякий случай. Поднял глаза к потолку:

— Пожалуйста, Господи, пусть все это закончится. Я умоляю тебя, пусть с этой семьей все будет в порядке.

Джон знал, что ему нужно встретиться с Бет лицом к лицу. Он прятался от нее последние пару часов, но не хотел говорить об образах, которые видел в доме, или о том, что может произойти дальше. Ему не пришлось ее искать, потому что Бет пришла сама и постучала в дверь. Он слышал, как дети бегают наверху, их смех эхом разносился по всему дому, и это заставило его улыбнуться.

Она вошла.

— Я не знаю, как благодарить тебя, Джон, уверена тебе это далось тяжело.

— Тебе не нужно благодарить меня, Бет, я бы сделал то же самое для любого.

Она подошла и присела на угол стола, прямо перед ним.

— Твои бедные волосы поседели. — Она подняла руку, чтобы коснуться их, и он почувствовал, как будто по его телу только что прошел электрический ток. Просто находясь в такой близости от нее, он чувствовал себя живым, по-настоящему живым. Она придвинулась ближе, пока ее лицо не оказалось в нескольких дюймах от него. Он попытался сдержаться и приказывал себе отстраниться.

Вместо этого он застонал и потянулся к Бет. Усадил к себе на колени, она наклонилась и поцеловала его так сильно, что у него перехватило дыхание. Он никогда не испытывал таких чувств ни к одной женщине, хотел ее больше всего на свете. Она начала расстегивать его рубашку, все время целуя его, ее язык проник в его рот. Он протянул руку и начал расстегивать ее блузку, вид черного кружевного бюстгалтера, который она носила, был почти невыносим для него, и он уткнулся головой в ее декольте.

Ужасный крик и оглушительный удар заставили кровь застыть в жилах Джона. Бет спрыгнула с него и побежала к лестнице.

— Софи, Софи, в чем дело?

Джон побежал за ней, перепрыгивая через две ступеньки, обгоняя Бет. Шон стоял наверху, его лицо было пепельно-серым, а глаза смотрели на что-то, чего они не могли видеть. В них застыл дикий страх, а затем он повернулся и побежал в свою комнату, захлопнув за собой дверь.

— Софи. — Бет побежала в комнату дочери, вонь ударила в нее, и она закричала от разочарования.

Джон проскочил мимо и распахнул дверь. Его глаза наполнились слезами, запах был таким ужасным, но это было ничто по сравнению с фигурой, которая возвышалась над Софи, прижимая ее к кровати.

Человек-тень повернулся и уставился на него:

— Я говорил оставить ее мне, священник. Ты позоришь Бога, которому служишь. Где был твой Бог, когда ты засунул свой язык ей в глотку? — Он поднял палец и указал на Бет. Глаза существа были намного краснее, чем раньше, и Бет побежала к своей дочери, Джон последовал за ней, бросившись в тень.

Софи открыла рот, чтобы закричать, и тень начала сжиматься, становясь такой маленькой, что зависла над ее головой. Джон потянулся к ней рукой, но тень исчезла в открытом рту Софи и в ее горле. Софи начала биться в конвульсиях, ее глаза закатились к затылку, пока не остались видны только белки, а изо рта не пошла пена.

— Держи ее за руки, нам нужно освятить Софи. Ее крестили?

Софи размахивала руками, и когда Бет попыталась схватить одну из них, покачала головой. Софи пыталась вцепиться Джону в лицо. Для маленькой девочки она обладала силой трех взрослых мужчин, и Бет пришлось бороться с ней, чтобы прижать ее руки.

Джон вытащил из кармана четки и положил их на лоб Софи, ее кожа начала шипеть и гореть там, где коснулся крест, и Бет начала кричать, чтобы он прекратил это. Джон отдернул дрожащую руку, его тошнило, он хотел закрыть глаза, упасть в обморок, умереть. Он хотел быть где угодно, только не здесь. Он продолжал молиться, и Софи начала задыхаться.

— Пожалуйста, ты должен что-то сделать, чтобы помочь ей, он убивает ее.

Джон не знал, что делать, ему необходимо божественное вмешательство, он нуждался в нем сейчас.

Тем временем маленькая девочка, поседев на глазах, начала задыхаться еще сильнее. Они попытались усадить ее, схватив за руки и потянув каждый со своей стороны, но это было невозможно. Софи потяжелела настолько, что ее тело казалось приклеилось к кровати. Она издала сдавленный звук, и в тот же миг ее сердце перестало биться, удушье прекратилось, и в комнате воцарилась тишина.

Бет бросилась на дочь и начала безудержно рыдать. Джон почувствовал, что наконец-то может пошевелиться, и отшатнувшись назад, упал на пол. Он крепко сжимал четки:

— Нам нужно позвонить в скорую помощь, Бет.

Он поднялся на дрожащих ногах и вышел на лестничную площадку. Телефон был в кабинете, и он начал спускаться по лестнице на нетвердых ногах. Ему было все равно, даже если он упадет и сломает себе шею.

Его жизнь только что закончилась вместе с жизнью Софи; жить больше было не для чего. Его Бог покинул его в час нужды, и он подвел Бет и ее детей, и все потому, что усомнился в своей вере и влюбился.

Энни начала зевать десять минут назад и не могла остановиться.

— Извините, ребята, я устала, и мне нужна моя кровать.

Джейк пошел за ключами от машины.

— Давай, закоренелая тусовщица, я тебя отвезу, а потом отнесу еду нашему другу Уиллу. Он наверняка немного не в себе, и, держу пари, не ел весь день.

Энни улыбнулась Джейку:

— Ты замечательный друг, Джейк, это очень мило с твоей стороны.

Она подумала, не стоит ли ей заскочить с ним в участок, но офис будет переполнен, и это может оказаться немного неловко.

Энни почувствовала, как завибрировал ее телефон, и прочитала сообщение от Уилла, он интересовался что она собиралась делать. Она не знала, что сказать, поэтому не ответила. Она терпела столько дерьма от Майка, пока они были женаты, и ей совершенно не хотелось вступать прямо сейчас в еще одни обреченные отношения.

Дело в том, что она знала, что Уилл не сделал ничего плохого, кроме как напился и позволил Лоре пойти с ним домой, чтобы он мог храпеть ей в ухо всю ночь. На самом деле это глубоко ее ранило, в груди поселилась физическая боль, которую она не могла описать, но она была там. Энни хотела остаться с ним друзьями, это лучший вариант, если только он не проявит себя иначе. Но она понимала, что теперь он окажется так занят, что у него не будет времени на собственную жизнь, не говоря уже о ней.

Они ехали к ее дому в уютной тишине. Когда Джейк остановился у ее ворот, она наклонилась и поцеловала его в щеку:

— Спокойной ночи, Джейк, и спасибо тебе.

— Спокойной ночи, Энни, хочешь, я зайду и проверю дом?

Она засмеялась:

— Нет, спасибо, я уже большая девочка. Думаю, что справлюсь. В любом случае, кто будет настолько безумен, чтобы вломиться в мой дом?

Джейк не ответил, только улыбнулся, и ей пришлось перестать думать о прошлом годе, когда мужчина проник в дом ее брата, когда она присматривала за ним. Человек, который хотел ее убить. Она встряхнулась, подняла руку, чтобы помахать Джейку, и повернулась, чтобы идти по дорожке к входной двери.

Джейк не уехал, пока она не достала ключ и не вошла, заперев за собой дверь. Он все еще не отъезжал, пока в коридоре не зажегся свет, а затем и в гостиной.

Удовлетворенный тем, что она уже выскочила бы на улицу, крича, если бы что-то было не так, он поехал по улице, направляясь в полицейский участок, чтобы встретиться с Уиллом.

В ее доме было прохладно, и это стало долгожданным облегчением. После сегодняшнего жаркого дня, ее лоб и грудь все еще горели. Энни проверила, все ли внизу в порядке, затем скинула обувь и поднялась наверх.

Подойдя к верхней ступеньке, она почувствовала запах гнилых овощей и подумала, не подгорело ли что-то на кухне. Пахло школьными обедами в те дни, когда ей было девять лет и жизнь казалась такой простой.

Энни пошла в ванную и начала чистить зубы, брызгая холодной водой на лицо. Она

посмотрела в зеркало над раковиной и замерла. Кто-то стоял позади нее. Резко обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, но там никого не было. Ее сердце бешено колотилось; она определенно видела фигуру мужчины.

Взяв с полки тяжелый стеклянный стакан, она почувствовала, как у нее пересохло во рту, когда приблизилась к занавеске душа. «Пожалуйста, пусть за ней не стоит какой-нибудь урод». Ее левая рука дрожала, она неуверенно протянула руку и схватила пластик, отбросив занавеску в сторону и вскрикнув при этом со страхом и облегчением — с другой стороны никого не оказалось. Этот ужасный запах здесь ощущался сильнее.

На ватных ногах она вышла из ванной. Дверь в хозяйскую спальню была приоткрыта, и Энни не могла вспомнить, оставила ли она ее открытой сама или нет. Ей следовало бы позвонить Джейку и попросить его вернуться, но потом она поняла, что это, вероятно, ее воображение сыграло с ней злую шутку, поэтому продолжила осмотр.

Слишком напуганная, чтобы войти в комнату в темноте, она просунула руку в щель, ощупывая стену в поисках выключателя.

«Пожалуйста, пусть никто не схватит меня за руку». Видение Пеннивайза, клоуна из ее любимой страшилки, когда она была подростком, заполнило разум сценой, когда он вырвал руку бедной Джорджи Денбро прямо из сустава своими острыми зубами.

Энни нашла выключатель и комнату залило светом. Она толкнула дверь и вошла внутрь. Там было пусто, но стоял сильный запах. Настолько сильный, что она подняла руку, чтобы прикрыть рот и нос. Она прошла дальше, к окну, чтобы приоткрыть его и впустить немного свежего воздуха. Пахло так, словно здесь что-то осталось гнить, но она не пользовалась этой комнатой с тех пор, как вернулась.

Боясь наклониться и заглянуть под кровать, она все-таки заставила себя сделать это. Единственными вещами под ней были пластиковые ящики для хранения, заполненные книгами, которые не помещались на ее книжных полках.

Почувствовав себя смелее, она подошла к шкафу и распахнула дверцы. Никакого вонючего мужчины внутри. Взглянув в зеркало, ей показалось, что по нему промелькнула темная тень, и она повернулась к месту позади себя, где та должна бы быть.

Комната была пуста, возможно, это игра света. Убедившись, что здесь никого нет, она выключила свет и закрыла дверь, пока не щелкнула защелка. Затем Энни открыла маленький шкафчик, в котором хранила постельное белье и полотенца. Все в порядке, но стоит проверить и другую спальню.

Ее ноги уже не так сильно дрожали, но Энни сделала то же самое и протянула руку, чтобы включить свет. Как только комната озарилась светом, она вошла внутрь. Она тоже пуста, и эта комната настолько маленькая, что спрятаться негде, кровать представляла собой диван с выдвигаемыми ящиками под ним. В комнате еще имелась старинная церковная скамья, которая в настоящее время была антикварной вещью, и старый туалетный столик, который Энни выкрасила в мелово-белый цвет, со стопкой журналов и книг на нем.

Все стояло на своих местах, и Энни была благодарна, что запах здесь казался очень слабым, потому что она сильно устала и хотела спать. Она вернулась в ванную, чтобы взять освежитель воздуха, и начала распылять его вокруг, надеясь замаскировать запах.

На всякий случай она сбежала вниз, проверить, заперта ли дверь, а затем снова проверила каждую комнату. Дом был пуст, и она в нем совсем одна. По крайней мере, она надеялась, что это так, потому что то, что так плохо пахнет, не может быть хорошим?

Поднявшись наверх, она переделалась в свою любимую выцветшую пижаму и забралась в

постель, оставив ночник включенным. Взяв книгу, она начала читать о грязной жизни эскорта знаменитостей. Больше не в состоянии читать что-либо хоть немного страшное перед сном, она читала пару страниц какой-нибудь биографии, чтобы освободить свой разум от ужасных образов, которые слишком часто хотели завладеть ею.

Уилл сидел за своим столом. Офис опустел после того как он сказал своим детективам заканчивать, и что он ждет их завтра рано утром, чтобы продолжить охоту за убийцей Лоры.

Как это случилось, он не понимал. Всего два дня назад они все вместе веселились в пабе. Им надо поскорее найти того парня, с которым она ушла, потому что можно было поспорить, что именно он убийца. Но убил бы он ее, если бы знал, что она полицейский? В окружении двенадцати других полицейских? Уилл сомневался, что кто-то может быть настолько глуп.

Чувство вины грызло его изнутри, и он чувствовал себя больным, его тело питалось только кофеином, и это заставляло Уилла чувствовать себя плохо. Он поднял руку, которая дрожала, как у алкоголика. Ему нужно поесть, чтобы избавиться от тошнотворного ощущения в животе, но он не знал, что не вызвало бы в нем отвращения. Как он смог испортить свою жизнь до такой степени за пару недель?

Уилл взглянул на доску с фотографией Лоры, смотрящей на него. Ее губы улыбались, но в глазах казалось сквозило обвинение, и он отвел взгляд. Он подвел ее, точно так же, как подвел Энни. Он почувствовал, как его глаза защипало от слез. Дверь открылась, и он несколько раз моргнул, чтобы избавиться от слез. Не стоит никому видеть, в каком раздоре он прибывает, это совсем непрофессионально.

Когда Джейк шагнул в дверь, Уилл с облегчением выдохнул. Джейку было бы все равно, даже если бы Уилл бросился на пол и завыл, хотя Джейк рассказал бы об этом всему участку.

— Я пришел с дарами.

Уилл посмотрел на пластиковые контейнеры.

— Пожалуйста, скажи мне, что это домашняя еда, я умираю с голоду.

Джейк передал контейнеры.

— Лазанья от Алекса, салат и картофель в мундире. Поверить не могу, я на побегушках у долбаной парочки. Энни приходила на чай.

— Спасибо, Джейк, как она? Она знает?

— Вроде нормально, шокирована, но все в порядке. Ей удалось съесть полную тарелку лазаньи и выпить три бокала вина, так что она накормлена, напоена и, надеюсь, улеглась спать. А как ты, Уилл? Выглядишь дерьмово.

Уилл прищурился.

— Тебе действительно интересно, или ты просто из вежливости, на случай, если у меня болят зубы или мигрень. И, кстати, у меня действительно мигрень.

— Послушай, мы все знаем, что ты полный придурок, и нет особого смысла корить себя за это. Тебе просто нужно взять себя в руки и двигаться дальше. Я не разделяю твои сопли и жалость к себе.

Уилл почувствовал, как у него отвисла челюсть, он ничего не мог с собой поделать. У Джейка была манера лишать дара речи почти всех.

— Давай посмотрим правде в глаза, у тебя был шанс с Энни, и ты все испортил, нажравшись и переспав с Лорой, которая теперь мертва и лежит в холодильнике в морге. Ты

теряешь хватку, Казанова.

— Почему бы тебе не свалить отсюда, Джейк?

— Потому что я пришел подбодрить тебя, мой друг. Знаешь, я никогда не думал, что скажу это, но вы с Энни такая хорошая пара. Вы оба так подходите друг другу, и мне не нравится видеть вас двоих такими, страдающими и одинокими.

— Мне тоже, у меня такое чувство, будто мое сердце вырвали из груди. В прошлом году я не думал, что когда-нибудь буду так относиться к женщине. Я часто смотрел на отца и Лили и думал, буду ли когда-нибудь также счастлив. Теперь я больше, чем когда-либо, понимаю, что Энни — единственная для меня. Я просто хотел бы понять, как загладить свою вину перед ней.

— Не дави на нее и дай время, приятель, она скучает по тебе так же сильно, но ты должен помнить про ее прошлый брак. У нее были ужасные отношения, а потом она оставила их и начала новые с тобой, с тем, у кого худший послужной список из всех мужчин в участке. Не удивительно, что она раздражена и злится на тебя.

— Я знаю, спасибо, что напомнил. Просто надеюсь, что она поймет, что я никогда не смогу найти женщину, которая заняла бы ее место.

Джейк хлопнул его по спине.

— Нет, тут я с тобой полностью согласен, ты никогда не найдешь кого-то вроде Энни с ее удивительным даром видеть мертвых людей.

Джейк повернулся, чтобы уйти, и Уилл последовал за ним, ему нужно добраться до дома, принять душ, затем поесть и, как он надеялся, лечь спать и впасть в кому на следующие шесть часов.

Энни металась и ворочалась во сне, ее сон никак нельзя было назвать спокойным. Она слышала голос маленькой девочки, зовущий ее, и продолжала отодвигать его на задворки сознания. Он звучал так, словно исходил из зеркала. Она пробормотала:

— Нет, уходи.

Несколько раз во сне она оказывалась в своей старой спальне, которую делила с Майком, овальное старинное зеркало, которое появилось, когда они поженились, стояло в углу. Казалось, что внутри него горел яркий свет, но она знала, что это невозможно, потому что свет в спальне не горел.

Из-за стекла донесся голос девочки:

«Пожалуйста, помоги мне, Энни. Ты должна. Он не отпускает меня, и я знаю, что Шоу убивает этих бедных женщин. Он был хорошим мальчиком, мне нужно, чтобы ты помогла мне остановить его, а потом ты должна освободить меня. Я больше не хочу жить с человеком-тенью. Я хочу быть свободной и выйти на свет, чтобы увидеть свою маму».

Пронзительный крик заставил Энни очнуться ото сна и резко выпрямиться. Что-то было не так. Она спустила ноги с кровати и схватила первое, что попало под руку, это оказалась ее электронная книга.

— Как мило Энни, ты собираешься почитать этому противному человеку книгу?

Запах вернулся, и он стал таким сильным, что ее затошнило. Поднеся руку к носу и рту, она прикрыла их, как могла, и толкнула дверь своей спальни. Энни прибывала в ужасе, но у нее нет выбора, она должна посмотреть в зеркало.

Когда ее пальцы коснулись выключателя, она посмотрела в сторону угла комнаты, где стояло зеркало, и почувствовала, что ее колени угрожают подогнуться. Яркого света не было,

но она увидела два красных луча света, либо отраженных в стекле, либо внутри стекла, светящихся красным. Два глаза, а потом они исчезли.

Она щелкнула выключателем, и свет озарил комнату. В ней никого не оказалось, ни ребенка, ни вонючего мужчины, ни животного с горящими красными глазами. Была только она и этот ужасный запах. Энни стало интересно, не забралось ли сюда какое-нибудь животное, пока дом стоял пустой и возможно этот запах исходит от его разлагающегося тела.

Ей нужен мужчина, чтобы на всякий случай пошарить под половицами и за шкафами. Завтра она будет особенно мила с Джейком в надежде, что он не откажется и зайдет проверить дом.

Как бы она ни была упряма, ей не хотелось найти в своем доме половину гниющего голубя. Вид мертвых людей, с которыми она могла справиться, пока они не были слишком жуткими не сильно страшил ее, но мертвые животные пугали.

Энни решила не думать про эти два красных глаза, иначе она никогда больше не будет спать в своем собственном доме. Она вошла в свою спальню и закрыла дверь. Забираясь обратно в кровать, она помолилась, от чего ей стало легче. Но она понимала, что, кем бы ни был этот ребенок, ему нужна помощь, и Энни лучше найти способ это сделать, потому что девочка начинала ее пугать.

Бедняжка хотела вернуться к маме, и Энни размышляла, как давно она умерла. Ее одежда не выглядела такой уж старомодной, но, с другой стороны, Энни не особо разбиралась в детской моде. Она вспомнила оставленную девочкой пластиковую игрушку, которую бросила в ящик. Если бы она могла узнать, что это за персонаж или в каком фильме он присутствовал, это стало бы началом.

Уилл вошел в свой пустой дом, как же это ему не нравилось. Он так привык к тому, что Энни здесь, что теперь казалось странным ее отсутствие. Заперев входную дверь, отнес свои пластиковые контейнеры на кухню, где принялся высыпать их содержимое на тарелку, за исключением салата, и поставил ее в микроволновую печь.

Взбежав наверх, он разделся, а затем пошел в ванную, где принял самый быстрый душ в своей жизни за три минуты. Вытерся насухо полотенцем и натянул пару чистых боксеров. Было почти одиннадцать, а он только собирался поужинать.

Уилл достал тарелку из микроволновки и сел за стол, чтобы поесть. Алекс был отличным поваром. Он вымыл тарелку, вытер остатки соуса ломтем толстого хлеба с еще более толстым куском масла. Затем достал из холодильника бутылку воды и поднялся наверх, чтобы лечь спать.

Включил айпод, умудрившись переключить плейлисты, прежде чем Адель успела еще раз ткнуть его носом. Бросившись на кровать, он снова подумал о Лоре, а потом об Энни. Уилл задавался вопросом, сможет ли она использовать свой дар и поговорить с Лорой, как с другими мертвецами, с которыми она разговаривала.

Только представьте, если бы Лора могла как-то общаться с ней, это было бы потрясающе. Она могла бы даже рассказать Энни, что произошло, и сэкономить месяцы расследования.

Затем он понял, что Энни, вероятно, будет последним человеком, с которым она заговорит, если такое вообще возможно. Уилл не может просто пойти и попросить ее попытаться связаться с мертвым духом женщины, которая внесла разлад в их отношения.

Энни, вероятно, ударила бы его по яйцам за то, что он даже подумал об этом, как это случилось в том фильме «Призрак» с Вупи Голдберг.

«Это был фильм, вот ты дебил. А это реальная жизнь». Тем не менее, возможно, стоило попросить Джейка спросить Энни, потому что они оба знали, что Джейк был очень грубым и прямолинейным, что она вряд ли на него обидится.

VI

Мальчишку-фотографа мне найти не удалось. Видимо, вездесущий репортёр впервые решил воспользоваться сторонней помощью, и его юный протеже ещё не успел попасть в полицейские картотеки.

Никаких конкретных догадок о личности отправителя у меня по-прежнему не было, поэтому я решил дождаться ещё одного письма. И оно пришло.

Четыре новых файла. Очередные элементы головоломки. В каждом из них было много воды, но кое-что почерпнуть всё же удалось.

Призрак Софи добрался до Уиндермира. Любопытно. Я думал, что призрак должен быть привязан к месту смерти, но оказалось, что остатки её сущности вполне могут путешествовать на небольшие расстояния. Интересно, как с этим связаны кладбища? Может, это какая-то система порталов?

Также в тексте упоминалось вскользь, что убийца часто работает в паре с другом Энни. Было бы логично предположить, что именно он должен первым догадаться, кто скрывается под маской напарника. Хотя я сомневался, что обычный констебль сможет проявить себя как детектив. Хороший парень — не профессия.

Как я и думал, маньяк не мог не воспользоваться шансом, вернуться на место преступления. Ему вновь удалось обвести всех вокруг пальца. А раз так, то след от его ботинка можно смело убирать из списка вещдоков. Умно.

Подтвердился мотив убийцы — все же месть священнику. Он считал его виновным в двойном убийстве. Оставалось непонятным только, как оборотень в погонах собирается разрушить алиби настоятеля. Хотя, учитывая, что убийство произошло в незапланированном месте, я был готов поставить на то, что безумец решится на новое преступление.

Что меня действительно порадовало, так это обширный флешбек, полностью раскрывающий все обстоятельства дня смерти Софи. Много подробностей о «вонючке». Отдаленно его описание мне напомнило вымышленных дементоров из книжек про Гарри Поттера.

Упоминалось, что справиться с ним в детстве отцу Джону помогла некая подруга матери, которая была экстрасенсом. Жива ли она сейчас? И сможет ли священник вспомнить её имя?

Она утверждала, что дом, где всё произошло, превратился в портал в ад. Забавно. Это слово уже мелькало у меня в голове. Чертовщина какая-то.

Фильм «Восставший из ада» вышел только в 1987 году, поэтому неудивительно, что отец Джон забыл про чердак при освящении дома. А жаль. Хотя я не мог обвинить его в разгильдяйстве. Далеко не каждый сможет сохранить трезвость мысли после тех испытаний, что выпали на его долю.

Ужас. Искушение. Одержимость. Я поёжился, когда читал описание смерти девочки. Пожалуй, в той ситуации поседел бы любой. Дети, предчувствующие свою смерть — это жутко.

Заключительный фрагмент опроверг одно из моих ранних предположений. Энни удостоил своего внимания не убийца, а сам человек-тень. Зачем? Помешать ей помочь призраку Софи окончательно упокоится, или не дать остановиться маньяка, чьё имя было открыто названо? А, может, всё сразу? Вряд ли это тот же самый дом, в котором произошли события в прошлом. Значит, «вонючка» тоже не привязан к месту, что делало его ещё более злоеущим.

Завтра — новые детали. Ждать оставалось недолго.

Отец Джон не мог успокоиться, ему не нравилось находиться так далеко от своей церкви. Он знал, что это часть его работы — замещать священника в нуждающемся приходе. За эти годы он переезжал больше раз, чем хотел бы помнить, но чувствовал, что должен быть там, у себя дома. Особенно после обнаружения тела другой женщины на территории его церкви. Была ли какая-то связь у этих убийств с ним или это просто совпадение? И тот, кто их убивал, либо любил, либо ненавидел католические церкви?

Ему предстояло еще неделю служить специальные мессы, провести трое похорон и свадьбу дочери известного бизнесмена, так что пока он не мог вернуться домой, если бы даже хотел.

Позже он позвонит своему племяннику Райану, чтобы узнать, рассказала ли ему полиция что-нибудь о том, что происходит. Он был удивлен, что Райан еще не позвонил, чтобы сообщить ему о мертвой женщине, но, с другой стороны, он мог даже не знать об этом.

Райан жил жизнью, о которой Джон мог только мечтать в молодости. Часто останавливался в гостях у какой-нибудь девушки или приятеля, иногда не возвращаясь домой по нескольку дней. Это действительно вызвало у Джона немного зависти, но он мог справиться с этим. Он все равно уже смирился со своим образом жизни, или так ему нравилось убеждать себя.

Единственной женщиной, которую он когда-либо по-настоящему любил, была Бет, и она потрясла его веру до глубины души. Не раз он спрашивал Бога, не нарочно ли он забрал ее у него. Он все еще ждал ответа, который, как думал, не получит в ближайшее время. С годами Джон научился прощать и забывать.

Никогда больше он не смотрел на другую женщину с намеком на страсть из страха, что Бог поразит их. Он не хотел жить с еще одним чувством вины за смерть другого человека.

Джон лежал в постели и думал о том роковом дне в 1984 году. Он был молод и очень наивен, но все, чего он хотел, — это помочь, а не навредить. Софи была таким прекрасным ребенком, но ему не удалось спасти ее от человека-тени.

Джон вздрогнул, мысль об этой темной фигуре наполнила его ужасом. До сих пор он не мог выносить запах вареной цветной капусты. Если эта тварь когда-нибудь вернется снова, Джон прогонит ее навсегда. Он обратится за помощью к отцу Бобу, и вместе они отправят его туда, откуда он пришел.

Громкий удар, когда деревянное распятие, висевшее над его головой, упало на пол, заставил Джона вскочить с кровати. Оно едва не попало ему в голову. Как, черт возьми, это случилось? Его сердце начало бешено колотиться, когда он наклонился, чтобы поднять крест. Повертев его в руках, он не заметил, что оно сломано, поэтому повесил обратно на гвоздь и подождал, не повторится ли это снова.

Он начал читать свои молитвы и смотрел на распятие, но ничего не случилось. Со вздохом Джон вернулся в постель. Происходило что-то нехорошее, и он слишком боялся узнать, что именно.

Он пришел домой с работы, налил себе ванну и оставался в ней почти час, доливая горячую воду всякий раз, когда она начинала остывать. Сегодняшний день стал даже лучше,

чем он мог себе представить, и он прокручивал в голове каждую его минуту.

Ему нужно выбрать следующую жертву, нет никакого смысла устраивать перерыв. Он хотел сделать это, пока полицейские по уши увязли в раскрытии первых двух убийств. Не стоит давать им никакой передышки. Убийства превращались в игру, и он начинал думать, что сможет выиграть, если сохранит хладнокровие и будет следовать основным правилам, которые установил.

Весь день он пытался придумать благовидный предлог, чтобы пойти в офис уголовного розыска, и потерпел неудачу. Завтра он предложит свою помощь в обходе домов, скажет, что хочет помочь. Они с радостью принимали любую помощь из-за недостатка сотрудников, поэтому никто ничего не заподозрит.

Обтерев себя полотенцем, он голышом зашел в свой кабинет и взял последние фотографии Лоры. Он долго изучал ее. Она была красива и оставалась такой даже после смерти.

Приколол снимки к ее доске, очень гордясь тем, чего ему удалось достичь, и теперь пришло время начать операцию «Анаэль».

Он повернулся к третьей доске, которая была пуста, но в ближайшие несколько дней она заполнится, чтобы соответствовать двум другим. У него уже имелась девушка на примете. Он обратил на нее внимание, когда наблюдал за Лорой. Она работала в парикмахерской под ее квартирой, и он был немного в нее влюблен.

На вид ей около двадцати одного года, и у нее красивые длинные светлые волосы. Он понял, что они не натуральные, когда увидел ее сидящей в кресле, с краской на голове, листающей страницы журнала. Но для него она все равно казалась совершенной.

Открыв шкаф, он уставился на два висящих в нем костюма. Протянув руку, погладил рукав пиджака Лоры, и почувствовал запах ее духов. Он вдохнул:

— Спокойной ночи, дамы.

Захлопнул дверь и пошел в свою спальню через холл. Пора отдохнуть. Последние две недели двойной жизни сильно его вымотали.

Вскоре он уже лежал под одеялом. Он не заметил маленькую девочку, стоявшую с краю его кровати, ее глаза были влажными от слез. Если бы он это сделал, то, вероятно, никогда бы больше не убил, но он не мог видеть ее, хотя она часто его навещала.

Он видел черную тень, которая никогда не отставала, с ее жуткими красными глазами, но не боялся. Он знал ее с давних пор. Это был человек-тень, который пугал Софи в дни перед ее смертью. Он говорил с ним несколько недель назад и сказал, что, если Шон хочет освободить душу Софи, он должен убить священника.

Шон уже некоторое время обдумывал это, но он начал свой собственный план мести отцу Джону и не отступит от него, пока не убедится, что тот завершен. Только тогда Шон убьет священника в одной из его любимых церквей, под бдительным оком Бога. Он принесет душу священника в жертву человеку-тени и освободит Софи.

Следует действовать осторожней, ведь убийство Лоры вызовет огромный резонанс. Завтра о ее смерти сообщат во всех местных средствах массовой информации, вероятно даже, эта новость станет национальной. Шон мог бы стать знаменит, но он убивал не ради славы. Он делал это, чтобы убедиться, что священник пожалеет, что вообще повстречал семью Шона.

Шон провел руками по голове и усмехнулся: волос было немного, но завтра он пойдет подстричься и подружится со своей следующей жертвой. Он повернулся на бок и улыбнулся

про себя, удивительное чувство, когда все идет по плану.

Энни провела два выходных дня в саду, читая и почти ничего не делая. Она вытащила шезлонг из сарая и чувствовала себя обязанной им воспользоваться.

Погода стояла великолепная, уже целую неделю было солнечно и сухо, что было рекордом. Запрет на шланги скоро вступит в силу, хотя в прошлом году дождь шел триста шестьдесят дней.

Она растянулась в шезлонге в шортах и топе с бретельками и надеялась, что Джейк не появится с кем-нибудь на буксире, желая выпить чего-нибудь холодного и спрятаться на некоторое время от публики. Ее смены изменились, и она больше не работала точно так же, как он.

Энни старалась себя занять, чтобы не думать об Уилле, но он прокрадывался в ее мысли, когда она меньше всего этого ожидала. Если он появится завтра и попросит у нее прощения, она уступит и скажет «да», но сама не сделает первого шага, она слишком упряма.

Она задавалась вопросом, не готов ли он уже двигаться дальше. Энни конечно не думала, что у него имелось время на это сейчас, но на работе всегда найдется кто-то, готовый предложить немного комфорта и постель, чтобы разделить с ним. Она зарычала и, не глядя, швырнула книгу, которую читала.

— Ты так встречаешь всех своих гостей?

В ужасе она сдвинула солнцезащитные очки на макушку и увидела Уилла, стоящего там и держащего книгу, которую она только что запустила.

— Извини, я не заметила тебя и не слышала, как ты вошел, если честно.

— О, тогда все в порядке. Есть ли какая-то особая причина, по которой ты бросила ее сейчас, или мне просто не повезло оказаться не в то время не в том месте?

Она рассмеялась.

— Просто отрабатываю навыки метания, никогда не знаешь, когда они могут понадобиться. В любом случае, что привело тебя сюда?

— Мне просто нужно было немного передохнуть, прежде чем я снова пойду обыскивать квартиру Лоры, на случай, не упустили ли мы что-нибудь. Ты в последнее время общалась с Грейс?

— Я говорила с ней на прошлой неделе, она очень взволнована своим отпуском. Ты собираешься ей позвонить?

Он подтащил один из чугунных садовых стульев и сел рядом с ней. Энни начала теревить свой топ, сожалея что не захватила с собой футболку на всякий случай.

— Хочу, мне нужна помощь сейчас, но неловко беспокоить ее, пока она отдыхает.

— Да ладно, Уилл. Мы с тобой оба знаем, что она убьет тебя, если ты этого не сделаешь. Ей нравится ее работа, и она отчаянно пыталась доказать всем, насколько она хороша, но в прошлый раз у нее не было шанса.

— Ты думаешь, мне следует с ней связаться?

— Да, почему бы тебе не отправить ей по электронной почте копии всех отчетов по делу? Ты поэтому пришел навестить меня, хотел, чтобы я заставила тебя чувствовать себя менее виноватым из-за того, что прерываешь ее отпуск?

— Конечно, нет, я проходил мимо, увидел твою машину и просто хотел проверить, все ли с тобой в порядке.

Энни мысленно умоляла его сказать, что он тоже не может жить без нее и очень хочет начать все сначала.

— Спасибо, со мной все в порядке, я почти ничего не делала, только выдернула несколько сорняков и позагорала. Завтра возвращаюсь на работу. А у тебя наверняка не будет выходного, пока все это немного не успокоится. Есть какие-нибудь зацепки? Джейк сказал, что вы не смогли отследить мужчину, с которым Лора ушла из паба. Это, мягко говоря, подозрительно, почему бы ему не признаться, если он невиновен?

— Не знаю, он либо уехал из города, либо скрывается от нас. Все офисы такси и спортивные залы мы проверили. В одном из залов подумали, что узнали его, но не из-за того, что он ходил к ним, в любом случае они не смогли назвать его имя, или где он жил или работал. Между нами говоря, это превращается в полную катастрофу. Я в ужасе от того, что кто бы это ни был, у него уже есть следующая жертва, и я ничего не могу сделать, чтобы его остановить.

— А как насчет церкви? Должна же быть какая-то связь, тебе не кажется? Я не понимаю, зачем убийце понадобилось класть голую мертвую женщину на могилу и делать вид, что она спит. Я серьезно думаю, что это довольно странно, Уилл.

— И не говори. Католическая церковь и священник — мужчина по имени Джон Трелмейн был в городе и сообщил о первом найденном теле. Но его послали в Уиндермир, чтобы заменить коллегу, который заболел, поэтому его даже не было здесь, когда обнаружили Лору. Стью и Лора говорили с ним и взяли показания после того, как было найдено первое тело. Оба сказали, что он искренне огорчен тем, что произошло. По словам Лоры, он хороший человек, и она не думала, что он имеет к этому какое-то отношение. Я хотел попросить тебя поговорить с ним в следующий раз, когда будешь на дежурстве. Узнай, может он предполагает какую-нибудь причину, по которой церковь Святой Мэри используется в качестве свалки для трупов. Поболтай с ним по-дружески и выясни может у него есть сумасшедшие прихожане, которых он расстроил, или кто-нибудь точит на него зуб.

— Думаешь, он может быть убийцей?

— О боже, нет, надеюсь, что нет. Если бы я в это действительно верил, ни за что бы не попросил тебя поговорить с ним. Я не стал бы никогда сознательно подвергать тебя опасности, Энни. Ему за шестьдесят, я помню его по похоронам, на которых был в прошлом году. Он вернулся на поминки и был очень мил. Мы все смеялись, и несколько пожилых женщин явно вождедели его. Я просто надеюсь, что он что-нибудь вспомнит и возможно укажет на прихожанина-психопата.

— Я заеду к нему завтра, как только поговорю с ним, позвоню тебе. — Энни встала. — Зайди в дом, и я налью тебе холодного лимонада, твой костюм из полиэстера, должно быть, заставляет гореть изнутри.

Она подмигнула ему, и он рассмеялся, следуя за ней в гораздо более прохладную кухню, где она открыла дверцу холодильника и достала кувшин, наполненный свежими фруктами и соком. Энни наполнила два стакана льдом и налила в них лимонад.

— Немного необычно для тебя, я ожидал, что ты бросишь мне банку кока-колы.

— Я знаешь ли, учусь. На самом деле я списала рецепт у одной милой женщины, с которой познакомился в лодочном клубе в Боунессе. Ее муж пригласил меня на самую красивую яхту, какую я когда-либо видела, а потом она достала такой кувшин лимонада, и это было божественно. Знаешь, хотя они явно богаты, они оказались такими милыми и нормальными, и не вели себя как снобы.

— Посмотри на себя, ты уже общаешься с богатыми и состоятельными, а пробыла там всего пару недель. Я так понимаю, ты наслаждаешься этим, и совсем не скучаешь по субботним ночным дракам.

— Да, до сих пор так и было. Там прекрасно и гораздо более культурно, чем в Барроу в субботу вечером. Думаю, я поступила правильно.

Она увидела, как щеки Уилла вспыхнули красными полосами, и почувствовала легкий вздох облегчения внутри себя. Он действительно чувствует себя плохо из-за случившегося, так что это должно быть хорошим знаком, верно?

— Мне жаль, что тебя вынудили перевестись. Это не делает ситуацию лучше, но, если бы ты ушла из-за меня и возненавидела новое место, я бы чувствовал себя еще более дерьмово, чем сейчас. По крайней мере, это единственное, чем я могу успокоить свою совесть. — Он допил свой напиток и сполоснул стакан в раковине. — Мне лучше идти, я и так слишком долго откладывал. Спасибо, Энни, было приятно снова тебя увидеть.

Он повернулся, чтобы уйти, и Энни почувствовала, как у нее упало сердце. «Рад видеть». Черт возьми, это лучшее, что он смог придумать? Мысленно она хотела, чтобы он целовал ее и не останавливался. Она проводила его до двери:

— Пока, Уилл, будь осторожен. Я позвоню тебе после того, как поговорю со священником.

Он кивнул, повернулся и пошел по тропинке, но его плечи были опущены, и шел он медленно. Энни выругала себя за резкость, но закрыла дверь, прежде чем побежать за ним. Почему жизнь должна быть такой тяжелой?

Когда она вошла в кухню, дрожь пробежала по ее спине, заставив кожу покрыться мурашками. Энни увидела девочку, стоящую рядом с ее шезлонгом, и выбежала к ней из двери:

— Подожди, пожалуйста, мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста, не уходи.

Образ девочки заколебался в солнечном свете, как мираж, а затем с рябью она исчезла.

Энни больше не чувствовала, будто ее тело в огне. Вместо этого она ощутила, как ее внутренности заледенели. Она посмотрела на шезлонг и увидела пластиковую фигурку, которую положила в ящик. Полотняная ткань была холодной на ощупь, но она села, вцепившись в фигурку, боясь вернуться в свой дом на случай, если к ней придут гости не из этой жизни.

Ей следовало бы попросить Уилла вернуться и проверить спальни, но в глубине души она знала, что запах исходил не от мертвой птицы или мыши. Запах принадлежал чему-то плохому до глубины души, но Энни не хотела слишком сильно думать об этом, потому что ей все еще нужно идти в дом одной и спать там.

Она легла на спину и зажмурилась, стараясь не думать о мертвой девочке. Хотя была одна хорошая вещь, Уилл ведь мог попросить кого угодно пойти и поговорить со священником. Он мог даже послать Стью, чтобы сделать это, потому что тот говорил с ним раньше. Но он использовал это как предлог, чтобы прийти и увидеть ее. И Энни была благодарна, потому что теперь это давало ей повод поддерживать с ним контакт. Пусть даже просто на профессиональном уровне.

С его стороны очень мило дать ей время и пространство, чтобы все обдумать, но, похоже, он чувствовал то же самое, что и она. Гордость была такой болезненной вещью, и ей хотелось забыть о том, что произошло, и начать все сначала.

Уилл ехал в квартиру Лоры с тяжелым сердцем. Встреча с Энни, когда он с трудом сдерживал себя, стараясь не умолять ее вернуться к нему, а теперь еще и это.

До сих пор он избегал приходить сюда, посылая Стью вместе с несколькими офицерами оперативной группы для тщательного поиска любых улик.

Детектив-инспектор возвращался завтра со свадьбы своей дочери, и он ожидал, что уголовный розыск Кендала возьмет на себя ведение дела. Но у них, по их собственным словам, не хватало персонала, и они по уши завязли в своих собственных делах. Уоркингтон оказался в аналогичной ситуации, поэтому он долго беседовал с главным суперинтендантом о том, смогут ли они вести оба дела без посторонней помощи.

В каком-то смысле Уилл был бы рад передать все это кому-то другому, но в таком случае он бы не знал, что делать с собой. Это свело бы его с ума, пытайся он искать мелких грабителей, когда другая команда раскрывала бы его убийства. И они были его, потому что Уилл чувствовал себя частично ответственным за смерть Лоры.

Поэтому он сказал суперинтенданту, что до тех пор, пока он сможет расследовать эти дела в полную силу и со всем профессионализмом, он очень хотел бы быть ведущим детективом. Ну, пока они не поймают ублюдка или Уилл не сломается и у него не случится нервный срыв.

Он оказался возле квартиры Лоры и припарковался. На противоположной стороне улицы стояла патрульная машина. Уилл вышел из машины и подошел к ней. Шон сидел внутри, наклонив голову, и что-то писал в блокноте.

Уилл постучал в окно, и Шон заметно подпрыгнул, его лицо побледнело, и Уилл рассмеялся, когда Шон опустил окно:

— Черт возьми, Шон, ты же должен быть бесстрашным полицейским. Я мог бы оказаться старой леди, желающей узнать дорогу. Что ты собирался сделать, вытащив свой электрошокер, напасть на меня?

Шон захлопнул блокнот и положил его на пассажирское сиденье.

— Ты довел меня до сердечного приступа. Я немного задумался. Хотел убедиться, что мой журнал заполнен как полагается. Кав выборочно проверяет их в конце каждой смены. Смити не заполнял три дня, и он заставил его остаться, чтобы заполнить полностью. Смити был в бешенстве. По его словам, у него сорвалось горячее свидание, на которое он опоздал.

— Держу пари, что так оно и было, узнаю старого доброго Кава. Я заехал проверить квартиру Лоры еще раз, чтобы убедиться, что мы ничего не пропустили.

Шон выглядел серьезным:

— Это ужасно, бедная Лора. Надеюсь, вы поймаете ублюдка, который это сделал.

Уилл кивнул:

— О, я сделаю это, я обещал ей, что сделаю. Мне все равно, сколько времени это займет, я найду его и отдам в руки правосудия.

— Удачи, мне уже пора. Куча дерьмовой работы, которую еще придется сделать.

Уилл повернулся и направился к маленькой двери сбоку от парикмахерской. Он заглянул внутрь, в салоне было полно народу. Парикмахер с длинными вьющимися волосами посмотрела на него и улыбнулась; он улыбнулся в ответ и пошел к двери квартиры.

Шона трясло так сильно, что в голове помутилось, и он подумал, что сейчас потеряет сознание. Он отъехал на небольшое расстояние и припарковался у итальянского ресторана, который открывался только в пять.

Он злился на себя за то, что был так беспечен. Он должен был заметить, как Уилл припарковался, а не позволять ему застать за тем, как он откровенно делал заметки о парикмахерской и девушках, которые там работали.

Уилл вел себя как обычно, и Шон не думал, что тот мог видеть то, что он писал. Уилл похоже не придавал их встрече никакого значения. По крайней мере, если он проверит, то увидит, что Шон дежурил в центре города, так что, если Уилл спросит Кава о нем, все будет в порядке, но это все равно нервировало.

Слишком сильно запаниковав, он начал глубоко дышать, пытаясь взять себя в руки. Уилл не имел ни малейшего понятия, и все они были так сосредоточены на поиске крупного парня, с которым ушла Лора, что даже не рассматривали других подозреваемых. Эта маленькая неожиданная деталь очень хорошо сработала в его пользу.

Он, наконец, начал контролировать свою дрожь, и живот перестало сводить от страха. Рация ожила, когда оператор диспетчерской передал ему информацию о магазинном воришке в Дебенхэме.

Хорошо, он сможет сосредоточиться на работе и на время забыть обо всем остальном. Он сказал, что практически находится на месте преступления, и завернул за угол к заднему входу в магазин, который был любим почти каждым магазинным воришкой в городе.

Мужчина лет тридцати с небольшим выбежал из двери, и Шон выскочив из машины, схватил его, прежде чем тот смог это даже понять. Мужчина попытался вырваться из хватки Шона, но потом понял, насколько он проигрывает в размерах, остановился как вкопанный и протянул запястья.

— Вот хороший мальчик, Микки. Ты же знаешь, в этом есть смысл, сейчас слишком жарко, чтобы драться.

Воришка, на которого через несколько секунд надели наручники, закатил глаза.

— Я вас всех ненавижу, вы все время где-то прячетесь. Неужели больше нечем заняться? Шон начал смеяться.

— И что именно ты делал в этом магазине последние десять минут?

Охранник, который вышел вслед за мужчиной, посмотрел на Шона:

— Он взял две бутылки лосьона после бритья, засунул их себе под рубашку.

Шон похлопал Микки по спине и нащупал две квадратные коробки на поясе брюк.

— Вытаскивай их, я не собираюсь совать туда руки.

Он наблюдал, как тот изо всех сил пытается поднять рубашку со скованными руками; в конце концов ему это удалось, и он передал бутылки Шону.

— Сегодня слишком жарко, чтобы оказаться под арестом. Если я признаю вину, вы меня оформите и выпустите?

— Совершенно очевидно, что ты виновен, но да, ты прав, сейчас слишком жарко, чтобы торчать в участке несколько часов, и я не о тебе. Я думаю о себе. — Шон подвел его к патрульной машине, открыл заднюю дверцу и втолкнул внутрь.

Энни крепко спала и звонок будильника на ее телефоне стал неожиданным. Она открыла глаза и почувствовала себя совершенно отдохнувшей. Рядом с ней не пахло ничем плохим, и девочка ее не навещала. Энни встала с кровати и пошла в душ.

В доме было влажно, предстоял еще один жаркий день. Нет никакого смысла накладывать много косметики или тратить время на прическу. Через двадцать минут после того, как она будет на работе и наденет униформу, макияж потечет, и ее волосы превратятся в мокрый, потный беспорядок – очень мило.

Она любила лето, но не тогда, когда работала десятичасовую смену. Зима была гораздо лучше для ее внешности.

Энни спустилась вниз, чтобы приготовить миску хлопьев, затем упаковала в контейнер обед с собой, взяла бутылку холодной воды из холодильника, вышла из дома, и села в машину. Внутри было душно, поэтому она нажала на кнопку, чтобы опустить крышу.

Ее поездка на работу проходила через одни из лучших сельских районов Англии, и ей никогда не надоедали виды. Добравшись до Боунесса, она поехала медленнее, на улицах царило оживление. Много туристов и машин.

Доехав до участка, Энни вышла из машины, планируя посетить церковь в первую очередь этим утром, независимо от того, какие задания для нее приготовили в диспетчерской.

Когда она открыла дверь, ее встретил аромат подгоревших тостов. Энни последовала за ним на кухню, где увидела полицейского, размахивающего журналом, и офицера, открывающего и закрывающего крошечное кухонное окно.

— Вы двое так же хороши в кулинарии, как и я, — улыбнулась Энни.

Они оба кивнули.

— Этот придурок сказал, что в этом тостере нельзя сжечь тосты, он уверял, что в нем есть специальная кнопка отключения. Разве не так, Эрик?

Энни посмотрела на обычный тостер из нержавеющей стали.

— Тебе это приснилось прошлой ночью? Этому тостеру почти столько же лет, как и мне.

Появились еще два ломтика сгоревшего тоста, и все трое рассмеялись. Она оставила их наедине и пошла в раздевалку, чтобы надеть свой комплект. Застегнула молнию на бронежилете, затем натянула тяжелый черный пояс вокруг талии. Технически пояс ей не особо был нужен из-за новых современных жилетов, но она находила их достаточно тяжелыми, плюс добавьте к ним дубинку, наручники и газовый баллончик. Не говоря уже об ассортименте прекрасных книг, ручек, латексных перчаток и аптечки первой помощи.

Энни была готова к любым неожиданностям. Ну, почти. Она отказалась от тренировки с электрошокером, которую так хотели пройти некоторые ее коллеги. Она от природы отличалась неуклюжестью и имела не самый лучший послужной список, когда дело касалось безопасности.

Джейк был убежден, что единственными людьми, в которых она действительно ударит током, будут либо он, либо она, возможно, оба одновременно, но определенно не цель.

Взяв шляпу с верхней полки своего шкафчика, она пошла обратно по коридору и вышла из участка. Запах подгоревших тостов преследовал ее.

Церковь находилась в нескольких минутах ходьбы от участка, и она надеялась, что священник дома, если нет, то она постучит в соседнюю дверь.

Если бы у Энни было достаточно денег, она хотела бы купить старую церковь и перестроить ее в дом. В церквях было что-то настолько умиротворяющее, что, возможно, живя в доме, который когда-то принадлежал Богу, будет легче смириться с бременностью этой жизни.

Автобус за автобусом проезжали японские туристы, кивая головами и отчаянно размахивая руками. Она помахала в ответ и ухмыльнулась, Кав, черт возьми, возненавидел бы службу здесь, потому что он не очень-то любил людей. Энни, напротив, нравилась эта суэта; на самом деле она начинала любить ее.

Она подошла к старым деревянным воротам, ведущим на церковный двор, прошла через них по дорожке к церкви и попробовала ручку двери. Дверь оказалась заперта. Энни обошла церковь с тыльной стороны на случай, если священник решил прогуляться в такое прекрасное утро. Никого не было видно, поэтому она вышла за ворота и прошла небольшое расстояние до пресвитерии.

Это было красивое здание, построенное в том же стиле, что и церковь, из известняка, который, должно быть, был добыт в местном карьере. Священникам можно отчасти позавидовать. Посвятив свою жизнь Богу, они получили самые удивительные здания, в которых можно жить и называть их домом!

Она открыла калитку поменьше и ступила на дорожку, воздух наполнился ароматом старых английских роз, он был прекрасен, как и сад перед домом. Энни остановилась рядом с кустом, полным бледно-розовых цветов, поднесла один из цветков к носу, аромат был божественным.

— Сложно не остановиться и не понюхать? Я делаю это каждый раз, когда вхожу в ворота и выхожу из них, и не думаю, что когда-нибудь устану от этого.

Энни обернулась и увидела мужчину с копной густых серебристых волос и голубыми глазами с морщинками, стоящего на крыльце дома. На нем были джинсовые шорты до колена и выцветшая футболка «Роллинг Стоунз», кроссовки и никаких носков.

— Они великолепны, не думаю, что вы знаете их название. Я бы с удовольствием посадила такие у себя в саду.

— Не знаю, но думаю, что отец Саймон мог бы, он сейчас в больнице, но вы всегда можете спросить его, когда он вернется. Уверен, он обрадуется посетителю, который не пришел узнать, чья очередь расставлять церковные цветы. — Он подмигнул ей, и Энни рассмеялась.

— Возможно, я так и сделаю.

— Пожалуйста, простите меня, я мешаю вам выполнять свои обязанности. Уверен, что вы пришли не для того, чтобы обсуждать розы. У вас есть более неотложные дела?

— Я ищу отца Джона Трелмейна, мне просто нужно с ним переговорить.

— Вы бы посоветовали мне сказать, что я — это он, или следует солгать и сказать, что его тоже сейчас нет?

— Я бы предпочла, чтобы вы признались, что вы — это он, вам не о чем беспокоиться, но это действительно важно. У вас есть пять минут?

— Для служителя закона у меня есть все утро, если у меня не будет никаких неприятностей. Пожалуйста, проходите внутрь, и мы сможем поболтать, не обращая слишком много внимания на местных жителей, и внутри гораздо прохладнее. Эти большие

дома прекрасны и прохладны летом, но едва согревают зимой. Все же нельзя иметь все сразу.

Она протянула ему руку.

— Энни Грэм.

Он крепко пожал ее, затем открыл дверь и вошел внутрь. Энни последовала за ним. В зале был красивый оригинальный мозаичный пол и огромный дубовый буфет, украшенный резьбой, изображающей Тайную вечерю. Все было нетронутым и безукоризненным, но потом она предположила, что все так и останется, потому что в этом доме никогда не было детей, которые могли бы причинить какой-либо ущерб. Она последовала за ним на кухню, где посреди комнаты стоял огромный стол.

Он указал на стул.

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Кофе был бы очень кстати, спасибо. Я не пила его сегодня утром, потому что не хотела опаздывать на работу.

Джон рассмеялся:

— Ну, это нехорошо, я не могу позволить вам бегать все утро без кофеина в венах — вы можете не выжить, я бы точно не смог. — Он сделал две кружки кофе и положил несколько шоколадных печений на тарелку, поставив ее на стол перед ней. — Думаю, я догадываюсь, в чем дело, по-моему, три дня назад на кладбище нашли тело еще одной женщины.

Энни взяла свою кружку.

— Спасибо. Да, и, честно говоря, мы все еще не понимаем, почему. Сержант-детектив из Барроу попросил меня приехать и побеседовать с вами, чтобы выяснить, не знаете ли вы чего-нибудь, что могло бы пролить свет на это дело. Есть ли кто-нибудь, кто может затаить обиду на церковь или на вас?

— Наверное, существуют миллионы людей, которые затаили обиду на церковь, религия — это не для всех. Но лично я могу честно поклясться на святой Библии, что, насколько мне известно, у меня нет врагов как таковых. Не поймите меня неправильно, может быть, есть странная ревнивая женщина из Союза матери, которой я не уделял особого внимания, но скажу вам эти женщины даже старше меня. У меня вроде нет прихожан, которые проявляли бы психотические наклонности, если вы об этом думаете. На самом деле их вообще не так уж много. Церковь находится в упадке, и большинство людей, которые потрудились прийти на мессу, моего возраста или старше. Хотя в последнее время наблюдается приток тайцев, которые являются самыми нежными, прекрасными душами, которых я когда-либо встречал. Я бы никогда не указал ни на кого из них. Удивлюсь, если тот, кто убивает этих женщин, когда-либо приходил на церковную службу.

Энни взяла печенье и откусила кусочек, прежде чем отхлебнуть кофе.

— Думаю, что вы, скорее всего правы, возможно, им следует начать проверять местные больницы, чтобы узнать, были ли освобождены какие-либо пациенты, которые увлекаются церковью. Вы знали, что последней жертвой стала офицер полиции?

— Нет, это, должно быть, ужасно для всех вас. Как вы вообще справляетесь с такой трагедией?

— Я не очень хорошо ее знала, но мне жаль ее коллег и друзей. В последний раз ее видели выходящей из паба с мужчиной, личность которого нам пока не удалось установить. — Энни поняла, что у нее нет фотографии этого мужчины, чтобы показать ему. — Черт возьми, не могу поверить, что я не распечатала копию, чтобы вы могли посмотреть, на

случай, если вдруг его узнаете.

Энни поняла, что только что богохульствовала в присутствии священника, но он не выглядел ни в малейшей степени обеспокоенным тем, что она сказала.

— В ближайшие полчаса я собираюсь нанести пару визитов на дом больным прихожанам, но вернусь через два часа, если вы хотите вернуться с фото. Я мог бы попросить экономку приготовить что-нибудь на обед, и вы могли бы посидеть и как следует отдохнуть.

— Если вы не возражаете, это было бы здорово, но не стоит ничего готовить, я не хочу вас беспокоить.

— Энни, мне было бы очень приятно. Ради разнообразия хотелось бы иметь компанию, здесь очень одиноко. Еще приятнее вести разговор, который не вращается вокруг того, как много вы согрешили на этой неделе. Это сводит меня с ума. Да, я священник, и это мое призвание, но у меня тоже есть жизнь. Я люблю читать, слушать рок-н-ролл, и я равнодушен к выдержанному вину, но это между нами. Не хочу запятнать свой имидж столпа общества. — Он снова подмигнул ей, и она улыбнулась.

— Спасибо за кофе и печенье, вы, без сомнения, знаете путь к сердцу девушки.

— К вашим услугам, офицер, — поклонился он.

Энни встала, опечаленная тем, что покидает прохладную, мирную кухню, чтобы встретить палящее солнце. Она могла бы остаться здесь на весь день. Если ей когда-нибудь надоест работать в полиции, она может просто подумать о том, чтобы стать викарием...

— Я буду ждать вас около двух, если вы будете еще заняты, не волнуйтесь. Просто приходите, когда сможете.

Энни прошла по дорожке мимо великолепных роз и направилась обратно в полицейский участок, чтобы написать Уиллу и попросить его прислать копию фотографии Лоры и ее таинственного мужчины.

Уилл закончил последнюю строчку своего письма Грейс, которое перечитал дважды, чтобы убедиться, что все это имеет смысл. Он нажал кнопку «Отправить» и надеялся, что тот, с кем она проводила отпуск, простит его за это. Ведь он просто испортил им отдых.

Он посмотрел на доску, висевшую над столом Лоры. Стол был в том же состоянии, в каком она его оставила. Никто не хотел быть тем, кто соберет ее вещи, поэтому они не сделали этого. Оставили все, включая ее кружку и пустую коробку для ланча.

Фотографии двух убитых женщин были очень похожи. И те что были сделаны при их жизни и большие посмертные.

Они определенно походили друг на друга. Те же длинные светлые волосы, худые, обе красивые, хотя на этих фотографиях красоты было мало, потому что девушки мертвы. Лора все же казалась красивее, но они обе выглядели относительно мирно. Это единственное что служило хоть каким-то утешением. Было бы ужасно, если бы их порезали, как девочек в прошлом году.

Эти образы были последними, что Уилл видел почти каждую ночь перед тем, как закрыть глаза, он никак не мог их забыть.

Уилл прошел в дальний угол комнаты, где стоял чайник, и включил его. Он ждал, когда придет инспектор. Офис был пуст, что радовало. Уиллу нравилась его собственная компания, это давало ему возможность подумать без помех.

Он взял свою кружку с кофе обратно на стол и начал проверять электронную почту.

Пришло письмо от Энни, и у него екнуло сердце. Он открыл его и прочитал. Энни поговорила со священником, и у него определенно не было подозреваемых. Она хотела, чтобы он отправил фотографию таинственного парня по электронной почте, чтобы распечатать и показать ему.

Черт, неужели никто не отправил глобальное электронное письмо с фотографией этого мужчины чтобы посмотреть, узнает ли его кто-нибудь? Уилл как раз нажимал кнопку «Отправить», когда зазвонил телефон, он посмотрел на дисплей и съежился, но тут же ответил:

— Мне очень жаль беспокоить тебя, Грейс.

— Уилл, я не могу в это поверить, и, честно говоря, здесь очень хорошо, но так скучно. Я собиралась прибегнуть к покупке новой книги для чтения, но это намного лучше.

Уилл помолчал.

— О боже, прости, Уилл. Я не сообразила, как это может прозвучать. Бедная Лора, бедный ты, я вернусь домой через три дня, но просмотрю все, что ты мне прислал, и перезвоню тебе, хорошо? Потому что, если нет, я смогу вернуться домой раньше, но как бы то ни было, как только я окажусь в Англии, возьму чистую одежду и сразу же приеду.

— Спасибо, Грейс, это очень любезно с твоей стороны. Надеюсь, я не слишком испортил вам отпуск.

— Не будь мягкотелым, ты же знаешь, я люблю свою работу так же сильно, как ты любишь свою, даже если она берет верх. Я хочу помочь, и рада, что ты меня попросил.

Она закончила разговор, и он почувствовал себя немного лучше, зная, что ее вклад может иметь значение, потому что до сих пор у них не было ни черта.

Церковь стала просто свалкой трупов, Мэтт сказал ему, что девушки умерли в другом месте, о чем говорили пятна на поясице и шее, но их нашли лежащими на боку.

Он просто понятия не имел, с чего начать поиски. Если бы только они могли выследить этого таинственного качка. У Уилла было чувство, что он, возможно, ложно возлагает все свои надежды на этого парня как на убийцу, но это все, что у них имелось до сих пор. Вместе с отпечатком ботинка, про который они не могли ничего сказать наверняка. Вполне вероятно он принадлежал одному из офицеров в форме, которые присутствовал на месте происшествия.

VII

— *А он хорош!* — *восхитился я, просматривая содержимое нового письма. Несмотря на небольшой объём в нём было над чем подумать. Мои слова были направлены в адрес отца Джона, который, не взирая на тяжёлые обстоятельства, был готов сразу же подключиться к расследованию.*

Вся его характеристика говорила о том, что это обычный человек со своими слабостями, но невероятно сильный духом. Это подкупало и внушало оптимизм в отношении будущего католической церкви. Не все его «коллеги» могли похвастаться тем же самым.

Косвенное упоминание «вонючки» лишний раз напомнило о его немислимым способностях. Хотя, по-видимому, с расстоянием они всё же ослабевали. В Уиндермире его сил хватило только на то, чтобы уронить распятие.

Окончательно исчезли все вопросы о мотиве убийцы. Жажда мести Шона и опасения человека-тени, что священник может его остановить, лежали в одной плоскости интересов. Совпадение? Вряд ли. Скорее это было похоже на реализацию долгосрочной стратегии.

Кстати, о Шоне. Мне показалось, что его удивительное везение и безнаказанность слегка вскружили ему голову. Он стал менее осмотрительным, за что и поплатился. Планировать очередное злодеяние на месте прошлого преступления — верх безалаберности. Как правило это означает, что скоро маньяк допустит более серьёзную ошибку, и будет раскрыт.

И, скорее всего, раскроет его Уилл. Он наконец-то взялся за ум и отодвинул всё личное в угоду профессиональной деятельности. У него уже есть кое-какие улики против Шона. Возможно, если каким-то образом его блокнот попадёт в руки детективу, то всё пойдёт быстрее? Тем более, что у детектива не выходят из головы образы жертв. Осталось только взять под наблюдение всех, кто на них похож. Я был уверен, что Грейс поможет ему в этом.

Интересно, почему Шон не может видеть призрак родной сестры? Может быть, его разум уже слишком сильно отравлен «вонючкой»? Мне казалось, что между родными людьми всегда должна присутствовать некая связь. Непонятно.

Дальнейшее развитие событий виделось мне довольно ясно. Энни покажет фото Райана. Отец Джон его опознает и даст добро на обыск пресвитерии. Полиция найдёт тело племянника и, возможно, что-то ещё. Психолог нарисует портрет убийцы и вероятный список жертв. Кольцо вокруг Шона начнёт сжиматься, и он запаникует. Но успеет ли он отнять ещё одну жизнь? Я надеялся, что нет.

Энни сразу же отправилась в пеший патруль после того, как отправила Уиллу электронное письмо. Она не хотела, чтобы кто-нибудь застал ее хандрящей перед компьютером, как влюбленного подростка, ожидающего ответа.

Она хотела произвести хорошее впечатление и познакомиться с местными жителями, и лучший способ сделать это — прогуляться и встретиться с ними. Энни направилась через город к пирсу и лодочному клубу, в этом месте было что-то особенное. А еще оно идеально подходило, чтобы фантазировать о богатстве.

Боунесс сегодня был многолюден. Ее останавливали, чтобы сфотографировать, по крайней мере, шесть раз. Она улыбалась, кивала и продолжала свой путь. Прогулочное судно только что причалило к одному из пирсов, и на берегу находилось довольно много пассажиров, ожидающих посадки. Энни помахала рукой членам команды, которые были заняты на палубе, и они остановились, чтобы помахать в ответ.

Холмы и горы, окружавшие озеро Уиндермир, представляли собой сочную смесь почти всех цветов зеленого, какие только можно себе представить. На спокойной поверхности озера мягко покачивались маленькие гребные лодки и пара парусных яхт. Энни на мгновение остановилась, чтобы полюбоваться видом.

Энни сомневалась, что от подобной красоты она когда-нибудь устанет. Как бы ей хотелось уметь сочинять стихи, чтобы описать эти волшебные места. Но, к сожалению, поэзия никогда не была ее сильной стороной.

— Энни.

Голос ворвался в ее грезы, и она обернулась, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда он донесся. Она улыбнулась, увидев, что Лили направляется к ней.

— Я так рада, что увидела тебя. Хотела узнать, не захочешь ли ты прийти на наше барбекю в пятницу вечером? У Тома возникает неземное желание кремировать каждый кусок мяса в радиусе трех миль, когда солнце светит больше двух дней.

Энни не знала, что сказать, она была тронута тем, что они подумали пригласить ее, но она ненавидела подобные мероприятия.

— С удовольствием, спасибо. Я работаю до шести, но могу прийти позже, если вы не против?

Лили взвизгнула, а затем шагнула вперед и обняла ее.

— Чудесно, отличный повод для тебя познакомиться с местными жителями, а у меня появится прекрасный шанс представить тебя сыну Тома. Я думаю, вы двое действительно поладите.

— Мне нужно что-нибудь с собой принести?

— Тебя самой будет достаточно. Том помешан на покупках, и он обожает опустошать полки супермаркета. Честно говоря, я думаю, это какой-то вид помешательства, но по крайней мере он вполне безобидный.

Энни немного ошеломило приглашение на барбекю. Она не могла вспомнить, когда в последний раз что-то устраивала или куда-то ходила сама. Словно прочитав ее мысли, Лили прошептала:

— И не беспокойся о наряде, одежда не делает человека. Ты можешь одеваться с головы до ног в «Шанель» и быть стервой, или же носить «Примарк» и сверкать, как бриллиант.

Поверь мне, я знаю, просто будь собой и не волнуйся, что кто-то лучше тебя. Мы все одинаковы, только у каждого из нас есть свой путь в жизни. Некоторые усердно трудятся, а другие получают все на блюдечке.

Они направились в сторону лодочного клуба, и Лили продолжала разговаривать без умолку.

— Если у нас будет возможность поболтать в пятницу вечером, я поведаю тебе свои секреты и расскажу, как вышла замуж за Тома. Понимаю, как это выглядит, потому что он намного старше меня, но никакого расчета. Я полюбила бы Тома, если бы даже он жил в палатке на вершине горы. Не пойми меня неправильно, я ненавижу походы, но люблю его так сильно, что не имеет значения, где бы мы жили.

Энни поймала себя на том, что улыбается. Лили была веселой и милой, и они болтали о том о сем, пока не добрались до лодки Тома.

— Пожалуйста, поднимайся и выпей, и пусть Том немного наскучит тебе, пока я спрячу свои покупки. — Энни последовала за ней по трапу на лодку.

Том был под палубой и улыбнулся, увидев их обеих.

— Чему обязан таким удовольствием?

Лили хлопнула его по руке.

— Энни как раз направлялась сюда, она сказала, что не может дождаться, когда снова увидит твою лодку. — С хитрой усмешкой Лили сбегала по ступенькам на камбуз, оставив ее с Томом.

— Лили пригласила тебя на нашу вечеринку в пятницу?

— Да, спасибо. Я с нетерпением жду этого.

— Рад слышать. Это даст тебе возможность кое с кем познакомиться. — Он понизил голос. — Думаю, что Лили настроена сватать тебя моему сыну, так что не обижайся. Просто скажи ей, чтобы не лезла не в свое дело, если она начнет сводить тебя с ума.

Появилась Лили с еще одним кувшином, наполненным соком и фруктами.

— Безалкогольный «Пиммс».

Энни не могла обижаться на Лили, та была слишком добра. И попытки Лили устроить ее личную жизнь казались очень милыми, но Энни была настроена против всех мужчин, ну, почти всех.

Она допила свой напиток и попрощалась. У одного из ювелиров был задержан магазинный воришка, поэтому она направилась обратно на холм к магазину.

Энни вошла и с удивлением увидела маленькую старушку, сидящую на стуле со стаканом воды в руке, и охранника, стоящего рядом с ней. Она посмотрела на охранника.

— Что случилось?

— Миссис Фитц смотрела часы, ей стало дурно, и она попросила стакан воды, а затем положила одни из часов в сумочку, когда продавщица отошла, чтобы принести ей выпить.

— А где сейчас часы?

Пожилая женщина начала шмыгать носом в платок, затем порылась в сумке и вытащила белые часы с украшенным кристаллами циферблатом и ремешком.

— Не знаю, о чем думала, я искала подарок для своей внучки и знала, что ей такие понравятся. Потом почувствовала легкую слабость, и милая девушка пошла за водой для меня, и я, должно быть, положила их в свою сумку. Мне так стыдно, я никогда раньше не делала ничего подобного — клянусь. Мой Альберт придет в ярость.

Энни хлопнула ее по плечу, ей стало жаль старушку.

— Все в порядке, миссис Фитц, назовите ваше полное имя и дату рождения. Давайте посмотрим, сможем ли мы с этим разобраться, а вы подождите здесь, пока я поговорю с управляющим.

— Маргарет Альма Фитц, 12 октября 1931 года.

Энни прошла в кабинет в задней части магазина, чтобы поговорить с менеджером, который выглядел не старше двадцати пяти, и у него были яркие, покрасневшие щеки.

— Политика компании — преследовать всех магазинных воров, но я чувствую себя ужасно.

Энни кивнула в знак согласия.

— Ну, технически она не выходила из магазина, позвольте мне проверить, чтобы убедиться, что она не преступница. — Энни передала детали по рации для проверки миссис Фитц по базе. Если на нее ничего не найдется, она сделает все возможное, чтобы менеджер отпустил ее с жестким предупреждением. Через минуту ожила ее рация.

— Никаких упоминаний в базе по этому имени. — Энни облегченно вздохнула и повернулась лицом к управляющему. — Ее нет ни в одной из наших систем, и она сильно сожалеет, похоже, это была ошибка. Не могли бы вы не выдвигать обвинений?

Мужчина прикусил нижнюю губу и вздохнул.

— Да, я бы никогда больше не заснул, если бы ее увели отсюда в наручниках. Но я не в состоянии с ней поговорить, не могли бы вы вывести ее на улицу и провести беседу. Просто скажите, чтобы она не возвращалась, и я улажу это с офисом.

— Мудрое решение, огласка не поможет, она выглядит как всеобщая любимая бабушка.

Они вернулись в зал, и Энни наклонилась, чтобы поговорить с Маргарет.

— Хорошие новости, Маргарет, менеджер считает, что вы совершили ошибку, и рад, что я не буду составлять протокол, если вы пообещаете больше к ним не заходить. Вы понимаете?

Женщина промокнула глаза и похлопала Энни по руке.

— Большое спасибо, дорогая, мне очень жаль, что я причинила тебе столько хлопот.

Энни выпрямилась и протянула Маргарет руку.

— Пойдемте, Маргарет, прогуляемся на свежем воздухе и позволим этим милым людям заняться своими делами, — она помогла ей подняться и вывела на улицу. Подойдя к двери, она обернулась и улыбнулась менеджеру:

— Спасибо.

— Вас подвезти домой? — спросила она Маргарет. — Я могу попросить одного из моих коллег приехать и забрать вас.

— О боже, нет, спасибо, на сегодня я доставила тебе достаточно хлопот. Со мной все будет в порядке, я пойду и сяду на автобус. Я так благодарна, просто не представляю, что бы сказала моя семья, если бы они узнали.

Энни сжала ее плечо.

— У вас действительно хороший вкус, Маргарет, эти часы были прекрасны. — Они обе рассмеялись, и Маргарет повернулась, чтобы побрести к автобусной остановке.

Энни повернула в другую сторону и начала подниматься по крутому холму к участку. Ей нужно узнать, отправил ли Уилл по электронной почте ту фотографию.

В животе громко заурчало, было почти два часа, и она умирала с голоду. Участок казался пуст, когда она вошла, и запах подгоревших тостов все еще витал в коридоре.

Она закрыла дверь и направилась в кабинет. Внутри было темно, очень мало света

проникало через окно из-за больших деревьев и кустарников, посаженных прямо перед ним. Она не потрудилась включить свет, вместо этого села за компьютер, чтобы войти в систему и проверить электронную почту.

Письмо от Уилла уже пришло. Энни открыла вложение, и почувствовала дурноту, когда увидела зернистую черно-белую фотографию Лоры с этим таинственным мужчиной. Вероятно, это была последняя фотография Лоры, и от нее Энни бросило в дрожь.

Где-то в здании хлопнула дверь, Энни повернула голову и заметила тень, промелькнувшую мимо открытой двери офиса.

— Эй? — Ответа не последовало, и ее кожу начало покалывать, кто-то закрыл эту дверь. Она нажала на значок печати, а затем встала, чтобы пойти и проверить. Энни заглянула в каждую комнату, но здание было пустым. Встревоженная, она вернулась в офис, чтобы забрать фотографию из принтера, взяла шляпу и сразу направилась к выходу. Ее сердце бешено колотилось, и она понятия не имела, почему.

Через пять минут она опять была в пресвитерии, и снова ее приветствовал отец Джон, который на этот раз действительно выглядел как священник в черных брюках, бледно-голубой рубашке, пасторском воротнике и с большим позолоченным распятием на шее.

— Как раз вовремя, я только что вернулся и умираю с голоду. Отпущение людям их грехов вызывает зверский аппетит.

Энни рассмеялась.

— Если честно, я тоже проголодалась.

— Хорошо, мы сначала поедим, а потом поговорим о делах, если ты не против, в моем возрасте нужно регулярно есть, иначе я упаду в обморок. — Он открыл дверь, и она снова последовала за ним в прохладный коридор, испытывая облегчение от того, что какое-то время не будет на солнце. Он отстегнул накрахмаленную белую ленту от воротника, затем стянул через голову тяжелый крест, положив его на серебряное блюдо на буфете. Потом расстегнул три верхние пуговицы рубашки и вздохнул.

— Так-то лучше, теперь я могу дышать. Твоя очередь, я практически разделся перед тобой. Сними этот колющий жилет, или как ты его там называешь, и дай своему телу свободу.

Энни сделала, как ей было сказано, сначала расстегнула свой тяжелый ремень, а затем расстегнула жилет.

— Скажите, офицер, вы всегда раздеваетесь на первом свидании?

Энни почувствовала, что ее щеки начинают гореть, но он рассмеялся так громко, что эхо разнеслось по залу:

— Извини, иногда мое чувство юмора не совсем подходит для священника.

Энни рассмеялась и последовала за ним на кухню, где невидимая экономка убрала кофейные чашки и тарелки с печеньем. Она села и смотрела, как он подошел к холодильнику и начал вытаскивать тарелки и миски. Вскоре он поставил на стол тарелки, столовые приборы и салфетки. Добавил огромное блюдо салата, тарелку домашнего пирога с заварным кремом и ассортимент смешанных сэндвичей. Все выглядело восхитительно, и Энни пришлось проверить свой подбородок, чтобы убедиться, что она не пускает слюни.

— Угощайся, моя дорогая. Должен сказать одно в пользу экономки Саймона: она знает путь к сердцу мужчины. Думаю, причина, по которой у него случился сердечный приступ, заключается в том, что она убивает его своей заботой, но разве можно от такого отказаться.

Энни полностью согласилась с ним, она любила поесть, о чем свидетельствовала ее

далеко не идеальная фигура, но она начинала чувствовать себя комфортно в своем весе. Уилл часто повторял, как сильно он любит ее такой, какая она есть, и это чудесным образом укрепляло ее уверенность в себе.

— Спасибо, Джон, это замечательно и очень любезно с вашей стороны.

— Моя дорогая Энни, никогда не верь тому, что говорят о священниках. Мы не все плохая компания. Хотя полагаю, мы немного походим на полицейских. Некоторые из нас совершенные...

— Придурки.

Он усмехнулся и кивнул в знак согласия.

— Сняла эти слова прямо с моего языка. Но некоторые из них замечательны, как и ты. Держу пари, ты великолепна в том, что делаешь, и у меня сложилось впечатление, что ты действительно заботишься о людях.

— Я стараюсь, хотя иногда это очень трудно. Мне нравится относиться ко всем одинаково, независимо от их прошлого или воспитания.

— И это, моя дорогая, очень редкое качество, слишком много людей настолько поглощены собой, что у них редко остается время на кого-то еще, но ты другая. Я сразу это понял.

Они молча съели остаток обеда, пока Джон не встал и снова не подошел к холодильнику.

— Хочешь чего-нибудь холодного?

— Да, пожалуй. — Он передал ей банку ледяной колы и поставил одну рядом со своей тарелкой. Энни была сыта. Она попробовала понемногу всего и съела большую тарелку салата. Обычно она терпеть не могла есть в присутствии незнакомых людей, но в Джоне было что-то такое, что заставляло ее чувствовать, будто они знакомы дольше, чем четыре часа.

— Еда была прекрасна, я так наелась, что не думаю, что мой бронезилет застегнется.

Он покачал головой:

— Я совершенно уверен, что так и будет. Итак, что ты хотела мне показать? — Он отодвинул тарелку в сторону и вытащил из кармана рубашки овальные очки для чтения в золотой оправе. Энни встала и вытащила сложенный листок бумаги из глубоких карманов своих армейских брюк, затем передала его ему.

— Извините, что он не очень хорошего качества, но это лучшее, что у нас есть. Мы считаем, что женщина была убита вскоре после того, как она вышла из паба с мужчиной, но никто не имеет понятия, кто он такой. Это полная загадка.

Джон наклонил голову и поднес фотографию ближе, чтобы рассмотреть ее. Энни увидела, как краска отхлынула от его лица, и почувствовала укол возбуждения. Он знал, кто этот человек — определенно знал. Уилл будет очень доволен. Джон немного отодвинул фотографию, потом снова поднес поближе и прошептал:

— Я знаю этого мужчину, на самом деле я знаю его очень хорошо. Это мой племянник.

Энни почувствовала, что возбуждение исчезло так же быстро, как и появилось.

— Правда? Я имею в виду, вы уверены? Это не очень качественная фотография.

Джон кивнул:

— Это Райан, он приехал на прошлой неделе. Получил работу, которая начнется на следующей неделе на местном газовом терминале, так что он присматривает за моим домом, пока я здесь. Разве вы не пробовали постучать в пресвитерию Святой Марии? Он должен

быть там.

Энни предположила, что тот, кому было поручено расспрашивать по домам, постучал.

— Так и сделали, но никто не ответил, когда мы пытались.

Джон вытащил из кармана брюк телефон и позвонил племяннику. Он даже не перешел на голосовую почту, просто продолжал звонить. Когда вызов закончился, он попробовал еще раз, но ответа по-прежнему не было. Затем он позвонил на домашний телефон, который звонил и звонил. Он посмотрел на Энни.

— Я позвоню его матери, моей сестре. Привет, Морин, я не могу дозвониться до Райана, он звонил тебе в последние пару дней? Нет, ладно, это не важно, мне просто нужно, чтобы он оказал мне услугу. Я отправлю ему сообщение. Пока.

Она заметила, что его рука дрожит.

— Что-то не так, он звонит Морин почти через день, и она не получала от него вестей уже три дня. Я должен немедленно вернуться в Барроу.

Энни кивнула:

— Позвольте мне позвонить коллеге, который попросил меня прийти и поговорить с вами. Потом я схожу за полицейской машиной, и мы всю дорогу будем ехать с мигалками.

Она встала и быстро прошла в холл, чтобы надеть свои вещи. Энни позвонила Уиллу, который ответил после первого же гудка:

— Я выяснила, кто этот мужчина, это племянник священника Райан Трелмейн, и он живет в пресвитерии Святой Марии. Вот уже три дня о нем ничего не слышно.

— Отлично, спасибо, Энни. Я вызову оперативную группу, и мы отправимся обыскивать дом. Большое тебе спасибо.

— Я привезу отца Джона, он думает, что с Райаном что-то случилось, и хочет убедиться, все ли с ним в порядке.

— Черт, а что, если Райан — наш человек? Это может все испортить.

— Знаю, но, если я не привезу его, он все равно поедет сам. По крайней мере, я смогу присмотреть за ним. О, и полегче с Джоном, он действительно хороший человек. — Она закончила разговор и повернулась, чтобы увидеть Джона, стоящего в дверях, и почувствовала волну смущения. — Мне очень жаль, Джон, но вы же понимаете, насколько это серьезно, мы должны предусмотреть все возможные варианты.

— Да, и я понимаю, что вам нужно выполнять свою работу, просто немного ошеломлен мыслью, что мой племянник может быть замешан во всем этом. Он всегда был таким хорошим мальчиком, это убьет мою сестру — она обожает его.

— Что ж, будем надеяться, что все это огромная ошибка. Возможно, он в этом не замешан. Подождите здесь, а я схожу за машиной.

— Если не возражаешь, я лучше прогуляюсь с тобой, мне нужно подышать свежим воздухом.

Они вышли из дома и быстрым шагом направились в полицейский участок. Джон примостился у сухой каменной стены, окаймлявшей автостоянку.

— Я подожду здесь.

Энни вошла внутрь и услышала голос Кэти, доносившийся из ее кабинета; она постучала в дверь и вошла.

— В десять часов, и, если ты опоздаешь хоть на минуту, я буду знать, потому что офицер, дежурящий в конце нашей улицы, присматривает за тобой. — Она закончила разговор — В чем дело?

Энни кратко пересказала последние десять минут.

— Черт, правда — племянник священника? Неожиданно. Возьми патрульную машину, сегодня она никому не понадобится, так что ничего страшного если ты вернешь ее только завтра. Припаркуешься у своего дома, когда закончишь, о, и, Энни, будь осторожна.

Энни кивнула и побежала в кабинет, чтобы снять ключи с крючка. Она чувствовала себя ужасно из-за Джона, и этот прекрасный обед казался теперь свинцовой тяжестью у нее в животе. Она вышла на улицу, его лицо было серым, и она надеялась, что он не собирается упасть в обморок. Она села в машину, и он последовал за ней. Они ехали без сирен, потому что технически это не было срочным вызовом, но она включила мигалки, чтобы проехать через оживленное движение.

На этот раз удача была на стороне Уилла.

Оперативная группа подразделения вооруженного реагирования базировалась в Улверстоне, который находился всего в восьми милях, и они соберутся и будут здесь через пятнадцать минут.

Инспектор проводил инструктаж, и Уилл рад, что он здесь, чтобы взять на себя руководство. Прошедшие несколько дней показались ему очень долгими. Он не слишком обрадовался, что Энни привезет священника, но этот человек заслуживал того, чтобы знать, замешан ли его племянник. Тем более именно в его дом, они собирались ворваться с винтовками, слезоточивым газом и электрошокерами.

Уилл просто надеялся, что ничто из них не понадобится, и этот мужчина выйдет без каких-либо хлопот. Нельзя сказать с уверенностью убийца он или нет, но эта лучшая их зацепка, и они не хотели рисковать.

Уилл вошел в большую комнату для совещаний на первом этаже, которая уже почти заполнена и в ней совсем не останется места, как только придут вооруженные офицеры.

Грохот шагов, поднимающихся по лестнице, возвестил об их прибытии, и Уилл почувствовать себя лучше, чем когда-либо за последние дни. Они вошли в комнату, одетые с головы до ног в черное, и выглядели устрашающе. В черных бейсболках, черных комбинезонах и черных бронежилетах, выстроились вдоль задней стены, готовые выслушать приказ.

Уилл кивнул им и получил коллективный кивок в ответ. Все было серьезно, никто не был настроен шутить или смеяться, как на любом другом инструктаже.

Через тридцать минут они заняли свои позиции вокруг здания пресвитерии. Уилл обошел церковь и дом по периметру, чувствуя себя неловко в жилете поверх рубашки и пиджака.

В доме не было заметно никаких признаков жизни. Двое мужчин в черном практически довели одну старушку до сердечного приступа, когда она вышла из церкви с букетом увядших цветов. Они вывели ее из этого района и поместили на заднее сиденье полицейской машины, пока все не закончится. Офицеры перекрыли дорогу с обоих концов, чтобы остановить движение и прогуливающихся по улице граждан. Атмосфера стояла напряженная.

Уилл вернулся и сообщил по радиации, что все чисто. Группа захвата двинулась вперед с тяжелым красным тараном в руках. Четыре громких удара, деревянная дверь раскололась, поддалась, и они вошли.

Первый офицер внутри поперхнулся от запаха, который был отвратителен. Один из них помахал Уиллу и поднял маску.

Уилл подбежал к двери и почувствовал, как его желудок сжался, кто-то или что-то умерло там, и оно воняло. Он поднес руку к носу и кивнул. Отступив назад, он подождал, пока группа захвата не прочесала здание. Он не знал, чего ожидать, но понимал, что все будет плохо, хотя возможно, убийца покончил с собой и избавил их от необходимости обращаться в суд.

Трое вошедших офицеров спустились вниз и сняли бейсболки. Сержант заговорил:

— В спальне наверху лежит мертвый мужчина. Похоже, он пробыл там несколько дней,

разложение довольно сильное. Вероятно, из-за того, что кто-то включил отопление в комнате на полную мощность. Там действительно воняет, но по первому впечатлению похоже, что он твой парень.

— Вот дерьмо, спасибо, ребята. Дальше мы сами разберемся.

Уилл повернулся к инспектору, который все это время говорил по телефону, давая беглый комментарий оператору диспетчерской.

— Пора надеть защитный костюм, сэр.

На улицу въехала машина, мигая синими огнями. Знакомая фигура Энни появилась со стороны водителя, а седовласый мужчина вышел со стороны пассажира. Черт, как же не вовремя. Он был рад видеть Энни, но совсем не рад видеть священника. Он наблюдал, как она повернулась к мужчине и, должно быть, велела ему оставаться на месте, потому что он провел пальцами по волосам, затем пожал плечами и прислонился к капоту машины.

— Что-нибудь нашли? — Энни подошла к Уиллу

— Мертвец в спальне наверху, я там еще не был, но оперативная группа сказала, что он похож на нашего парня. Мы не можем его впустить, — он кивнул головой в сторону священника.

— Правда? Черт возьми, полагаю, это объясняет, почему никто не видел его с той ночи. Ладно, я буду держать Джона подальше, но он не сумасшедший, что мне ему сказать?

— Тебе придется сказать ему, что мы нашли тело, но на данный момент мы ничего больше не знаем. Его дом теперь стал местом преступления, и пройдет несколько часов, а возможно, и дней, прежде чем ему разрешат войти в него. Ты можешь его куда-нибудь отвезти? Ты же знаешь, сколько времени это займет, он может прождать здесь до завтра.

Энни пожала плечами: ей никогда раньше не приходилось нянчиться со священником.

— Он может войти в церковь, или это тоже место преступления?

— Насколько знаю, нет, я хочу, чтобы он был рядом на случай, если имеет к этому какое-то отношение, но не слишком близко, чтобы помешать. Я попрошу Скотта и Йена проверить церковь, а потом вы оба можете пойти и подождать там. Спасибо, Энни, я ценю все, что ты сегодня сделала.

Уилл повернулся и пошел туда, где сгрудилась группа вооруженных офицеров. На данный момент они больше не нужны, и они складывали свое оружие обратно в машину вооруженного реагирования.

Двое из них направились в сторону Энни.

— Там ужасно воняет. Потребуется нечто большее, чем какой-нибудь освежитель воздуха, чтобы дом снова начал пахнуть свежо, как маргаритка.

— Неужели все так плохо? Это превращается в настоящий кошмар, когда тела находят на церковных дворах и в пресвитериях. Это просто неправильно.

Оба кивнули в знак согласия с ней, и все трое направились к церкви. Она была открыта благодаря старушке-цветочнице, которая не могла заметить ничего плохого, иначе они обнаружили бы еще один труп. Но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Энни подождала у дверей церкви, пока двое полицейских вошли внутрь и проверили здание, а через пять минут они вышли.

— Все чисто, может уже стоит выпустить эту старуху из машины и отправить восвояси, она сидит в ней с тех пор, как мы приехали.

Энни взглянула на машину и женщину, которая пристально смотрела на Джона. Черт, еще и с ней разбираться. Она подошла и открыла дверцу машины.

— Не хотите вернуться в церковь? Немного жарковато сидеть взаперти.

Женщина кивнула и вышла из машины, направляясь напрямик к Джону. Энни увидела, как он поморщился, и последовала за ней.

— На самом деле, если вы дадите мне краткие показания, сможете отправиться домой прямо сейчас, и, если нам понадобится что-нибудь еще, кто-нибудь свяжется с вами. — Энни прервала допрос женщины, и Джон бросил на нее благодарный взгляд.

— О, вы уверены, что не хотите, чтобы я подождала здесь с отцом Джоном, это не проблема, мы можем мило поболтать.

— Нет, все в порядке, спасибо. Это место преступления, и нам нужно держать его закрытым какое-то время, возможно, несколько часов, так что вам лучше пойти домой.

Женщина рассказала все, что знала, но ничего полезного, и Энни все записала. Затем она проводила ее до конца улицы.

— Спасибо. — Энни смотрела, как она уходит, высоко подняв голову и явно расстроенная тем, что ее только что отправили домой. Направляясь обратно в церковь, она почувствовала жалость к Джону, он выглядел уничтоженным и убитым горем.

— Спасибо, Энни, я боюсь допроса Хилари больше, чем самого Бога. Ты собираешься рассказать мне, что происходит? Или мне придется ждать?

— Мне очень жаль, Джон, но в данный момент мы и сами многого не знаем. Все, что я могу сказать, это то, что они нашли тело мужчины в спальне наверху.

Его рука взлетела ко рту, и он съежился у нее на глазах.

— Они знают, кто он, это Райан?

— В данный момент они не могут сказать точно. Поисковая группа вошла и только бегло осмотрелась. Мне очень жаль, Джон, но им потребуется некоторое время, но как только что-то выяснят, они придут и поговорят с вами. Вы куда-нибудь хотите поехать, мне отвезти вас обратно в Уиндермир?

— Нет, спасибо, Энни, если в моем доме есть мертвец и единственный человек, который там живет, — это мой племянник, с которым никто не разговаривал уже три дня, тогда, я думаю, совершенно ясно, кто этот мертвец.

— Это действительно выглядит так, но мы пока не знаем наверняка, всегда есть небольшой шанс, что это может оказаться кто-то другой.

Энни заметила фотографа из местной газеты через дорогу и взяла Джона за локоть.

— Давайте, пройдем в церковь, подальше от любопытных глаз. — Однако они опоздали секунд на тридцать, фотограф уже сделал снимки измученного священника, склонившего голову в скорбном разговоре с Энни.

Фотография обязательно попадет на первую полосу местной газеты сегодня вечером и на следующий день в национальные с заголовками «Божий дом смерти» жирным черным шрифтом.

Детектив-инспектор Дейв Мартин первым поднялся по ступенькам в дом, за ним следовал Уилл. Оба они громко шуршали, когда шли в одинаковых защитных белых костюмах, масках, бахилах, капюшонах и латексных перчатках.

Уилл думал, что сейчас упадет в обморок, ему было так жарко. Когда они переступили порог дома, Уилл услышал, как его босс потирает лицо в маске. Уилл изо всех сил старался не вдыхать, но запах стоял ужасный, и он заполнил весь дом.

Он не с нетерпением ждал встречи с Райаном Трелмейном, если это был он. Они поднялись по лестнице, держась поближе к стене, Уилл повторял шаги Дейва, чтобы не затоптать все вокруг. Чем меньше беспорядка, тем больше шансов, что криминалисты найдут какие-то улики.

Уилл забылся и вдохнул, отчего его глаза наполнились слезами. Они вошли в спальню с открытой дверью. Скотт сказал, что все двери были закрыты, и они проверили каждую комнату, закрывая двери, когда уходили, пока не нашли ту, где лежало тело. Ее они оставили приоткрытой, чтобы знать, в какую входить.

В комнате было душно. Уилл посмотрел на радиатор, он был включен на полную мощность. Он не хотел прикасаться к циферблату на случай, если на нем остались отпечатки пальцев, но ему стоит найти главный регулятор центрального отопления и выключить его.

Жара казалась невыносимой, в сочетании с запахом и жарой снаружи, впервые Уилл забеспокоился, что может потерять сознание, и это было до того, как он решился взглянуть на тело в постели.

Собравшись с духом, он посмотрел на двуспальную кровать. Одна сторона одеяла была откинута на тело, и он подумал о Лоре. Эта спальня была последним местом, где она ночевала. Он не спеша оглядел комнату. На полу стояла почти пустая бутылка воды. В ногах кровати лежали мятые джинсы и белая футболка, в которой был мужчина, с которым она ушла.

Уилл чувствовал себя неловко, как вуайерист, ему приходилось осматривать вещи других людей, которые он не имел права видеть.

Дейв повернулся к нему:

— Вот ведь дерьмо, надо думать, мы нашли нашего парня, и похоже он был убит в ту же ночь, что и Лора, судя по состоянию разложения.

Уилл подошел к кровати, чтобы поближе взглянуть на человека, которого он искал последние три дня. Одеяло закрывало нижнюю половину тела, но его босс поднял верхнюю часть, обнажив грудь.

Из-за жары в комнате и температуры снаружи процесс разложения сильно ускорился. Грудь и нижняя часть живота раздулись газом и были окрашены в зеленый мраморный цвет по всему телу. Его глаза, которые были открыты, покрылись молочно-белой пленкой, а в одном из них отложили личинки мухи, как и в носу и рту.

Уилл посмотрел на огромный мясницкий нож, который торчал у него из груди, из раны вытекла струйка крови. Не так много, как он ожидал, но нож был погружен по самую рукоять, и кровь могла оказаться под телом, или внутри. Как бы ни было, Мэтт сможет выяснить это при вскрытии.

Уилл был удивлен, что убийца прибегнул к такому жестокому способу, но мужчина на

кровати выглядел крупным и накачанным. Итак, он пошел на быстрое убийство, что это говорило Уиллу? Что он убил таким образом, чтобы было меньше шансов на сопротивление. Может быть, он не боялся крови, а просто предпочитал убивать по-другому.

Жара и гнилостный запах стали слишком сильными, и Уилл указал на дверь. Дейв кивнул, и на этот раз первым пошел Уилл. Когда он наконец выбрался на свежий воздух, то сорвал с лица маску, пытаясь отдышаться. Он начал глубоко дышать, не заботясь о том, кто наблюдает, потому что сейчас он оказался очень близок к тому, чтобы потерять сознание впервые за восемь лет.

Кто-то сильно сжал его плечо, и он повернулся, чтобы посмотреть на своего босса, который, как только снял маску, выглядел таким же зеленым, как и Уилл. Подошел Мэтт, и Уилл кивнул ему:

— Отвратительно.

— Я войду и сделаю предварительные приготовления, а потом вы сможете продолжить.

— Я вернусь с тобой, — он снова натянул маску на нос и последовал за ним. Он был бы счастлив никогда больше не переступать порог этого дома, но чувствовал себя ответственным. Он знал, что Лора флиртвала перед ним, чтобы заставить ревновать, а он сунул голову в свою пинту пива, позволив ей уйти с совершенно незнакомым человеком, и теперь они оба мертвы.

Шон не работал, но он слышал по радио, что полиция оцепила Сент-Мэри-роуд, церковь и пресвитерию, потому что внутри было найдено тело.

Обычное спокойствие сегодня его покинуло, желудок скрутило, и он чувствовал себя так, как будто находился на лодке, которая плыла по самому беспокойному из морей.

Шон не брился уже пару дней, и на его лице появилась темная щетина. Ему приходилось постоянно напоминать, что необходимо держать себя в руках, все в порядке. На осмотр места преступления уйдет несколько часов, он все время был в перчатках, поэтому не оставил никаких отпечатков, но все равно что-то не давало ему покоя.

Он расхаживал взад и вперед по своей гостиной, желание что-то сделать не покидало его, но он понятия не имел, что именно. Он мог бы пойти и посидеть некоторое время у парикмахерской и понаблюдать за своей следующей жертвой, чтобы занять свои мысли.

Он хотел проверить следующую церковь, но не знал, насколько хорош Уилл, понял ли он, что во всем виноват священник. Если он в это поверил, то, скорее всего, уже расставил офицеров в штатском, наблюдать за двумя другими церквями, в которых иногда работал священник. Шон не мог рисковать, приходя туда при дневном свете, гораздо лучше отправиться, когда стемнеет.

Он взял ключи с кофейного столика в гостиной и вышел на улицу к своему черному грузовику. Оказавшись внутри, он поехал на стоянку напротив парикмахерской и припарковался там, откуда мог наблюдать за работой салона через огромное стеклянное окно. Он даже взял сдачу, которая валялась у него в держателе для напитков, пошел и оплатил парковку и купил газету в соседнем магазине.

Опустив стекла, расстелил газету на руле и откинулся назад, наблюдая за женщиной в парикмахерской. Шон пожалел, что не захватил с собой рацию, чтобы послушать, что происходит, но это конечно плохая идея. Как только он включит ее, в диспетчерской Пенрита появится сообщение о том, что он на дежурстве, и это вызовет подозрения. Но было бы неплохо услышать, что именно происходит.

Он снова задался вопросом, насколько на самом деле хорош Уилл и не арестует ли он его еще до того, как у него появится шанс убить девушку номер три. Впервые он понял, что до этого может дойти, что его могут заковать в наручники и посадить в камеру. Вот, черт, он так увлекся мыслью отомстить священнику, что особо не задумывался о том, что может случиться, если его поймают.

Полицейских, попавших в тюрьму, все ненавидели.

Одиночество его не беспокоило, он был сам по себе с того дня, как нашел свою маму мертвой, и он никогда ни с кем по-настоящему не сблизился. Всегда боялся, что они оставят его. Лучше быть одному, чем жить в постоянном страхе. Шон предположил, что, если бы перед ним встал выбор, он, вероятно, покончил бы с собой, возможно, его мама и Софи ждали бы его. Но, с другой стороны, он убил невинных женщин и мужчину, поэтому не заслуживал того, чтобы попасть в лучшее место.

Он подождет и посмотрит, что принесет сегодняшний день. Всегда есть закон о психическом здоровье, он сможет убедить их, что сумасшедший, и его поместят в безопасную больницу, по крайней мере, там не будет иметь значения, кто он такой.

Когда место преступления было тщательно обработано, и они смогли оставить его под охраной полицейских, Уилл вернулся к машине, чтобы раздеться. Бумажный костюм прилипал к спине, и выбраться из него оказалось еще труднее, чем обычно, но в конце концов он справился с этим и положил все в коричневый бумажный пакет для улики.

Хотел бы он так же легко избавиться от запаха, но тот до сих пор преследовал его. Подняв рукав рубашки, он принюхался, пахло ужасно: смесью пота и мертвого тела. Один из тех ароматов, которые никогда не будет разлит по бутылкам и не станет продаваться в магазинах ко Дню отца. Ему нужно пойти домой, принять душ и переодеться.

Было почти шесть, и он был измотан. Договорился с Мэтт о том, что первым делом с утра приедет на вскрытие, так что, по крайней мере, ему не придется проходить через это сегодня вечером.

Уилл даже не хотел идти и встречаться с Энни, от него так плохо пахло, поэтому он помахал офицеру и сказал, чтобы тот отвез его домой. Они сели в патрульную машину, и офицер немедленно опустил оба передних стекла. Уилл откинул голову назад и пробормотал:

— Прости.

Подойдя к входной двери, он услышал, как зазвонил домашний телефон, и побежал открывать.

— Привет.

— Это папа, просто хотел узнать, как ты. Я пару раз звонил тебе на мобильный.

— Извини, я весь день был на месте убийства и не смог ответить. Все в порядке?

— Ага, все в хорошо. Извини, сынок, я должен был догадаться, что ты занят. Полный бардак, да? Я звоню, потому что Лили продолжает приставать ко мне, чтобы напомнил тебе о завтрашнем вечере. Пожалуйста, скажи, что ты все еще сможешь прийти, она убьет меня, если ты этого не сделаешь.

Уилл рассмеялся:

— Я очень постараюсь, скажи ей, что обещаю. — После завтрашнего вскрытия он не был уверен, как отнесется к поеданию обугленной плоти животных, но ему нужен перерыв.

— Молодец, ты же знаешь, что мы оба будем рады видеть тебя в любое время.

Большинство собирается к шесть, но ты просто приходи, когда сможешь. Если опоздаешь, я оставлю тебе пару хороших бифштексов, и у меня стоит ящик твоего любимого пива в холодильнике. Почему бы тебе не остаться на ночь? Устрой себе свободный вечер, выключи телефон.

— Думаю, что смогу. Твое предложение звучит очень заманчиво. Передавай Лили привет. Я увижусь с вами завтра, и не мог бы ты, пожалуйста, сказать ей, что не нужно сводить меня с дочерью богатого бизнесмена, мне и так неплохо.

Его отец рассмеялся:

— Да, передам, но ты же знаешь Лили, она ничего не может с собой поделаться, она видит свою роль в жизни в том, чтобы ты остепенился и женился.

Уилл положил трубку и поднялся наверх, чтобы принять душ, затем он собирался выбросить одежду, которая была на нем, и надеть удобные спортивные штаны и футболку. Если ему придется вернуться на работу, стоит хоть немного расслабиться.

Энни сидела с отцом Джоном, пока Стью брал у него показания, и слушала, как мужчина отвечает на каждый заданный им вопрос, глядя прямо в глаза и ни разу не уклоняясь, хотя он был явно расстроен. Энни знала, что до тех пор, пока они не найдут убийцу, Джон будет подозреваемым. Хотя она ни на минуту не верила, что он имеет какое-либо отношение к убийствам, и доверяла своему инстинкту гораздо больше, чем чьему-либо суждению. Когда Стью закончил задавать вопросы, настала очередь Джона.

— Мне нужно знать, кто этот мужчина в моем доме, потому что, насколько мне известно, доступ к нему имеют только я и мой племянник. Поскольку я сижу и разговариваю с вами, это должно означать, что мертвец внутри — Райан. Кто еще это может быть?

— Можно тебя на пару слов? — Стью посмотрел на Энни.

Энни встала и положила руку на плечо Джона.

— Дайте мне минутку, я точно выясню, что происходит, — она направилась в заднюю часть церкви, и Стью последовал за ней.

— Послушай, я знаю, ты не можешь много говорить, но этот человек имеет право знать. Скажи во что был одет убитый, или может есть фотография его лица, чтобы он мог посмотреть. Это несправедливо, что он здесь уже несколько часов, и так ничего не выяснил. Его уже тошнит от беспокойства. Джону так или иначе необходимо избавиться от своих страданий.

Стью пожал плечами:

— Ты права, и я полностью с тобой согласен. Похоже, это его племянник, но не мне об этом говорить. Я пойду и посмотрю, сможет ли Дебс выйти и показать ему фотографию лица этого человека. Но оно ужасно, это будет для него шоком.

— Спасибо, Стью, я пойду и подготовлю его, пусть знает, что все плохо. В любом случае именно он отправится в больницу для официального опознания.

Энни вернулась туда, где сидел Джон, а Стью вышел на улицу.

— Джон, мы собираемся сфотографировать лицо этого мужчины, чтобы вы могли взглянуть и убедиться, что это Райан. Я должна предупредить вас, это будет не очень приятно. Он пролежал там пару дней, так что на его лице имеется некоторая опухоль и, возможно, личинки насекомых.

— Мне все равно, мне нужно увидеть, мне нужно знать, Райан ли это. Тогда я смогу подумать, как сообщить об этом моей сестре, прежде чем это окажется во всех новостях.

Церковная дверь захлопнулась, когда порыв ветра вырвал ее из рук Стью. Дебс стояла за ним. Энни затошнило, пока она ждала их приближения. Дебс сняла маску и кивнула Джону, подняла камеру и через пару секунд, пролистывая фотографии, нашла ту, которая была наиболее подходящей.

Она протянула камеру Джону, который встал, чтобы взглянуть. Он вытащил очки из кармана рубашки и надел их. Затем бросил один взгляд на пятнистое зеленое лицо на экране и снова сел, прошептав:

— Спасибо, дорогая, я хотел бы подтвердить, что это мой племянник Райан.

Энни села рядом с ним и обняла за плечи. Она почувствовала комок в горле и не могла говорить, поэтому просто погладила его по спине. Он кивнул Дебс.

— Я действительно сожалею о вашей потере, — сказала Дебс. Затем она повернулась,

чтобы вернуться и закончить то, что делала.

Стью посмотрел на Энни:

— Я дам знать детективу-инспектору. — Затем он повернулся и последовал за Дебс к двери.

Энни повернулась к Джону:

— Я не знаю, что сказать, мне очень, очень жаль.

— Не знаю, что делать, я не могу позволить своей сестре узнать об этом в новостях, но не думаю, что смогу приехать и рассказать ей.

— Мы можем связаться с местным полицейским участком, ближайшим к вашей сестре, и они пришлют офицера по связям с семьей, чтобы поговорить с ней. Это высококвалифицированные офицеры, которые смогут оказать ей всяческую поддержку. Вы хотите, чтобы я все устроила, и как только офицер будет в доме вашей сестры, вы могли бы позвонить и поговорить с ней.

Он кивнул:

— Ты могла бы это сделать? Буду очень признателен, спасибо, Энни.

Шон провел рукой по голове, волосы были довольно короткими, но это не мешает ему зайти в парикмахерскую и познакомиться. Стоит записаться на стрижку, чтобы встретиться со своим следующим ангелом. Конечно, из-за коротких волос придется подстричься наголо, и вероятно, над ним будут издеваться на работе еще несколько недель, если он появится в таком виде.

Он хорошо видел ее через окно, потому что рабочее место было рядом с ним. Она безостановочно работала с тех пор, как он приехал к парикмахерской. Его желудок громко заурчал, время обеда, и если он голоден, то и она, должно быть, тоже. Он надеялся, что ей придется покинуть салон, чтобы пойти и перекусить.

Шон сложил газету и внимательно наблюдал, и уже через десять минут был вознагражден, когда она вышла из салона в темных солнцезащитных очках. Она собрала свои длинные волосы в высокий конский хвост и выглядела совершенно потрясающе. Он вышел из грузовика и последовал за ней на безопасном расстоянии.

Она прошла по Далтон-роуд, главной торговой улице, повернула налево и вошла в новую кулинарию. Он последовал за ней и встал позади нее в очереди. Она попросила куриный салат на ржаном багете, без масла и немного легкого майонеза. Шон задавался вопросом, если бы она знала, что это может быть ее последняя трапеза, выбрала бы она свинину и сливочное масло и жирный майонез. Другая помощница спросила его, что он будет, и Шон повторил ее заказ, девушка повернулась и посмотрела на него с выражением сочувствия на лице.

— И вы тоже? Чертовы диеты.

Он улыбнулся и кивнул.

— Понимаю, кажется, я все время только и мечтаю о еде. — Продавец передал ей сдачу, и она улыбнулась ему, прежде чем выйти из магазина. Девушка, готовящая ему, принялась нарезать багет.

— Вообще-то я передумал, можно мне курицу с майонезом, без салата и две булочки с сосисками? — Он расплатился за еду и небрежной походкой вернулся к своему грузовику.

Энни связалась по телефону с детективом-инспектором. Она не смогла дозвониться до Уилла и подозревала, что он решил, что на сегодня с него хватит. Он работал усердно с момента убийства Лоры, а инспектор только что вернулся с выходных.

— Джон, я знаю, что вы не хотите уезжать отсюда, но сегодня абсолютно ничего не сможете здесь сделать. Дом — это место преступления, и, скорее всего, его оцепят на пару дней. Вас все равно не пустят внутрь. У вас есть кто-нибудь у кого можно остановиться?

Он покачал головой:

— Нет, да, возможно, но я не хочу. Хочу побыть один. Я останусь здесь, в церкви, если ты не против, в ризнице есть одеяло и надувной матрас, который никто не купил на летней ярмарке. Со мной все будет в порядке. Я хотел бы остаться поблизости, мне предстоит долгий и обстоятельный разговор с Богом.

Он пытался пошутить, но это звучало не так смешно, как следовало бы.

— Вы уверены? Могу я предложить вам что-нибудь поесть, сэндвич или что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, у меня, кажется, нет особого аппетита, и если я выпью, то спиртного, а не апельсинового сока. Я могу воспользоваться вином для причастия. Остался целый ящик с вином, которое было отправлено по ошибке, оно слишком крепкое, чтобы раздавать его на утренней мессе. Я хотел отослать его обратно, но не успел, слава Богу, хоть за что-то.

Сарказм в его тоне был едким, и Энни почувствовала себя ужасно за него.

— Я сообщу тем, кто охраняет место преступления, что вы останетесь здесь, тогда они не испугаются и не зададутся вопросом, кто бродит по церкви, а затем отправлюсь домой. Я должна была закончить работу пару часов назад, и мне нужно принять душ.

Отец Джон встал и обнял ее.

— Конечно, спасибо, Энни, но тебе не следовало торчать здесь, чтобы составить мне компанию. У тебя своя жизнь, и пора вернуться домой, но я очень ценю, что ты оставалась здесь со мной. Надеюсь, кто бы ни был этот счастливчик, он действительно ценит, насколько ты особенная.

Энни рассмеялась:

— Я могу остаться еще немного, если вы хотите, это не проблема.

— Нет, иди домой, я настаиваю, со мной все будет в порядке, просто дай знать своим офицерам, чтобы они не пришли и не ударили меня электрошокером посреди ночи.

Она подошла к двери и почувствовала, как ее сердца разрывается при виде священника, который теперь стоял на коленях и молился у подножия алтаря. Когда она открыла дверь церкви, до нее донесся запах, наполнявший ее дом, и она поморщилась.

Энни посмотрела на дом и улицу за церковью. Их оцепили сине-белой полицейской лентой, вокруг никого не было, за исключением двух полицейских, которые стояли по обе стороны улицы, чтобы остановить прохожих, направляющихся к месту преступления.

Энни направилась к Салли, с которой когда-то работала.

— Привет, священник все еще в церкви. Он сказал, что ему некуда идти, и он хочет быть рядом. Я связалась с инспектором, и он сказал, что все в порядке, пока Джон не попытается проникнуть в дом, так что не могли бы вы присмотреть за ним, пожалуйста.

— Как это все ужасно, настоящий позор. Он был всего лишь молодым парнем. В этом городе творится какая-то неразбериха. Бьюсь об заклад, ты рада, что не придется во всем этом возиться.

Энни посмотрела на свой ярко-желтый жилет и рассмеялась.

— Ты правда так думаешь? Я перевелась на Озера, чтобы сбежать от всего этого подальше, и не прошло и двух недель, как я по уши в другом кровавом деле об убийстве. В какой кошмар превращается моя жизнь.

— Господи, Энни, ты просто магнит для безумцев с топорами, они тянутся к тебе, как мухи на дерьмо.

Энни наклонила голову к Салли:

— Честно говоря, не знаю почему, но клянусь, похоже я опять влипла. Отец Джон — прекрасный человек, и я помогу ему, чем смогу, но буду держаться подальше от всего, что хоть отдаленно опасно. — Она уже направилась к патрульной машине, которую припарковала несколько часов назад, но повернулась к Салли. — Ты раньше чувствовала этот ужасный запах? Как гнилые овощи или мертвое животное.

Салли покачала головой.

— Нет, не чувствовала. Ты была рядом с канализационным стоком или что-то в этом роде? Я так понимаю он доносится не из дома. Внутри конечно запах ужасный.

— Нет, я так не думаю, окна и двери закрыты, он не может доноситься оттуда, и он был рядом с церковью, как раз там, где я вышла из двери.

— Должно быть, это старая канализация, такая погода никак не улучшает запах.

Энни улыбнулась и продолжила идти по улице к машине. Она совсем забыла об отвратительном запахе в своем доме, который постоянно появлялся и исчезал, и теперь она не знала, хочет ли возвращаться домой, если он все еще там. Она чувствовала что-то, но понятия не имела, что это такое. Единственное, что она понимала, так это то, что столкнулась с чем-то очень плохим.

Сев в машину, она завела двигатель, пристегнула ремень безопасности, посмотрела в зеркало заднего вида и закричала. Мертвый ребенок сидел прямо за ней, воздух в машине потрескивал, от холода. Девочка поднесла палец к губам, чтобы успокоить Энни, а затем прошептала:

— Пожалуйста, не шумите, он услышит вас и узнает, что я здесь. Мне нельзя с вами разговаривать, но мне нужна помощь. Я не хочу, чтобы мой брат убил кого-то еще, но ничего не могу сделать, чтобы остановить его. Я застряла здесь с того самого дня, как умерла.

— Кто твой брат и почему ты застряла здесь?

Девочка растворилась в воздухе, но ее голос прошептал прямо в ухо Энни, заморозив крошечные волоски внутри:

— Шон Вуд — это имя моего брата, а я Софи. Человек-тень не позволит мне уйти, и вы узнаете, когда он будет рядом, потому что от него очень плохо пахнет. Мне пора, он идет.

И она исчезла, оставив после себя след инея на внутренней стороне окна рядом с тем местом, где сидела. Энни трясло, кто или что, черт возьми, был человеком-тенью? Она завела мотор, желая убраться подальше от церкви, прежде чем он появится.

Подъехав к дому, она припарковала патрульную машину. Что ж, если соседи еще не догадались, что она полицейский, то теперь это не составит труда. Возможно, это факт должен был заставить их всех чувствовать себя в безопасности, но Энни не могла не улыбнуться. Если бы только они знали, что на самом деле она только притягивает неприятности.

Она вышла из машины и вошла в свой дом, наконец-то закончив дежурство. Сняла бронежилет в коридоре, затем открыла маленький стенной сейф, который стоял в шкафу в прихожей, и заперла там рацию. Понюхала воздух, сегодня вечером в доме не пахло ничем плохим, только слабый аромат от различных освежителей воздуха, которые она разбросала по всему дому.

Энни достала телефон, чтобы позвонить Уиллу, но никто не ответил. Ей нужно рассказать ему о Шоне Вуде, ни с кем больше она не могла поделиться этим. Они захотят узнать, как она получила эту информацию и что она собиралась сказать, что мертвая девятилетняя девочка рассказала ей на заднем сиденье полицейской машины? Ее определенно задержат и отвезут в больницу для обследования психического здоровья. «Бедняжка Энни, это, наконец, стало для нее слишком сильным потрясением», — вот что они будут говорить на работе.

Она понятия не имела, кто такой этот Шон Вуд, ей нужно больше, чем имя. Если бы она узнала хоть что-то о Софи, это могло бы помочь. Энни снова набрала номер Уилла, но он по-прежнему не отвечал, поэтому она оставила голосовое сообщение и попыталась говорить относительно здраво. Больше ей ничего не оставалось, как принять холодный душ, заварить себе чай, немного почитать и попытаться немного поспать.

VIII

Ознакомившись с файлами №№23-27, я испытал чувство удовлетворения. Всё шло именно так, как я предсказывал. По сути они не поведали мне ничего нового.

Однако, что-то отметить мне всё же было необходимо. Список, дополненный собственными рассуждениями, получился совсем небольшой. В нём было всего несколько пунктов.

Я убедился, что мисс Грэм всё же хороший полицейский. Об этом свидетельствовало её поведение в момент инцидента со старушкой и часами. Не каждый коп в этом мире принесёт личную статистику задержаний в жертву здравому смыслу.

Укрепилось мнение о слабости «вонючки» вдали от Барроу. На этот раз его сил хватило только на то, чтобы захлопнуть дверь в полицейском участке. Несерьёзно.

Но один вопрос я всё же хотел задать: успеют ли поймать убийцу до званого ужина с родителями Уилла? Детективу теперь стало известно, что Шон боится крови. Ещё один шаг на пути к раскрытию.

Единственное, что мне не понравилось – одна логическая нестыковка. Неужели Шон, который с такой тщательностью планировал каждое убийство, подумал, что ему своими действиями удалось подставить священника, который находился в другом городе? Жажда мести настолько затмила его разум?

Я рискнул предположить, что Шон мог оставить какие-то следы на бутылке, глоток из которой стал последним для Лоры. Да и вообще он начал слишком спешить с очередным убийством. Засветил фургон, спалился перед будущей жертвой. И продащица в кулинарии могла его запомнить. Крайне неосмотрительно.

Призрак Софи прямым текстом указал на убийцу, тем самым повысив важность мисс Грэм в этой истории. Но вместе с этим возрос и уровень опасности для неё. Человек-тень в любой момент мог нанести визит. И, кстати, я не получил ответа, почему он не может отпустить Софи дальше. Загадка.

И почему Энни не поняла, кто такой Шон Вуд? Ей же Джейк рассказывал про него. Скорее всего, она просто не знала его фамилию, но это всё равно странно. Участок-то в Барроу небольшой.

В любом случае, развязка близка.

Энни посмотрела на свое отражение в зеркале, затем подошла к двери женской раздевалки, повернулась и снова проверила свой внешний вид. Ее желудок скрутило, и она не знала, от нервов ли или от голода. Она не ела весь день, потому что нервничала, так что, вероятно, и то, и другое. Она с нетерпением ждала встречи с Томом и Лили, но терпеть не могла светские мероприятия, они всегда занимали последнее место в ее списке приоритетов.

Ее план состоял в том, чтобы поприсутствовать пару часов, а затем улизнуть, она не собиралась задерживаться надолго. Но в тоже время ей не хотелось обижать Лили после того, как та была очень добра к ней.

Кэти вышла из кабинета инспектора, выглядя очень очаровательно; она бросила один взгляд на Энни, а затем рассмеялась.

— Ты, случайно, не собираешься на барбекю к Тому и Лили?

— Да, это нормально?

— Конечно, глупышка, куда, по-твоему, я направляюсь? Пожалуйста, подбрось меня, а потом я напьюсь и на пару часов забуду о своей дерьмовой жизни.

Энни рассмеялась.

— Да, без проблем, подвезу, это избавит меня от неловкости появления одной.

Они покинули участок и сели в машину Энни. Выдался прекрасный вечер, воздух все еще был теплым, и это было изумительно. Они болтали о погоде, об убийстве Лоры и обо всем, кроме Уилла.

— Откуда ты их знаешь?

— О, я просто познакомилась с ними в первый день, когда начала здесь работать, и мы легко поладили, они кажутся такой милой парой. Никогда бы не подумала, что они богаты.

— Если не считать огромной яхты и особняка на берегу озера, вообще не догадаешься.

Они обе рассмеялись.

— Они действительно хорошая пара и очень поддерживают полицию. Я удивлена, что ты не познакомилась с ними раньше, если встречалась с Уиллом.

Энни повернулась, чтобы спросить ее, что она имела в виду, когда Кэти крикнула:

— Следующий поворот направо, извини, я забыла, что ты здесь впервые.

Энни резко повернула и проехала через пару огромных металлических ворот. Сначала подъездная дорожка была узкой, с вечнозелеными кустами родендрона по обе стороны, но затем с нее открылся вид на один из самых захватывающих дух дом, который она когда-либо видела.

Он был огромным, не таким большим, как особняк, который ей удалось сжечь в прошлом году, но очень близко. Построенный из сланца и известняка с побеленными стенами, он имел огромную лестницу, ведущую к входной двери, по обе стороны которой стояли очень реалистичные каменные львы.

Деревья были освещены сотнями волшебных огней, и украшены гирляндами флажков. Энни припарковала свой «Мини» на крошечном месте рядом с огромным «Мерседесом» и не заметила, как раскрыла рот, пока Кэти не начала смеяться.

— Неплохо, а? Каково жить в таком доме?

Энни улыбнулась:

— О, ты можешь себе представить? Он прекрасен.

Кэти выскочила из машины:

— Пошли, я хочу выпить, давай начнем эту вечеринку.

Энни последовала за ней. Кэти не стала приближаться к передней части дома, а пошла по веревочкам вокруг дорожки, которая вела на задний двор. Когда они завернули за угол, им навстречу донесся дымный запах углей для барбекю. Что бы там ни готовил Том, это вкусно пахло, и у Энни заурчало в животе. Уже по меньшей мере двадцать человек собрались вокруг огромного стола с напитками, на котором стояли всевозможные бутылки, а также холодильник, полный безалкогольных напитков и пива, и отдельный, наполненный вином.

— Бинго, нам повезло, они еще не выпили все, что можно.

Энни последовала за Кэти к бару, все еще в шоке от того, насколько прекрасны были дом и сад. Чья-то рука коснулась ее руки, и она повернулась, чтобы увидеть Лили, которая выглядела потрясающе. Она крепко обняла Энни и прошептала ей на ухо:

— Помни, что ты не хуже других здесь и выглядишь великолепно.

Энни почувствовала, что ее щеки начинают гореть, и обняла Лили в ответ:

— Спасибо, ты выглядишь потрясающе, Лили.

— Спасибо, Энни, добро пожаловать в наш дом. — Она подождала, пока Кэти нальет два бокала вина и передаст один Энни. — Иди поздоровайся с Томом, он всем о тебе рассказывал. Честно говоря, я думаю, что он, возможно, немного влюблен в тебя, так что просто стукни его, если он станет совсем невыносим.

Энни, которая только что сделала большой глоток освежающего холодного вина, поперхнулась. Лили подмигнула ей и повела за руку через толпу людей к самому большому барбекю, которое ей приходилось видеть, где Том с гордостью переворачивал гамбургеры.

Он повернулся, увидел их обеих, и ухмыльнулся. Отложив вилку, он шагнул к Энни и обнял ее.

— Я так рад, что ты смогла приехать, ты можешь спасти нас от скучной компании «Я такой богатый». Когда они начнут свой ежегодный конкурс, «я стану богаче тебя примерно через час».

— Ну, я могу попробовать, но понятия не имею, что мне сделать, чтобы превзойти это.

Лили потянула ее за руку:

— Пойдем, я приберегла для нас лучший столик, сын Тома скоро должен быть здесь, он честно пообещал мне, что приедет, независимо от того, что происходит на его работе.

Они сели, и Кэти подошла к ним с бутылкой вина в одной руке и бокалом в другой. Энни сидела и слушала, как Лили болтала, рассказывая ей краткую биографию каждого из присутствующих. Она медленно потягивала вино, стараясь оставить себе возможность уехать домой. Ей некуда здесь податься, если она напьется и не захочет спать в своей машине.

Час спустя, когда подали еду и вино лилось рекой, Лили взвизгнула и вскочила. Она побежала в сторону дома, взволнованная тем, кто только что прибыл. Энни повернулась, чтобы поговорить с Кэти о том, как все это удивительно, когда ее прервала Лили. Энни посмотрела на нее и увидела Уилла, стоящего рядом, ухмыляясь.

— Приятно видеть тебя именно здесь, тебе не потребовалось много времени, чтобы познакомиться с местными жителями.

Он подмигнул Энни, и Лили взвизгнула от восторга:

— Ох, скажите мне, что вы двое знаете друг друга, но на случай, если нет, Энни — это сын Тома Уилл.

Энни почувствовала, как ее щеки начинают гореть, ей хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила ее целиком. Какая она идиотка. Почему она не догадалась, кто сын Тома. Уилл был практически копией своего отца. Энни улыбнулась Лили:

— Да, мы знаем друг друга, довольно хорошо. Как тесен мир, правда? — Она изо всех сил старалась сохранить самообладание, но это становилось все труднее, и Энни вдруг поняла, как мало она знала о человеке, который украл, а затем разбил ее сердце.

Кэти начала хлопать в ладоши и хихикать:

— Черт меня побери, если это не воссоединение влюбленных.

Энни сердито посмотрела на нее, но та была слишком занята смехом над собственной шуткой, которая подпитывалась ее четвертым бокалом вина.

Лили потащила Уилла прочь:

— Мы вернемся через минуту, мне просто нужно продемонстрировать Тому, что Уилл выбрался с работы.

Энни в ужасе смотрела им вслед. Она взглянула на Кэти:

— Извини, девочка, но не хотела портить сюрприз, поняла, что ты понятия не имеешь, и подумала, что узнай ты, то развернулась бы и поехала сразу домой, скажи я тебе.

— Чувствую себя полной дурой, как неловко. Я понятия не имела. Мне действительно пора идти.

Она встала, чтобы уйти, но Кэти покачала головой:

— Ты не можешь уйти сейчас, он только что приехал. Все это, вероятно, было сделано для того, чтобы подставить вас обоих.

Энни повернулась и увидела Уилла, которого довольно восторженно целовала в щеку худенькая дочь одного из богатых друзей Тома, и все, она больше не могла этого выносить. Нет она не ревновала, она чувствовала унижение. Она не впишется в это общество и за миллион лет. Том смеялся над чем-то, что сказал Уилл, и Энни пошла обратно тем же путем, что и пришла, опустив голову, ей нужно убираться отсюда. «Поезжай в свой скромный дом, выпей бутылку вина и поплачь, пока не уснешь».

Энни почти добралась до своей машины, когда сзади послышались шаги, и она почувствовала запах лосьона после бритья Уилла, прежде чем он мягко положил руку ей на плечо, чтобы развернуть.

— Ты не можешь уйти сейчас, я только приехал.

Она отмахнулась от его руки:

— Прости, если сложилось впечатление, что я здесь, чтобы увидеть тебя. Понятия не имела, что ты приедешь, иначе не стала бы соглашаться на приглашение. — Она вытащила из кармана ключ от машины и нажала кнопку, чтобы открыть замок.

— Энни, пожалуйста, не уходи, хочу, чтобы ты осталась. Так приятно тебя видеть, я скучаю по тебе больше, чем можно выразить словами.

Она покачала головой и села в машину, захлопнув дверцу, но опустив стекло достаточно, чтобы поговорить с ним.

— Я приехала, потому что Лили и Том были так добры ко мне. Понятия не имела, что они твои родители. Шесть месяцев я жила с тобой, и ты даже не подумал рассказать мне что-нибудь о своем отце. Вместо этого ты позволил мне выставить себя полной дурой. Я еду домой, Уилл, наслаждайся оставшейся частью своей ночи. Ты все равно собирался приехать сюда без меня, так что не имеет ни малейшего значения, здесь я или нет.

Она завела двигатель и начала давать задний ход. Уилл качал головой и стоял позади

машины, пока ей не пришлось нажать на тормоза.

— Отойди, Уилл, я хочу домой.

— Я не собираюсь отходить. Почему ты так злишься? Потому что я никогда не говорил тебе, что мой отец богат. Как бы ты к этому отнеслась, если бы я сказал? Ведь это не важно и не имеет никакого отношения к нам с тобой, так какая разница?

Она не могла ответить ему правдиво, потому что на самом деле не знала, что не так. Кроме факта, что ей хочется оказаться дома и реветь всю ночь напролет, как обычной девушке.

— Никакой, это просто доказывает, что мы с тобой не созданы друг для друга. Доверия нет, и я никогда не стану той девушкой, какой ты хочешь меня видеть.

Побежденный, Уилл отступил в сторону, чтобы дать ей уехать.

— Но ты уже та самая девушка. Я хочу именно тебя Энни Грэм, — прошептал он ей вслед, вытирая уголки глаз рукавом и наблюдая, как она уезжает. Проводив машину Энни, он развернулся и столкнулся с Лили, которая смотрела на него, прикрыв рот рукой.

— О, Уилл, мне так жаль, я не должна была вмешиваться.

Он подошел к ней и обнял за плечи.

— Не будь дурочкой, Лили, это я все испортил до невероятности. Спасибо за попытку, и она злится не на тебя, а на меня. В прошлом году она пережила действительно трудные времена после того, как ее муж пытался ее убить. Потом ее похитил человек, который убил тех девушек в прошлом году, и он тоже пытался ее убить.

Лили сжала его руку:

— Боже милостивый, бедная Энни! Но я не понимаю, почему она так сердится на тебя?

Уилл почувствовал, что его щеки начинают гореть.

— Потому что пару недель назад я все испортил. Напился и в итоге проснулся рядом с одной из моих коллег по работе на диване. Войдя, Энни обнаружила нас почти голыми. Клянусь, я совсем ничего не делал, я бы не стал, но я все испортил, Лил.

Она обняла его.

— Тебе нужно разобраться в этом, совершенно очевидно, как сильно она тебя любит, и я никогда не видел, чтобы ты так вел себя с женщиной. Так что, думаю, можно с уверенностью сказать, что это она, Уилл. Проходи, выпей чего-нибудь, поешь и поговори со своим отцом. А завтра ты пошлешь ей самые изысканные красные розы и объявишь о своей вечной любви. Она нуждается в тебе, но, что более важно, я думаю, что ты нуждаешься в ней еще больше.

Лили повела Уилла обратно в сад, где смех стал громче, а запах еды разносился на всю округу. Он сел рядом с Кэти, которая трудилась над тарелкой, полной еды.

— Ну, ну, у тебя похоже не очень хорошо получается вернуть расположение нашей Энни? Неужели ты действительно не рассказал ей обо всем этом и о том, что однажды станешь миллионером, живущим светской жизнью? Оставив всех нас разбираться с тем же старым дерьмом.

— Отвали Кэти, она бы сбежала, испугавшись. Я хотел, чтобы она просто любила меня.

Кэти выплюнула кусочки гамбургера по всему столу.

— Черт возьми, ты еще больше облажался, чем я думала. Тебе действительно нужно разобраться с этим. Энни хорошая девочка, и как бы мне ни было больно это говорить, потому что я сама не полезла вновь во все это дерьмо после того, как застучала Дэна, вы двое — хорошая пара. Я не хочу, чтобы ты расстраивал моего офицера. Обещала Каву, что

позабочусь о ней, а ты совсем не помогаешь. — Она ткнула его в грудь.

— Как думаешь, что мне тогда делать, учитывая, что две бутылки вина сделали тебя экспертом дня?

— Попроси ее выйти замуж, докажи, что ты серьезен, и не предлагай подписывать брачный договор. Думаю, если ты снова все испортишь, она имеет право забрать каждый пенни, который у тебя есть. Это заставит дважды подумать, когда в следующий раз искушение встанет у тебя на пути.

Кто-то похлопал Уилла по плечу, и он, подняв глаза, увидел, что отец улыбается ему, держа в руках две бутылки пива. Он протянул одну Уиллу и кивнул Кэти.

— Очень хороший совет, Кэти, сказанный настоящим профессионалом, — он подмигнул ей, и она поднялась со стула.

— Извините, мне нужно зайти в дамскую комнату.

Том сел на стул рядом с Уиллом.

— Мне жаль слышать об этом, сынок, но, похоже, ты запутался. Хочешь хороший совет от старика?

Уилл сделал большой глоток пива и кивнул.

— Как бы мне ни было неприятно соглашаться с Кэти, она права. После всего, что Лили только что рассказала мне об Энни, если ты серьезно относишься к ней, возможно пора сделать решительный шаг? У вас может быть длительная помолвка, не обязательно сразу играть свадьбу, но это убедит Энни в силе твоей любви.

Энни пребывала в ярости, она только что повела себя как ревнивый подросток, а она уже достаточно взрослая, чтобы не разыгрывать сцены ревности. Почему Уилл Эшворт так на нее влиял?

Она собиралась домой, в постель, может быть, утром она почувствует себя немного лучше из-за всего этого. Ей придется извиниться перед Лили и Томом. Может ли она еще больше опозориться?

Добравшись до своего скромного дома, она разрыдалась. Он был небольшой, но ее, и она усердно работала, чтобы его купить.

Движение в окне спальни заставило ее поднять глаза, но она не увидела больше ничего, должно быть игра света. Энни просидела в машине минут пять, глядя в окно, чтобы увидеть, не движется ли что-нибудь еще, но этого не произошло. Ее сердце бешено колотилось, и она ожидала, что мертвая девочка прижмется лицом к стеклу.

Когда Энни убедилась, что в ее доме нет призраков, она вышла из машины, обошла дом и открыла дверь. Если бы она почувствовала запах капусты, она бы не стала входить, но ощущался только сладкий запах ванили, который приветствовал ее от подключенного освежителя воздуха у задней двери.

Она вошла и бросила сумку на кухонный стул. Открыв холодильник, она подумала о бутылке вина, но остановилась на воде. Взяв ноутбук с рабочего стола, она поднялась наверх и легла в постель. Она собиралась провести кое-какие исследования, чтобы выяснить, кто такой Шон Вуд и где он сейчас находится. Тогда она могла бы подойти к Уиллу со всем, что у нее было, как профессионал. И, она вероятно, извинится перед ним за то, что вела себя как идиотка, надеясь, что это спасет положение.

Грейс Маршалл провела последние три дня, работая над профилем убийцы, достаточно подробно, чтобы представить его Уиллу и его команде. Она хотела доказать ему, насколько хороша.

Две женщины найдены на могилах на территории одной церкви, а один мужчина найден мертвым в соседнем здании пресвитерии. Очевидно, что церковь играла важную роль. Католической церковью Святой Марии управлял священник по имени Джон Трелмейн. И именно его племянника, нашли мертвым в доме.

Уилл проверил отца Джона через систему, и там не оказалось ничего, никаких записей вообще. Священник вел тихую жизнь служителя церкви без каких-либо серьезных скандалов, так что было крайне маловероятно, что он убийца. Но Грейс действительно думала, что он связующее звено, он должен был быть, она просто должна выяснить, каким образом.

Поездка в поезде давала ей время все обдумать. Она слишком устала, чтобы вести машину, а ей необходимо сосредоточиться на том, что она делает. Она не сказала Уиллу, что приедет, но хотела первым делом утром посетить церковь Святой Марии и ввести всю информацию в используемую ею программу под названием «РИГЕЛЬ».

С помощью компьютерного алгоритма программа определит параметры и высчитает распад расстояния. В двух словах это означало, что многие преступники совершают злодеяния не сильно удаляясь от дома, и это, как она надеялась, сможет привести к месту, где преступник, скорее всего, будет жить. По крайней мере, хоть что-то для работы лучше, чем совсем ничего.

Она снова просмотрела отчеты. Отпечаток ноги выбивался из общей картины, вызывая у Грейс вопросы. Один и тот же след был найден в обоих местах преступления, и да, это след от ботинка «Магнум». Она знала, что такую обувь выбирают большинство полицейских и офицеров поддержки, но почему найден только этот? Разве в таком случае не должно быть несколько разных отпечатков? Из всех офицеров и техников, побывавших на месте происшествия, выделялся один и тот же след ботинка. Это больше, чем просто совпадение, она уверена в этом.

Уилл спал в своей старой спальне на роскошной кровати королевских размеров, которая принимала форму его тела. Это и выпитое пиво подарили ему лучший сон с тех пор, как ушла Энни.

Он проснулся рано, принял душ, оделся и спустился вниз под шум пылесоса и запах жарящегося бекона. Лили была занята уборкой холла, и Уилл, проходя мимо, чмокнул ее в щеку. Это была одна из причин, по которой он любил ее, и, хотя она никогда не заняла бы место его матери, Лили довольно хорошо вписалась в их семью.

Она настояла на том, чтобы самой делать уборку, хотя они могли позволить себе нанять кого-нибудь. Новая жена отца никогда не притворялась кем-то, всегда оставаясь самой собой.

Он прошел по коридору на кухню, где его отец готовил; он передал Уиллу огромную булочку с беконом и сосиской.

— Держи. Похоже мне придется есть сосиски до Рождества, я купил слишком много, по крайней мере, это настроит тебя на утро. Хорошо поспал?

— Да, спасибо, но мне скоро нужно уезжать. У нас все еще бродит сумасшедший, убивающий людей, и я понятия не имею, кто он.

Уилл откусил булочку и почувствовал, как по подбородку стекает коричневый соус, отец протянул ему бумажное полотенце.

— Страшная вещь, сынок, ты там полегче.

Уилл кивнул, обнял отца, затем направился к входной двери и прошел мимо Лили, которая остановилась, чтобы попрощаться. Когда он садился в машину, его отец выбежал из парадной двери вслед за ним.

— Уилл, я размышлял о твоей ситуации с Энни. Думаю, что мой сын, закоренелый холостяк, совсем не собиравшийся остепениться, влюбился. Останови меня, если я ошибаюсь. Ты хочешь провести с ней всю оставшуюся жизнь?

— Я не был уверен, что смогу, ну, ты знаешь, посвятить себя ей таким образом, но теперь, когда она ушла, да, да, я этого хочу. Хочу вернуться домой, чтобы услышать, как она подпевает расстроенному радио, хочу почувствовать запах свежее испеченных печений, даже если они подгорели по краям. Хочу целовать ее вечером и спать в обнимку каждую ночь, и это так больно, что я испортил все.

— У меня такое чувство, что она все еще чувствует к тебе то же самое, но ты задел ее гордость, а женщины этого не любят.

Том вытащил из кармана брюк маленькую черную бархатную коробочку и протянул ее Уиллу.

— Это обручальное кольцо твоей матери, а до этого оно принадлежало моей матери. Твой бедный дедушка работал три года, чтобы заплатить за него, но он сказал, что твоя бабушка стоит каждого пенни. Может быть, пришло время снова использовать его с пользой. Твоей маме это бы понравилось, и она хотела, чтобы ты успокоился и был счастлив. Единственный человек, который может все исправить, — это ты.

Уилл положил коробочку в карман, он вспомнил, что его мама носила кольцо каждый божий день. Кольцо имело большой бриллиант, плоский, но в форме цветка с более мелкими камнями вокруг него, как лепестки, и Энни оно понравится. Он улыбнулся отцу, а затем обнял его, прежде чем повернуться и сесть в машину. Тихие слезы текли по его щекам по маме, которая умерла слишком молодой, по Энни, Лоре и ему самому.

Энни приняла душ и уселась в машину, готовая к очередному рабочему дню. Она надеялась, что Кэти сегодня не будет, было слишком рано, чтобы общаться с начальницей. То, как она веселилась прошлым вечером, заставило Энни подумать, что Кэти либо совсем не придёт, либо появится уже лишь после обеда.

Единственной целью Энни сегодня было выяснить, кто такой Шон. Она подумала о том, как часто видела девочку, и задалась вопросом, где она похоронена. Территория церкви могла бы быть хорошим местом для поиска, если бы она вспомнила, за какой могилой та исчезла.

Энни даже не собиралась выходить патрулировать, потому что не хотела, чтобы ее останавливали для фотосъемки каждые пять минут. В маленьком участке стояла тишина, ни одного человека в поле зрения, что было хорошо и означало, что ей не нужно объяснять, что она задумала.

Она включила рацию, прикрепила ее к рубашке и ушла, чтобы прогуляться по церковному двору. Она не знала, вернулся ли отец Джон сюда или все еще оставался в

Барроу. Энни чувствовала себя немного виноватой, что не удосужилась проведать его, но сейчас у нее есть дело. Она нанесет ему визит сегодня днем и посмотрит, как он себя чувствует.

Она добралась до церкви и пошла вдоль неровных рядов могил, ища на надгробиях девочку по имени Софи Вуд. Она уже почти сдалась, когда свернула за угол рядом с церковью и взвизгнула. Энни совсем забыла о монументе ангела в натуральную величину и подумала, что это еще один труп. Подошла ближе, чтобы взглянуть. Это была красивая могила, ангел лежал на боку, ее крылья были аккуратно заправлены за спину, и она выглядела крепко спящей. Вокруг каменного постамента, на котором покоился ангел, имелась надпись:

Софи Вуд, 9 лет. 06.05.1975 — 28.06.1984

Элизабет Вуд, 34 года. 01.01.1950 — 30.06.1984

Мать и дочь воссоединились, в безопасных объятиях Бога.

Энни почувствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом. Софи действительно реальный человек, и если она существовала, то должен был существовать и ее брат. Энни нужно проверить приходские записи и офис регистратора, чтобы посмотреть, что она сможет выяснить. Она не знала, будет ли какая-либо информация в полицейском компьютере, но она проверит и это.

Ей действительно следовало рассказать обо всем Уиллу и позволить ему или одному из его офицеров заняться поисками, но в глубине души у Энни все еще оставались сомнения. Она знала, что он поверит ей и не будет подвергать сомнению ее информацию, но она не хотела, чтобы у него появились неприятности из-за ее общения с призраками. Копы безжалостно насмеялись над всем чем можно.

А еще ей стоит поговорить с отцом Джоном. Хотя он всего лишь замещал постоянного священника, он мог бы помочь ей.

Уилл прибыл на работу и направился в свой офис, где приятно удивился при виде Грейс Маршалл, которая сидела за его столом с открытым ноутбуком и яростно печатала.

Она подняла глаза:

— Доброе утро, Уилл, да я уже здесь. Ты хочешь взяться за дело или сначала тебе нужно что-то сделать?

Он оглядел свою команду, все занимали делами: разговаривали по телефону или работали за компьютером.

— Рад тебя видеть, давай начнем.

— Хорошо, я надеялась, что ты это скажешь. Мы можем где-нибудь поговорить наедине?

Он приподнял бровь, но ничего не сказал. Вместо этого повернулся и вышел из офиса вместе с Грейс, держащей ноутбук и блокнот в руках. Уилл молчал, пока они не поднялись на три лестничных пролета и не оказались в одном из пустых кабинетов на третьем этаже, как можно дальше от всех.

Она закрыла за собой дверь.

— Прости что все так таинственно, но ты должен услышать, что я хочу сказать, подумать об этом, а затем решить, что мы будем делать, без свидетелей.

— Тогда продолжай, должен признать, ты меня заинтриговала.

— Ну, я дважды просмотрела все, что ты мне прислал, изучила это в мельчайших

деталей, и каждый раз все возвращается к одному и тому же.

— К чему именно?

— Отпечаток ботинка поставил меня в тупик. Я думала о каждом отдельном сценарии, и он просто не подходит. Почему после всех людей, посещавших место преступления, в обоих случаях находился один и тот же отпечаток «Магнума»?

— Я бы подумал, что это довольно очевидно Грейс. Ты, как никто другой, должна знать, что большинство полицейских носят их. Так что след, скорее всего принадлежит одному из нас.

— Хорошо, и да, я это знаю. Давай тогда попробуем вот что: сколько людей, кроме офицеров, носят «Магнумы» двенадцатого размера и имеют законный повод быть на месте преступления?

Уилл подумал об этом:

— Э-э-э, никто. Ну, может быть, криминалист, но я почти уверен, что у Дебс, которая присутствовала и там и там, не двенадцатый размер.

— Я знаю, что это страшная мысль, но все выглядит так, как если бы его оставили специально, инсценировали. Предположим, я оставила отпечаток ботинка по ошибке, потому что была одной из первых на месте преступления, что делает очевидным, что я не убийца.

Грейс наблюдала за его лицом, когда Уилл понял к чему она клонит.

— Черт, только не это. Ты хочешь сказать, что убийца — офицер полиции, и он оставил его там специально, чтобы мы ничего не подумали, если найдем какие-либо улики, указывающие на владельца обуви?

— Мне очень жаль, но да. Думаю, убийца — офицер полиции или кто-то, кто имеет законный доступ на место преступления. Думаю, что он очень организованный, дотошный и планирует все до мельчайших деталей. Эти убийства не имеют сексуальной подоплеки, они больше связаны с мстостью или гневом. Меня интересует, почему он выбрал удушение в качестве средства смерти, возможно, потому, что не хочет портить им лица, но я все еще работаю над этим. Еще мне кажется он обычный нормальный парень, не слишком шумный или дерзкий. Он скорее всего хорошо ладит с большинством своих коллег, но у него нет близких друзей или подруги, он одиночка. По моему мнению, он нарциссический социопат, что означает, что он убивает, потому что хочет, а не из-за какого-то первобытного побуждения или принуждения. Судя по деталям и времени, которое он потратил на то, чтобы подготовить своих жертв, похоже, что он настоящий перфекционист.

— Но смерть Райана Трелмейна не была тщательно обставлена; его убили и оставили в доме.

— Это потому, что Райан не являлся частью плана. Он стоял на пути и мешал убийце добраться до того, кого он действительно хотел — Лоры. Он пошел на быстрое убийство, потому что ему необходимо было вывести его из уравнения. Он умен. Понимает, что вы автоматически обесцениваете следы, потому что никогда в жизни не поверите, что убийца один из вас. Нам нужно просмотреть рапорты и журналы места преступления и отметить каждого офицера мужского пола, члена криминалистической группы, любого сотрудника мужского и женского пола, которые имеют двенадцатый размер обуви и присутствовали там. Затем тебе нужно сопоставить его с двумя другими местами преступления, чтобы узнать, были ли они на дежурстве в те дни. Как бы он ни был организован — а мы предположим, что из-за размера обуви и того факта, что большинство серийных убийц —

мужчины, — он не смог бы держаться в стороне. Скорее всего он крутился где-то рядом, получая огромное удовольствие от проделанной работы, когда обнаруживали тела. Если на всех трех местах преступления не найдется ни одного подходящего человека, нам нужно проверить дежурства и посмотреть, сколько одних и тех же офицеров или сотрудников дежурили каждый раз, когда было обнаружено тело. О, и Уилл, стоит держать это в тайне, потому что у меня такое чувство, что, если он узнает, что ты за ним следишь, он сорвется и потеряет контроль. Это может привести к хаосу. Мы знаем, что у него нет совести, и я ни минуты не сомневаюсь, он убьет как можно больше людей, включая себя, если поймет, что его раскрыли. Если я права, то у него нет никого, кто ждал бы его каждый день, когда он заканчивает работу, и нет причин не закончить на высокой ноте. Пожалуйста, Уилл, мы не можем дать ему такой шанс, потому что он примет это на свой счет. Как только поймет, что ты следишь за ним он может прийти за тобой и за тем, кто тебе близок, включая Энни.

Уилл, который последние пять минут сидел, выпрямившись, слушая, как она говорит, наклонился вперед. Поставив локти на стол, он обхватил голову руками и сидел так пару минут, а затем посмотрел на нее сквозь пальцы.

— Что, черт возьми, мы будем делать, Грейс?

— Кому ты можешь доверять, или, что еще более важно, кто не носит двенадцатый размер?

— До сих пор это была моя команда, не думаю, что кто-то в моем офисе замешан в этом, но не могу сказать наверняка. Что, если наш убийца просто позаимствовал чьи-то ботинки двенадцатого размера, а на самом деле у него они девятого?

Грейс несколько секунд грызла ноготь большого пальца.

— Тогда, друг мой, нам крышка. — Она просмотрела фотографии, которые спрятала в конце своего блокнота, пока не нашла один из отпечатков и не изучила его. Через некоторое время она улыбнулась и протянула его Уиллу. — Нет, это, точно его ботинки. Видишь, где они немного потертые на каблуке, и рисунок не такой четкий. Если бы ботинок был слишком большим, он не оставил бы такого отпечатка в почве. Вот здесь он оперся на него всем весом.

— Фу, слава богу. Так давай я пойду и распечатаю графики дежурств и рапорты, а также скопирую журналы места преступлений, и мы посмотрим их вместе. Мы никому не будем говорить об этом, если он действительно такая бомба замедленного действия, как ты думаешь. Почему он выбирает блондинок?

— Я бы сказала потому что у него есть зуб на кого-то с тех времен, когда он был моложе. У жертв светлые волосы и они красивы, потому что готова поспорить, что та, кто когда-то разозлил его, была очень похожа на обеих жертв. Возможно мать, которая оставила его, или сестра, к которой он очень ревновал. Или его бросила подружка.

— Хочешь спуститься и забрать свои вещи, а я отвезу тебя к себе домой? — Он посмотрел на ее длинные светлые волосы, собранные в свободный пучок на макушке, и тонкие черты лица. Она соответствовала профилю жертвы, так что он не мог рисковать ее пребыванием в участке, и ему было интересно, понимает ли она как сама подходит на роль жертвы.

— Если ты этого хочешь, о, и Уилл, нам нужно поговорить со священником. Он — ключ ко всему этому, даже если сам этого не знает.

Они вышли из комнаты в пустынный коридор и прошли мимо комнаты для персонала, которая оказалась безлюдна. Уилл чувствовал себя на взводе и никак не мог смириться с тем

фактом, что один из хороших парней оказался не таким уж хорошим, и что все может стать еще хуже в мгновение ока.

Он подождал в коридоре, пока Грейс вернулась в его кабинет, чтобы забрать свои вещи со стола. Когда она вышла, он проводил ее до того места, где припарковал свою машину, на маленькой глухой улочке.

— Подожди здесь, я пойду и распечатаю все, что нам нужно, а потом мы отправимся ко мне домой и посмотрим, что сможем найти. Чем меньше людей будет знать, тем лучше, хотя у меня есть соблазн рассказать Джейку и Энни, но я боюсь втягивать их в это. Уверен, что это не Джейк, хотя у него двенадцатый размер, он определенно один из нас. Алекс первым же делом позвонил мне или Энни, если бы подумал, что Джейк сходит с ума. И еще убийца должен жить один или иметь доступ к месту, куда никто другой не может попасть. Первая жертва была убита не там, где ее обнаружили. Мы до сих пор понятия не имеем, где произошло первое убийство. Второе мы нашли только потому, что искали мужчину, с которым Лора ушла из паба. Дом первой жертвы несколько раз обыскивали криминалисты и оперативная группа, и он был чист.

— Я читала, что Трейси Хейл позвонила, потому что ей показалось, что кто-то был в ее доме?

— Да, но единственная причина, по которой она так подумала в том, что пульт от телевизора был перемещен.

— Не знаешь, его забрали и проверили ли на отпечатки пальцев после того, как было обнаружено ее тело?

— Думаю, нет, черт возьми. Я даже не подумал об этом, и сомневаюсь, что кто-то еще это сделал. Нам нужен этот пульт. Если убийца преследовал ее, то он мог быть в доме и дотронуться до пульта управления, его отпечатки могут оказаться на нем. Это сомнительно, но что мы теряем?

Грейс кивнула:

— Согласна, на данный момент стоит попробовать все, что угодно. Чем быстрее мы сможем опознать убийцу, тем меньше шансов, что кто-то еще пострадает.

Уилл захлопнул дверцу машины и побежал обратно в участок. От адреналина у него слегка дрожали руки, на лбу выступили капельки пота, которые он вытер рукавом куртки. Сейчас не время облажаться, от него зависели жизни людей. Он бросился в участок и вернулся к своему столу. Он даже не рискнул заглядывать в актовый зал, был так взвинчен и боялся, что может выдать себя.

Сотрудники уголовного розыска не носили рабочих ботинок, так что он был почти уверен, что это не кто-то из его команды, но это не означало, что у них не имелось пары, спрятанной дома или в раздевалке. Каждый из них начинал свою работу в качестве офицера реагирования. Офис во всю работал, все его сотрудники были распределены по задачам на утреннем совещании, чтобы продолжать работу.

Он сел за свой стол и снова вошел в компьютер, где принялся распечатывать дежурные рапорты за те дни, когда были найдены жертвы. Затем он взял записи с места преступления и пошел к ксероксу. Если кто-то и задавался вопросом, что он делает, они не комментировали, на самом деле они даже не взглянули на него. Через пятнадцать минут у него было все, что нужно. Не говоря ни слова, он собрал свои бумаги и вышел из кабинета.

Кав вошел через заднюю дверь как раз в тот момент, когда Уилл собирался уходить.

— Как дела?

Уилл поймал себя на том, что инстинктивно смотрит на ботинки сержанта, а затем резко поднял голову.

— Не очень хорошо. Какого размера у тебя обувь? У меня дома валяются ботинки, которые я надевал всего пару раз, можешь забрать их, если они тебе подойдут.

— Не думаю, что мои ноги поместятся в твои ботинки, у меня тринадцатый.

— Нет, они одиннадцатого, но массивные, так что, вероятно, подойдут кому-то с двенадцатым размером. Знаешь кого-нибудь, кому они пришлись бы в пору? Хотелось бы их пристроить, чего хорошей вещи валяться без дела.

Кав пожал плечами.

— Джейк, наверное, один из тех, кто покрупнее. Хочешь, я поспрашиваю у всех?

— Нет, все в порядке, я наклею объявление на доску, будь здоров, Кав.

Уилл вышел из участка чувствуя облегчение, что Кав не причем, это могло стать последней каплей. Он не думал об этом раньше, но сейчас понял, что надо искать среди крупных парней, когда они составят список всех подходящих сотрудников. Он не мог дожидаться, когда вернется домой и разберется с тем, что у них было, надеясь, что найдет ублюдка-убийцу и схватит его еще до похорон Лоры.

Энни постучала в дверь пресвитерии чуть громче, чем собиралась. Дом был большой, и она хотела убедиться, что отец Джон, если он там, ее услышит. Она подождала и была вознаграждена, услышав шаги с другой стороны двери. Она надеялась, что это будет Джон, и улыбнулась, увидев, что он встречает ее.

— Привет, как вы?

Он отступил в сторону, чтобы впустить Энни.

— Бывало и лучше. Моя сестра приехала вчера поздно вечером, так что один из ваших добрых офицеров отвез меня обратно, чтобы встретиться с ней. Она почувствовала себя плохо, поэтому мне пришлось позвонить доктору. Он недавно приходил, дал ей снотворное, и от него она сразу заснула. Как бы мне хотелось прекратить этот кошмар.

— Мне так жаль, Джон, правда жаль. Не хотелось бы вас беспокоить лишний раз, но я должна спросить, есть ли какой-нибудь способ выяснить кто был приходским священником здесь в 1984 году. Может вы знаете, где хранятся записи, это действительно важно.

— Я не знаю о записях, но могу ответить на твой вопрос, потому что точно в курсе, кто это. Это был я, намного моложе и очень увлеченный. Зачем тебе это?

Энни была потрясена и с минуту обдумывала свой ответ: что, если человек, стоящий перед ней, убийца? Но затем ее относительно новое шестое чувство подсказало, что Джон хороший парень, и это не он. Она надеялась, что права и не шагает прямо в объятия нового сумасшедшего.

— Ну, это действительно трудно объяснить, но я верю, что это правда. Вы верите в призраков?

Настала очередь Джона на секунду застыть, и Энни почувствовала себя немного неловко, задумавшись, не задала ли она ему тот самый вопрос, который никогда не следует спрашивать у священнослужителя. Он изучал ее лицо, а затем медленно кивнул. Взяв ее за локоть, мягко провел ее на кухню и закрыл за ними дверь.

— То, что я собираюсь тебе сказать, останется между нами, согласна? Я не могу опорочить церковь и не хочу, чтобы это стало достоянием общественности, понимаешь?

Энни, потеряв дар речи, кивнула.

Он глубоко вздохнул.

— Я действительно верю в призраков, и когда был намного моложе, я имею в тринадцать лет, постоянно видел одного, который пугал меня до смерти. Это была главная причина, по которой я обратился к Богу. Я верил, что если что-то подобное существует, то и Всевышний тоже. Но почему ты спрашиваешь и какое это имеет отношение к 1984 году?

Она не была уверена, как много ей следует рассказать ему о себе, но потом решила, что честность — лучшая политика, ложь слишком сложна.

— В прошлом году я получила серьезную травму головы, и с тех пор мне иногда удавалось видеть призраков. Сначала я думала, что у меня галлюцинации, но потом со мной начали происходить действительно странные вещи. Я встретила медиума, который сказал, что у меня развилось шестое чувство. Очевидно, у некоторых людей так случается после таких травм. — Энни ждала, что Джон рассмеется, но он не рассмеялся, просто кивнул головой, чтобы она продолжала. — Я видела маленькую девочку, и еще мужчину, ну, он больше похож на тень мужчины, но от него очень плохо пахнет.

Краска сошла с лица Джона, и он выглядел так, словно его сейчас стошнит прямо на стол. Он опустил на один из сосновых стульев.

— Ты знаешь, как зовут эту маленькую девочку? Это Софи?

— Да, она сказала, что ее зовут Софи Вуд, а еще, что не хочет, чтобы ее брат продолжал убивать. Но человеку-тени это не нравится, и он не отпускает Софи к свету, он держит ее с собой в темноте.

Энни не думала, что когда-нибудь видела человека, который все еще был жив, таким же бледным, как Джон сейчас. Его лицо было пепельно-серым.

— Я очень, очень давно не вспоминал о маленькой Софи Вуд. Думаешь, это ее брат убивает этих женщин, и он же убил Райана? О Господи, он уверен, что это моя вина, он обвиняет меня в том, что случилось в июне 1984 года. Клянусь Богом, я не виноват, я хотел только помочь. Я почти отказался от своего священства ради мамы Софи Бет и ее детей, но все пошло ужасно неправильно, и теперь Шон вернулся, чтобы отомстить. — Джон перекрестился и начал рассказывать о том, что случилось много лет назад. Закончив, он начал читать молитву.

Энни достала телефон и позвонила Уиллу.

— Не спрашивай подробностей, но у меня есть имя убийцы, по крайней мере, я на девяносто девять процентов уверена, что это он.

— Как его зовут, Энни? Я дома с Грейс, она разработала профиль, и это не очень хорошая новость. Все указывает на то, что убийца — полицейский.

Из горла Энни вырвался звук, похожий на визг.

— Его имя Шон Вуд. Его сестру звали Софи Вуд, и она умерла в далеком 1984 году, когда отец Джон Трелмейн пытался помочь ее семье. Думаю, что из-за этого он затаил большую обиду на Джона. Уилл, есть офицер реагирования по имени Шон, но я уверена, что его фамилия — Блэк.

— Спасибо, Энни, я займусь этим сейчас и все проверю. На данный момент нам нужно обезопасить Джона. Грейс сказала, что он связующее звено, и как только Шон поймет, что мы вышли на него, он, возможно, начнет действовать в открытую. Есть ли какое-нибудь место, куда ты могла бы отвести его и пересидеть вместе с ним, пока мы не найдем этого Шона? Я не хочу тебя впутывать, но у меня не так много людей, которым я могу доверять.

— Я не смогу никуда его отвести, Уилл, мама Райана здесь. Она почувствовала себя плохо, и доктору пришлось дать ей успокоительное. Кем бы ни был тот Шон, он осиротел в раннем возрасте и, по словам Джона, попал в приемную семью в Манчестере или где-то поблизости.

— Спасибо тебе и передай спасибо Джону, мы сможем сузить круг поисков в течение часа, а не дней. Я попрошу Джейка приехать и остаться с вами обоими. Мне очень жаль, Энни, что снова пришлось втянуть тебя во что-то опасное. Заприте здание, и ты знаешь правила, не впускайте никого, я имею в виду абсолютно никого, кроме Джейка.

Энни почувствовала сильнейшую тошноту.

— Не буду. Пожалуйста, будь осторожен.

У Шона выдались выходные, три дня он не работал. Он отправился на свое обычное место возле парикмахерской, чтобы наблюдать за ней. Она нравилась ему больше, чем две другие. Со страницы салона в Фейсбуке он знал, что ее зовут Софи, весьма символично.

Он наблюдал, как она отправилась за своим обедом, но на этот раз не пошел за ней. Когда она вернется, он войдет и договориться с ней о встрече. Он знал, что в парикмахерской нет камер видеонаблюдения, потому что месяц назад была попытка взлома, и он выезжал по вызову. Когда она завернула из-за угла, он вышел из машины и направился в парикмахерскую, не смотря в ее сторону, но двигаясь так, чтобы добраться до входной двери одновременно с ней. Он слегка толкнул ее и поднял глаза:

— Прости, я не заметил тебя.

— Все в порядке, — улыбнулась она.

Он открыл дверь и вошел, придерживая ее для нее. Она одарила его улыбкой, которая почти растопила его сердце. Он улыбнулся в ответ и направился к маленькому прилавку, где еще одна девушка разговаривала по телефону. Софи исчезла в маленькой комнате для персонала в задней части, но почти сразу же вышла.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Извини, что толкнул тебя, я просто немного задумался. Есть ли хоть малейшая надежда, что кто-нибудь согласится подстричь меня? Я не могу сделать это сам, мне всегда удастся порезаться.

— Я могу подстричь тебя сейчас, если хочешь?

— Не хочу портить тебе обеденный перерыв, я могу подождать, пока ты закончишь.

— Нет, все в порядке, это всего лишь багет с куриным салатом, очень скучный, и я не настолько проголодалась. — Она подвела его к своему рабочему месту у окна, и он сел. Когда она завязывала накидку вокруг его шеи, он почувствовал, как холодная дрожь пробежала по его спине. Она улыбнулась ему в зеркало:

— Кто-то только что прошел по твоей могиле?

— Надеюсь, что нет, — рассмеялся он.

— Номер два повсюду?

Он кивнул и поразился, какие у нее легкие и нежные пальцы. Все закончилось слишком быстро, и, когда она начала расчесывать волосы, он не смог устоять.

— Знаю, это немного дерзко, но решил спросить, не захочешь ли ты выпить, когда закончишь работу. Сегодня у меня выходной, и я сыт по горло тем, что провожу его в одиночестве.

Софи покраснела и тихо рассмеялась:

— Я не уверена, имею в виду, что не против, но сегодня должна работать допоздна. Теперь моя очередь убирать салон, так что закончу не раньше семи.

— Семь мне подходит, хочешь, заеду за тобой, или мы могли бы встретиться в пабе?

— Если не возражаешь, я встречу с тобой там, спасибо.

Шон протянул ей руку:

— Я — Шон, ты ведь не помнишь меня без формы?

Она покачала головой.

— Я полицейский, который приходил несколько недель назад, когда кто-то пытался

вломиться в парикмахерскую.

Он подметил, как она заметно расслабилась, весь стресс от принятия свидания с совершенно незнакомым человеком был снят с ее плеч. Все знают, что полицейские — хорошие ребята.

— Мне показалось, что я тебя раньше видела, но не могла вспомнить где. Если начнется дождь, забереешь меня отсюда? Теперь моя очередь быть дерзкой, но я бы не хотела, чтобы мои волосы намокли. — Она подмигнула ему, и они оба рассмеялись, он вытащил бумажник, и она оттолкнула его. — За счет заведения, это была самая быстрая стрижка и, честно говоря, лучшая беседа за долгое время. Увидимся в семь.

Шон попрощался, вышел за дверь и направился через дорогу к своему грузовику, волнение нарастало в его груди. Ему хотелось закричать во весь голос, какой он, черт возьми, замечательный, но он этого не сделал. Он сел в машину и поехал прямо домой, нужно решить, где будет похоронен этот спящий ангел.

Он думал о том, чтобы отвести ее к порогу дома отца Джона, о том, как уместно, что священник вернулся в церковь, где все началось, и как любезно со стороны местной прессы сообщить ему об этом.

Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз навещал могилу матери и Софи. По дороге домой он решил, что это именно то, что он сделает, и ему это понравилось, очень понравилось. Сегодня он немного рискнул, но это того стоило. Он хотел увидеть лицо священника, когда они встретятся, и решил, что пока священник страдает, он покончит со всем и его миссия будет завершена.

Энни встала и потянулась.

— Мне нужно, чтобы вы показали, где находятся все окна и двери, мы должны сделать это место настолько безопасным, насколько сможем, пока они не схватят его. Они сузили круг подозреваемых, но мы не можем рисковать. Как только Шон поймет, что они вышли на его след, он может просто прийти за вами, но обещаю, я не позволю ему причинить вам боль. Теперь я хочу, чтобы вы начали с самого начала и подробно рассказали мне, что произошло в 1984 году.

Джон провел ее по дому из комнаты в комнату, где они закрыли окна и заперли все двери. В гостиной были две огромные двери во внутренний дворик, и Энни понимала, что они самое слабое место. Если Шон и придет сюда, то именно через них он попытается попасть внутрь. Она дважды проверила, заперты ли они, а затем начала перетаскивать тяжелый диван, чтобы поставить перед ними, дополнив всем, что смогла найти. К тому времени, как они закончили, оба вспотели и тяжело дышали.

— Если он войдет сюда, по крайней мере, это будет шумно, и мы должны его услышать. — Она повернулась и проверила внутреннюю дверь в комнату, чтобы выяснить, есть ли там замок, но его не было. Только в спальнях имелся замок. Когда они вернулись в холл, Энни подтащила стул от маленького письменного стола в углу и подперла им дверь. Она понятия не имела, насколько большим или сильным был Шон, но если это тот самый Шон, с которым она иногда работала, то да, он был высоким и подтянутым. Он не был женат, но она не знала, был ли он в отношениях или нет. Энни всегда ладила с ним, и ей было бы трудно поверить, если бы это оказался он. Как же все запуталось.

Единственное, во что она верила, так это в то, что у убийцы была определенная миссия, и он сделает все, чтобы закончить то, что начал. Она ничего не сказала Джону, он и так был

расстроен. Они закончили проверять комнаты, кроме той, в которой спала его сестра.

— Я не хочу ее разбудить, не могла бы ты зайти и проверить, закрыто ли ее окно?

Энни кивнула. Она медленно открыла дверь, чтобы та не скрипнула, затем на цыпочках прошла по деревянным половицам к открытому окну, и закрыла его. Женщина на кровати тихо пробормотала что-то, но не открыла глаз. Энни вышла так же тихо, как и вошла, и прикрыла за собой дверь.

— Мой друг Джейк, тоже полицейский, едет из Барроу, так что все будет в порядке.

Джон кивнул и направился к лестнице. Энни почувствовала, как холодные пальцы коснулись ее руки, и, обернувшись, увидела Софи, стоящую позади нее. Маленькая девочка поднесла палец к губам, и на этот раз Энни поняла, девочка вошла в ванную, и она последовала за ней.

— Я подойду через минуту, мне просто нужно в туалет. — Сердце Энни бешено колотилось, а в комнате было так холодно, что зеркало запотело.

— Шон снова собирается убивать, у него уже есть жертва, и человек-тень идет сюда. Он хочет тебя, Энни. Он сказал, что заберет душу Шона, как только тот убьет отца Джона, но еще он хочет твою душу, потому что уверен, что ты очень особенная. Джон изо всех сил старался помочь мне, но у него не хватило сил победить. Тебе нужно сказать ему, что он должен сразиться с человеком-тенью и на этот раз изгнать его навсегда, потому что он становится сильнее и не остановится. Ты должна сказать Джону, если он сможет положить этому конец, я смогу выйти на свет и побыть с мамой, я так давно ее не видела, и мне надоело быть в темноте.

— Как он может остановить его, Софи, что ему нужно сделать?

— Джон знает, он всегда знал. Он просто слишком боялся сделать это. На этот раз он должен, иначе вы оба умрете и навсегда останетесь в тени.

Софи протянула ей сломанную игрушечную фигурку, которую Энни положила в кухонный ящик.

— Шон любил Команду «А». Он подарил мне ее в день моей смерти. Верни ему ее и скажи, что я хочу, чтобы он прекратил все это. — В комнату ворвался слабый запах гнилой капусты, и лицо Софи превратилось в маску ужаса. — Он рядом, мне нужно идти. Передай Джону, что я благодарна ему, но на этот раз он должен сражаться изо всех сил, если хочет спасти нас всех.

Энни смотрела, как силуэт Софи исчезает перед ней. Только что она разговаривала с призраком мертвой девочки, а в следующее мгновение дрожит в комнате, которая превратилась в морозильную камеру. Энни почувствовала, как тяжелый комок страха застрял у нее в горле, она не хотела умирать, человек-тень может идти к черту. Но она не знала, как остановить его. С лицом таким же белым, как у Софи, она сбежала по лестнице на кухню, чтобы найти Джона.

Он посмотрел ей в лицо и покачал головой.

— Нет, пожалуйста, я не хочу ничего знать. Это должно прекратиться.

Энни села на стул напротив него.

— Софи умерла, когда вы пытались ей помочь?

Он медленно кивнул.

— Она велела мне передать спасибо, но он вернулся, и на этот раз вам придется изгнать его навсегда, потому что он идет сюда и хочет теперь меня. Он держит Софи в плену. Пожалуйста, Джон, скажите мне, что вы знаете, о чем она говорит, потому что я просто еле

сдерживаюсь, понятия не имею, как бороться с человеком-тенью, который хочет мою душу. Софи сказала, что вы знаете, как это делается, но всегда боялись идти до конца.

Джон закрыл голову руками и зарыдал, но не за себя, а за Бет, Софи и маленького Шона, который все эти годы обвинял его с такой ненавистью, что это превратило его в хладнокровного убийцу. Он оплакивал своего племянника и двух убитых женщин, и все потому, что его собственная вера не была такой сильной, как должна была быть в 1984 году. Он потерял единственную женщину, в которую когда-либо влюблялся, из-за своих отношений с Богом.

Энни наклонилась и крепко сжала его руку. Она позволила ему плакать, пока слезы не высохли и в нем больше ничего не осталось, затем протянула салфетку и подождала, пока он высморкается.

— Хорошо, давайте вы начнете с самого начала, а я попробую понять, что мы можем сделать с этим человеком-тенью. Я помогу вам бороться с ним, обещаю, из-за него больше никто не умрет. Особенно я.

IX

Предполагая в прошлый раз, что развязка близка, я ожидал получить её уже в следующих текстах, но вместо неё в них нашлись только сгущение красок и нагнетание атмосферы. В целом всё шло так, как я предсказывал, за исключением нескольких моментов. Но обо всём по порядку.

Поведение мисс Грэм на вечеринке у Тома Эшфорта было логичным и ожидаемым. Что ещё можно ждать от девушки, которая считает, что её предали? Ход с обручальным кольцом был тоже довольно читаем. Без радикального шага вперёд воссоединение редко приводит к чему-то хорошему. Больше в этой части не было ничего интересного для меня.

Но уже в следующем отрывке всплыли новые факты, о которых было сложно догадаться ранее. Оказывается, что история с семьёй Вуд произошла не в Барроу, а в Уиндермире. Глобально это, конечно, ничего не изменило, но всё же у меня появились некоторые сомнения насчёт зависимости сил призраков от места захоронения их хозяев.

А вот дальше я несколько раз не смог удержаться от жеста, известного в интернете как «рука-лицо». Во-первых, как Шон мог не знать о методе географического профилирования, используемого при поиске серийных убийц. Его же придумали ещё в восьмидесятых годах прошлого века! Кажется, автора звали Ким Россмо, и он был полицейским детективом. Шон обязан был проходить это в академии! Кажется, я переоценил этого персонажа.

Второй момент настораживал меня ещё сильнее. Никогда не был сексистом, но какого чёрта? У меня складывалось стойкое впечатление, что мужчины в Камбрии существуют только для того, чтобы употреблять алкоголь, соблазнять женщин и/или страдать. Поразительная инфантильность!

Стоило только девушке-психологу взяться за дело, как тут же всё пошло как надо. Мало того, все предложения, что она выдвигала, я высказывал в своих ответах на письма ещё в самом начале: проверить пульт из дома Трейси, сравнить отпечаток ботинка с таковыми у сотрудников местной полиции. Может, местной полиции стоит чаще прибегать к услугам частных специалистов? Хотя я понимал, что это утопия. В современном мире больше не осталось людей, похожих на инспектора Лестрейда.

Тем временем оказалось, что отец Джон прекрасно знал, кто может точить на него зуб, и сразу же назвал Шона. Забавно, как тот обыграл смену фамилии: Блэк и Вуд. Блэквуд? Кажется, в истории нашей страны была парочка лордов с такой же фамилией. Или это всего лишь то, что ему осталось от приемной семьи?

Всё указывало на то, что впереди меня ждала кульминация этого дела. Насколько я понял, Шон поехал в Уиндермир, чтобы навестить могилу своих родственников. Туда же направлялся и «вонючка», чтобы овладеть душой Энни. Удастся ли первому опознать машину мисс Грэм и вступить с ней в контакт? Будет ли иметь какое-то

значение фигурка Ганнибала, которую дала ей призрак? Сможет ли отец Джон второй раз противостоять человеку-тени? Ответы на все эти вопросы будут уже завтра.

Уилл и Грейс сидели за кухонным столом, склонив головы над листами бумаги, которые он распечатал, каждый с ярко-желтым маркером в руках. Они сузили круг поисков до трех человек, которые, по мнению Уилла, были отличными полицейскими.

Шон Блэк, который был очевидным выбором из-за его имени. Смити, он же Стив Смит, но он не был крупным парнем, и Уилл сомневался, что у него будет двенадцатый размер обуви. А еще Смити работал в полиции так долго, может даже дольше, чем Уилл, и он определенно не был самым умным человеком в участке. Третий — Джо Паркер, высокого роста и вполне мог иметь подходящий размер ноги. Джо служил меньше всех, и о нем они знали очень мало.

Они оба согласились, что это выбирать нужно между Шоном Блэком и Джо Паркером, поскольку они были в одной смене, смены Смита не всегда совпадали с нужными датами. Интуиция Уилла подсказывала, что это Шон Блэк, но он не хотел делать поспешных предположений и все испортить. У Джо и Шона сейчас выходные, что давало ему немного времени.

Он снова позвонил Энни:

— Не могла бы ты попросить отца Джона описать, как выглядел Шон, спросить, были ли у него какие-нибудь отличительные черты — шрамы, родинки, родимые пятна, может быть, татуировка 666 за ухом. Нам удалось сузить круг подозреваемых до Шона Блэка и Джо Паркера.

Последовала пауза, пока Энни спрашивала.

— Джон сказал, что у Шона шрам на левой стороне щеки, он упал с дерева на фигурку. Конечно, к настоящему времени он уже поблек, но все еще должен быть там. Я точно знаю, что у Джо нет шрама на щеке, он настолько тщеславен, что тратит больше времени на уход за собой, чем на работу. На последнем собрании, на котором присутствовала, помню, как смотрела на него и пыталась понять, почему, черт возьми, он такой самовлюбленный. Уверена, что это не он. Хотя я не могу ничего вспомнить о Шоне, никогда не обращала на него особого внимания.

— Спасибо, Энни, похоже, Шон Блэк, тот кто нам нужен. Попрошу кого-нибудь проверить его биографию. Я его толком не знаю и понятия не имею, где он и что задумал. Само собой разумеется, если Шон или Джо Паркер появятся, нажмите красную кнопку экстренной помощи и не впускайте их. Сейчас позвоню боссу и попрошу его, запустить процесс. Как только мы решим, что будем делать, я перезвоню тебе.

— Хорошо, постарайся сделать это как можно скорее, потому что у него уже есть следующая жертва. Не думаю, что он будет что-то предпринимать, пока светло, но как только стемнеет, все изменится.

— Как ты узнала так много Энни?

— Если бы я сказала, что мне все это поведала мертвая девочка, ты бы поверил?

На том конце провода воцарилась тишина, наконец Уилл обрел голос.

— Да, я бы поверил, Энни, и я действительно верю тебе. Пожалуйста, будьте осторожны.

— Ты тоже Уилл.

Он закончил разговор и посмотрел на Грейс:

— Я уверен, что Шон Блэк — наш человек, судя по тому, что сказал отец Джон, но пока мы не проверим, мы не можем сказать наверняка. По словам Энни, он уже выбрал следующую жертву.

Уилл набрал номер инспектора, испытал облегчение, когда тот ответил на втором гудке, а затем провел следующие десять минут, передавая ему все, что они узнали. Ему пришлось убрать телефон подальше от уха, в то время как инспектор на другом конце громко выражал свое негодование. Через минуту Уилл вернул трубку на место.

— Итак, босс, что мы будем делать? У нас не так много времени; ему нужно подготовиться, прежде чем он снова убьет.

— Я не спорю с тобой, Уилл, но серьезно, один из нас, как или даже почему? Это вызовет самый большой скандал со времен Йоркширского кровавого потрошителя. У нас достаточно доказательств, чтобы привлечь его к ответственности? Профиль Грейс очень хорош, но, если мы задержим его, и не будет ничего конкретного, его адвокат разделает нас под орех. Тогда его выпустят, и он снова начнет убивать, не говоря уже о том, что сможет подать жалобу на преследование. Признаю, что совпадающий отпечаток ботинка на месте преступления указывает на него, но это лишь косвенная улика, ее легко опровергнуть. Им понадобится больше доказательств, чем отпечаток ботинка и наше предчувствие, и ты это тоже знаешь. Если только в его доме нет никаких улик — нам нужно войти и обыскать его. Позволь мне получить его личное дело и немного подумать, я скоро свяжусь с тобой.

Уилл положил телефон на заваленный бумагами стол:

— Ну, все прошло лучше, чем я ожидал, но не так хорошо, как хотелось бы. Нам действительно нужно найти что-то конкретное, что связывает Шона с местом преступления, но время уходит. Чем больше людей узнают об этом, тем больше шансов, что он поймет, что мы его раскусили. Нам нужен человек, чтобы следить за ним, но это не может быть кто-то из нас, он узнает. Хорошо бы кто-то из другого района.

— Я могу сделать это.

— Ни в коем случае, это очень любезно с твоей стороны, но ты не обучена слежке, и у тебя светлые волосы, ты как раз в его вкусе. Я не могу позволить тебе подвергать себя опасности, Грейс.

— Да, но ты мог бы дать мне рацию и показать, как ею пользоваться. Я могла бы припарковаться рядом с его домом и немного понаблюдать, а ты остался бы за углом и при необходимости прибежал, чтобы спасти положение.

Как бы заманчиво это ни звучало, Уилл не мог согласиться.

— Спасибо, но не надо, мы что-нибудь придумаем.

Джон закончил рассказывать Энни о том скверном лете 1984 года, он ничего не упустил. Он рассказал ей о ужасном времени, когда выбирал между Бет и Богом; пришло время ему признаться кому-нибудь.

— Если бы я был настоящим мужчиной, я бы повернулся спиной к Богу и забрал отсюда Бет, Софи и Шона, но я оказался слишком напуган. Думаю, именно это Софи пытается сказать, что из-за того, что я чувствовал, моя вера не была достаточно сильной, чтобы бороться с человеком-тенью тогда.

— А теперь, Джон, насколько сильна ваша вера сейчас?

— Она никогда не была сильнее. Чем старше я становлюсь, тем сильнее верю. Мысль о том, что рано или поздно я встречу своего создателя, укрепляет мою веру с каждым днем.

— Хорошо, потому что именно это нам и нужно? Я чувствую, что человек-тень где-то рядом, время от времени ощущаю его слабый запах, но уверена, он просто ждет подходящего момента, чтобы сделать свой ход.

Джон прошел в гостиную и вернулся со старой кожаной библией и распятием. Он положил их на стол и сложил несколько четок поверх библии, а затем начал молиться. Закончив, он перекрестился, а затем повернулся, положил руку ей на голову и произнес другую молитву, на этот раз Святому Михаилу:

— Святой Архангел Михаил, Защити нас в бою.

Будь нашей защитой от зла и ловушек дьявола.

Пусть Бог упрекнет его, мы смиренно молимся;

И Ты, о Князь Небесного Воинства,

Божественной силой Бога

Низвергните в ад сатану и всех злых духов

Которые бродят по всему миру в поисках гибели душ.

Он перекрестил лоб Энни и надел четки ей на шею.

— Я могу быть сильным, Энни, на этот раз не позволю ему победить, и что бы ни случилось, ты не должна мешать мне делать то, что нужно. Если это мое время, то так тому и быть, но я не умру и не уйду во тьму, я отказываюсь, и, Бог свидетель, не позволю ему причинить тебе боль.

Энни подняла руки, на которых сидела, чтобы они не дрожали, и сжала его ладони. Она надеялась, что Джейк появится с минуты на минуту, потому что Джон выглядел слишком серьезным и собранным в своей роли священника, и, если честно, она прибывала в ужасе. Атмосфера в доме была заряжена, как статическое электричество, и Энни ждала, когда воздух начнет потрескивать.

— Мне нужно пойти в церковь, Энни, я хочу встретиться с ним на территории Бога. Человек-тень делает вид, что не может войти внутрь, но он может и войдет, сегодня вечером он настроен серьезно.

— Простите, Джон, но нам нужно остаться здесь, церковь слишком открыта. Я не могу следить за вашей сестрой и вами, речь ведь идет не только о человеке-тени, мы понятия не имеем, где Шон и что он планирует.

— Все в порядке, понимаю, ты права, все хорошо. Он ждал этого почти тридцать лет, еще час или два ничего не изменят, но мне действительно нужно где-то побыть одному. Не возражаешь, если я пойду в гостиную, соберусь с мыслями и помолюсь?

— Конечно. Извините, Джон, я понимаю, и когда Джейк приедет, мы сможем пересмотреть ситуацию.

Она смотрела, как он берет библию и распятие, его лицо было мрачным, и Джон выглядел намного старше, чем в первый раз, когда она встретила его менее двух суток назад. Он говорил серьезно, и она за него очень переживала. Джон вышел в холл, отодвинул стул от дверной ручки и повернулся к ней лицом.

— Я позову тебя, когда закончу, пожалуйста, убедись, что моя сестра не войдет и не побеспокоит меня, мне очень, очень нужно сосредоточиться.

— Конечно. Хотите, я постучу в дверь, когда приедет Джейк?

— Нет, как только помолюсь и подготовлюсь, я приду и заберу тебя. Спасибо тебе, Энни, за все. Мне так жаль, что нам пришлось встретиться при таких ужасных обстоятельствах, но я рад нашему знакомству.

Энни улыбнулась, а затем оставила его одного. Она не чувствовала себя спокойно из-за слов, которые прозвучали как прощание, и переживала, что оставила Джона наедине с этим. Но она не была священником и не знала, что они делают в таких ситуациях. Энни понятия не имела, что ей следует себя вести, и не в первый раз задавалась вопросом, как, черт возьми, она оказалась замешанной в такого рода неприятностях. Она пошла на кухню и написала Джейку:

«Поторопись, священник сходит с ума, и я боюсь. Думаю, ты, наконец, увидишь своего призрака».

Достав свой карманный блокнот, она начала писать. Слова выходили далеко за пределы служебного долга, но она писала это для Уилла, и надеялась, что он в безопасности, и им удалось найти Шона в Барроу. Энни была поглощена писательством, не упоминая о визитах мертвой девочки и о чем-либо, связанном с человеком-тенью.

Громкий стук в парадную дверь заставил ее вскочить со стула. Она вытащила свою дубинку и подошла, чтобы заглянуть в глазок на входной двери. Вздох облегчения сорвался с ее губ, когда Энни увидела крупного мужчину, носящего имя Джейк, с другой стороны, который посылал ей воздушные поцелуи.

Энни открыла дверь, он вошел и обнял ее:

— Женщина, как ты это делаешь? Как тебе удастся ввязываться во все это безумие? Однако есть одно преимущество: жизнь никогда не бывает скучной, когда ты рядом.

Его телефон запищал, и он вытащил его из кармана, чтобы прочитать ее сообщение, которое только что пришло. Джейк посмотрел на нее.

— Ты что, издеваешься? Серьезно, только не говори мне, что ты снова видишь мертвых людей.

Энни покраснела:

— Не по собственному выбору, я точно не выбираю, когда их видеть — они просто появляются. Пойдем на кухню, и я все тебе расскажу.

— А где святой отец?

Энни толкнула его локтем в бок.

— Ш-ш-ш, он тебя услышит, он молится в гостиной, и это не шутка. Он готовится к битве с человеком-тенью.

Джейк закатил глаза:

— О, это становится все интересней и интересней, кто такой человек-тень?

— Я точно не знаю, но от него очень плохо пахнет, и он собирает души людей и держит их с собой в темноте. С ним в ловушке маленькая девочка по имени Софи, и именно ее брат убивает девушек.

Джейк плюхнулся на один из кухонных стульев.

— Ты начала принимать какие-нибудь препараты, о которых я должен знать Энни?

Она села напротив него.

— Я говорю серьезно. Очевидно, этот человек-тень хочет заполучить мою душу, и он придет за мной. Я в панике. Отец Джон знает его уже давно, и он собирается спасти всех нас и мою душу. Надеюсь.

— Хорошо, я тоже надеюсь. Имею в виду, что я здесь, чтобы защитить тебя, но если все, что я могу учуять, — это кого-то с плохим запахом, пока ты сражаешься за свою душу, что я должен делать? Стоять рядом с тобой и размахивать крестом?

— Не знаю, я жду, что Джон мне скажет. Как думаешь, мне следует пойти и проверить

его? Он там уже некоторое время.

Джейк пожал плечами. Энни подошла и прижалась головой к деревянной двери, послушать вдруг он все еще молится, тогда она не станет ему мешать. В комнате стояла тишина, она прислушивалась, не шевельнется ли кто-нибудь, но не было слышно ни звука.

Во второй раз за последние тридцать минут она вытащила свою дубинку. Джейк, наблюдавший за ней из кухонной двери, сделал то же самое и встал позади. Энни повернулась к нему и прошептала:

— Слишком тихо.

Он кивнул и отодвинул ее в сторону, взявшись за ручку двери. Энни чувствовала, как ее сердце колотится так громко, что она не слышала собственных мыслей. Джейк толкнул, распахивая дверь и вошел в комнату. Она была пуста, но двери во внутренний дворик оказались широко распахнуты.

Энни огляделась.

— Черт, он пошел в церковь, и что теперь? Его сестра спит наверху, я должна присматривать за ней.

Джейк перелез через диван и закрыл двери, заперев их.

— Со спящей красавицей все должно быть в порядке. Если то, что ты говоришь, правда, то убийце нужен Джон, держу пари, он даже не узнает о его сестре. Мы запрем ее и пойдем в церковь.

Энни знала, что он прав, у них нет выбора, но ей было неловко покидать дом. Уилл велел ей оставаться на месте, но он не знал о человеке-тени. Джейк открыл входную дверь; она огляделась, а затем последовала за ним на улицу. Взяла ключ, заперла дом снаружи и положила его в карман своего бронежилета.

— Как далеко до церкви?

Энни указала на массивное здание по соседству, и он рассмеялся:

— Ну, спасибо Господу за маленькие милости. Мне не хотелось бежать милою по такой жаре.

Он побежал, и она последовала за ним. Когда они добрались к двери в церковь, оттуда донесся ужасный запах, от которого Энни задохнулась.

— Он здесь, о боже, я не знаю, что делать!

— Кто здесь, Энни, убийца или человек-тень? Пожалуйста, не говори и тот, и другой.

— Разве ты не чувствуешь его запаха?

Краска сошла с обычно загорелого лица Джейка, отчего ей стало еще хуже.

— Нет, не чувствую, но думаю, что мы войдем и встретимся с ним или с тем, чтобы это ни было. — Он схватился за черное железное кольцо и повернул его, чтобы открыть деревянную дверь, и они вошли внутрь.

Уилл услышал, как кто-то стучит в его дверь, и посмотрел на Грейс.

— Оставайся здесь, закрой дверь и, если услышишь, как я кричу, беги, черт возьми, через заднюю дверь и не останавливайся, пока не найдешь кого-нибудь, кто тебе поможет. Если это полицейский, то продолжай бежать.

Он открыл кухонный ящик и вытащил молоток, который Энни держала там на всякий случай, спрятав его за спиной. Осторожно подошел к входной двери и посмотрел через крошечное стекло, и увидел своего босса Дейва Мартина, стоящего по другую сторону. Он открыл дверь.

— Дейв, что ты здесь делаешь?

— Я пришел, чтобы попытаться выяснить, что, черт возьми, мы собираемся делать, Уилл. Не могу смириться с тем, что этот ублюдок — один из наших. Это просто неправильно, я имею в виду, как, черт возьми, он вообще попал на эту работу?

— Ну, честно говоря, босс, я не думаю, что при приеме спрашивают, убивали ли вы когда-либо или хотели убить кого-то в анкете.

— Ну, может быть, самое время начать это сделать. Сейчас в курсе только мы двое, пока не прибудет оперативная группа из Кендала, я попросил их, потому что у них не будет никаких связей с ним — надеюсь. Я предложил встретиться у тебя, надеюсь, ты не против?

— Прекрасно, полагаю, так и должно быть. Мы не можем рисковать, заходя в участок, на случай, если он как-то об этом узнает.

— Я попросил двух из них быть в штатском, и мы позволим им воспользоваться твоей машиной, чтобы следить за парнем, пока не сможем сделать свой ход. Не самый замечательный план, но это лучшее, что я могу придумать. Я не поклонник телевизионных сериалов, чтобы знать, как с этим справиться.

Уилл не мог удержаться от смеха, Дейв прав, все превращалось в эпизод какого-то дерзкого американского полицейского шоу.

— Тогда, думаю, мы будем сидеть тихо, пока они не появятся. — Он повел его на кухню, где Грейс державшая в руках тяжелую чугунную сковороду, с облегчением выдохнула.

— Фух, не думаю, что смогла бы поднять ее достаточно высоко, чтобы ударить кого-нибудь, она чертовски тяжелая.

Они с нетерпением ждали прибытия оперативной группы. Уилл не мог перестать ходить взад и вперед, а Дейв так сильно стучал ногами, что пол вибрировал.

Когда через тридцать минут раздался громкий стук в дверь, Уилл снова взял молоток и пошел к двери. С облегчением он рассмотрел вооруженных офицеров, выстроившихся перед его дверью.

Все они завалились в недостаточно большую кухню Уилла. Это было довольно страшное зрелище, когда так много вооруженных людей, одетых в черное, столпились вокруг его кухонного стола, но Уиллу стало намного лучше, что они были здесь.

Когда он закончил рассказывать, в чем дело, раздалось несколько громких вздохов удивления и шока, что им придется охотиться на одного из собственных сотрудников. Между сержантом оперативной группы и инспектором вспыхнуло несколько споров о том, как лучше действовать в подобной ситуации, и когда они, наконец, договорились обо всем, они

все поехали в разных машинах.

Уилл, Дейв и Грейс отправились в машине Дейва, два офицера в штатском уехали на «БМВ» Уилла, а остальные забрались на заднее сиденье машины вооруженного реагирования, чтобы добраться до согласованного места встречи.

Им стала автостоянка позади школы, которая пустовала и стояла заколоченной последние двенадцать месяцев, в скором времени ее собирались снести.

Сначала они должны найти Шона Блэка. Его личное дело показало, что он переехал сюда из Манчестера четыре года назад. Он оказался сиротой и в значительной степени соответствовал всему, что рассказал им священник. Они полагались на то, что он будет дома, а если нет, то его поиски могут сильно затрудниться. Они знали, что у него имелся черный грузовик, и его номер был передан каждому офицеру в их маленькой группе, чтобы они могли его определить.

Шон жил в тупике, так что нельзя было припарковаться там, слишком очевидно, поэтому полицейские в машине Уилла остановились в единственном для жителей парковочном отсеке на улице, ведущей к дому Шона. Уилл остановился на противоположном конце улицы, чтобы его не было видно. Машина реагирования осталась на школьной парковке. Один из полицейских в штатском вышел из машины и направился на улицу Шона, где быстро огляделся, а затем снова вернулся. Грузовика Шона там не было, так что теперь оставалось только ждать, столько времени сколько придется, прежде чем он появится.

Ощущение того, что он на вершине мира, быстро прошло, когда Шон заметил черный «БМВ», который узнал, припаркованный на улице рядом с его домом. Он достаточно раз видел, как Уилл садился и выходил из него, чтобы понять, чья это машина.

Вместо того чтобы свернуть на улицу, он проехал мимо, пересек перекресток и уехал от своего дома. Его внутренности чувствовали себя так, словно их наполнили чистым оксидом азота, настолько они заледенели.

«Они знают, эти ублюдки знают. Как они все поняли? Без сомнения, они слишком тупые, чтобы понять». Может быть, это совпадение, и они выполняли другую работу, и он паниковал зря, но Шон все-таки допускал, что его могли вычислить. К счастью, сумка с набором для убийства лежала на полу пассажирского сиденья. Что ему делать? У него оставалось три часа до того, как он должен забрать Софи. Стоит ли ему податься в бега или он должен закончить то, что начал?

Если они раскрыли его, то, вероятно, выяснили связь между ним и священником. Так много проблем, и он не мог ясно мыслить из-за болезненного чувства внутри. Ему нужно отправиться куда-нибудь в тихое место и все обдумать. Если они планировали ждать, когда он вернется домой, им придется сидеть еще очень долго, потому что он не собирался возвращаться.

Он поехал в центр города, надеясь, что номер его грузовика не объявили каждому полицейскому в Барроу. От этой мысли его руки стали скользкими от пота, и ему стало трудно держать руль. Он выехал на одну из дорог, которая вела из Барроу на прибрежную трассу. Там он хотел найти одну из небольших деревень, чтобы припарковаться, посидеть и все обдумать.

Показалось море, и на песке он заметил много веселящихся людей, наслаждающихся нормальной жизнью. Со дня смерти Софи он никогда не вел нормальной жизни. Ее смерть

определила все его будущее, и теперь посмотрите, где он оказался. Шон задавался вопросом, насколько другой стала бы жизнь, если бы они не умерли и не оставили его в полном одиночестве. Женился бы он когда-нибудь и появились бы у него собственные дети, или он остался бы тем же самым хладнокровным убийцей?

Шон знал несколько человек с работы, которые жили вдоль прибрежной дороги, поэтому проехал мимо Рузбека, пока не добрался до дороги на Глистон и не свернул. Там имелась старая водяная мельница, превращенная в кафе, и он сомневался, что кто-то, с кем он работал, оказался бы там в этот самый момент. Ну, а если бы и встретил кого-то, то у них сегодня выходной, как и у него, поэтому они не будут знать, что происходит.

На стоянке для кафе стояла еще только одна машина — старый серебристый «Фольксваген-Гольф». Он припарковался в противоположном углу под огромным дубом и вышел из своего грузовика. Пересек дорогу и вошел в кафе, которое было пустым. Единственным человеком внутри была женщина за стойкой. Она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ:

— Добрый день.

Он занял столик в дальнем углу, откуда мог видеть, кто входит и выходит. Взяв меню, он притворился, что читает, ему было слишком плохо, чтобы что-то есть.

Женщина подошла со своим блокнотом:

— Что тебе принести?

— Только капучино, пожалуйста, я жду свою подругу, так что мы закажем еду, когда она придет.

— Ясно, дорогой, ты сегодня первый клиент, все будто вымерли. Я быстро.

Она ушла, а он взял бумажную салфетку и поднес ее к голове, чтобы вытереть пот, выступивший на лбу. На столике рядом с ним лежала стопка журналов, поэтому он взял один и открыл его, чтобы сделать вид, что занят, но не мог сосредоточиться, потому что слова и картинки казались одним большим размытым пятном.

Что ему делать? Он должен обезопасить себя и уехать из города. У него есть деньги на банковском счете под вымышленным именем, так что он проживет, пока не найдет другую работу, но часть его хотела закончить то, что он начал. Сможет ли он жить с самим собой в ладу, если священник не умрет? Он не знал.

Официантка прервала его размышления и поставила перед ним на стол большую кружку с пенистым кофе.

— Я только что закончила печь на завтра, если захочешь заказать что-нибудь еще, просто крикни мне.

Он одарил ее своей самой милой улыбкой, и она улыбнулась в ответ. Забавно, что женщины находили его настолько надежным. Они не подозревали, что при благоприятных обстоятельствах он убьет их не раздумывая. Шон высыпал четыре пакетика сахара в дымящуюся кружку и помешал. «Что мне теперь делать?»

Джейк вошел в церковь, за ним последовала Энни. Свет был не очень хорошим, а вонь внутри стала еще сильнее. Они не могли видеть Джона, но откуда-то из передней части здания донесся стон, и Энни побежала в том направлении; на этот раз Джейк последовал за ней.

Энни могла легко различить Джона, который лежал на полу рядом с купелью для крещения. Он сжимал распятие, но для Джейка это делала густая черная тень огромного

человека, который, казалось, сидел на груди священника. Его очертания были человеческими, но Джейк мог видеть стену с другой стороны, и он почувствовал, что его ноги превратились в желе. Его ноги просто примерзли к полу, и он не мог двигаться дальше.

Энни бросилась вперед и увидела Софи, стоящую рядом с алтарем с выражением ужаса на лице:

— Софи, скажи, что мне нужно сделать.

Девочка не отрывала взгляда от священника, лежащего на полу, поэтому Энни встала перед ней, закрывая его от ее взгляда.

— Пожалуйста, Софи, он убьет его, а потом убьет меня. Что я могу сделать?

Софи указала на купель.

— Я не знаю, Энни, попробуй плеснуть на него святой водой и помолиться, Джон молился Святому Михаилу, когда он совсем разозлился. Ты знаешь эту молитву?

Энни напрягла мозги, она слышала, как Джон произносил ее меньше часа назад. Подбежав к купели, она с такой силой оттолкнула тяжелый кусок дерева, закрывавший ее, в сторону, что он с грохотом упал на каменный пол, затем огляделась в поисках чего-нибудь, во что можно было бы зачерпнуть воду.

На алтаре стояла золотая чаша для причастия. Подбежав, чтобы схватить ее, она погрузила чашу в холодную воду и наполнила до краев, а затем побежала обратно к Джону и страшному существу, сидящему на нем.

Лицо Джона посерело, глаза закатились. Энни молилась Богу, умоляя его о помощи, и в тот момент она верила в него как никогда в жизни. Она нацелила чашу и вылила содержимое на человека-тень и Джона. Энни почувствовала, как крошечная холодная ладонь схватила ее левую руку, и слова полились из ее рта и рта Софи одновременно:

— Святой Михаил Архангел,

Защити нас в бою.

Будь нашей защитой от зла и ловушек дьявола...

Из тени перед ней раздался крик, и она сместилась с груди Джона, выпрямилась и повернулась к ней лицом. Энни почувствовала, что у нее дрожат руки, но Софи сжала ее руку еще крепче. Тень двигалась, пока не оказалась прямо перед ней, ее лицо было в миллиметрах от ее собственного, и вонь стала невыносимой. Его красные глаза смотрели прямо сквозь нее, в самые глубины ее души. Он открыл пасть, обнажив ряд острых, как бритва, зубов, и Энни никогда еще не испытывала такого ужаса.

Кто-то еще схватил ее правую руку, эта ладонь была намного больше, такого же размера, как у нее, и крепко сжал. Энни оглянулась и увидела женщину — взрослую красивую версию Софи, которая ей улыбалась. Женщина кивнула Энни, чтобы та продолжила, и Энни начала читать оставшуюся часть молитвы.

— Да упрекнет его Бог, мы смиренно молимся;

и Ты, о Князь Небесного Воинства, сделай это.

Божественной силой Бога

Низвергните в ад сатану и всех злых духов

Которые бродят по всему миру в поисках гибели душ.

А теперь убирайся отсюда, я изгоняю тебя навечно, чтобы ты никогда не выходил на свет. Ублюдок, убирайся в ад или откуда ты там взялся, и отпусти Софи!

Рот человека-тени захлопнулся с выражением удивления, что эта женщина смогла сделать то, что не смог сделать священник. Его пронзительные красные глаза, которые

несколько минут назад искали душу Энни, поблекли до очень бледно-розового цвета, и он начал распадаться, как кусочки пепла от огня, уносимые ветром. А потом исчез.

Джон открыл глаза и попытался сесть. Он посмотрел на Энни и всхлипнул, увидев, что она стоит с Софи и Бет по обе стороны от нее. Наконец-то добро объединилось против зла. Энни посмотрела на Бет, когда та прошептала «спасибо», а затем отступила в сторону и с восторгом наблюдала, как Софи шагнула в объятия своей мамы. Теплый золотистый свет окутал их обеих, и они сияли так ярко, что Энни пришлось прикрыть глаза рукой, чтобы продолжать смотреть. Горячие слезы покатались по ее щекам.

Джону удалось подняться и обнять ее.

— Спасибо, Энни, ты сделала поистине замечательную вещь.

Софи и Бет улыбнулись Джону, и снова Бет сказала:

— Мы будем ждать тебя, Джон, когда придет твое время, я обещаю. — А потом они тоже исчезли.

Из глаз Джона потекли слезы. Энни обняла его, затем повернулась к Джейку, который не сдвинулся ни на дюйм. Его лицо было бледнее, чем у Софи, он попытался что-то сказать, но из него вырвалось лишь невнятное бормотание.

Джон наклонился, чтобы поднять чашу для причастия, выпавшую из рук Энни, и поставил ее обратно на алтарь.

— Если бы только у Шона был такой счастливый конец. Пойдем, не лучше ли нам вернуться в дом, убийца все еще на свободе.

Энни схватила Джейка за локоть, подталкивая вперед, чтобы заставить его ноги двигаться. Она провела его через церковь к двери. Здесь больше не пахло плохо, зловоние сменилось сладким запахом свежих цветов, которые украшали конец каждой скамьи, и они пахли летом и надеждой.

Энни никогда еще не чувствовала себя так хорошо. Им удалось отправить человека-тень туда, откуда он пришел, и воссоединить Софи с ее мамой. Это поистине чудесный подарок, и, как бы страшно все ни было, она чувствовала, что за последние шесть месяцев добилась гораздо большего, чем за тридцать три года своей жизни.

Джон отстал, и она подождала его, а затем взяла под руку. Пресвитерия все еще была заперта. Энни достала из кармана ключ и открыла дверь как раз в тот момент, когда по лестнице спускалась женщина с затуманенными взглядом.

Почти через два часа Уилл начал нервничать. Что, если Шон прошел мимо и заподозрил что-то? Возможно, у него и не было намерений возвращаться домой сегодня вечером, но им необходимо проникнуть в его дом и получить реальные доказательства того, что Шон Блэк — убийца.

Инспектор согласился с ним и начал обзванивать людей, которые могли бы получить для него ордер, затем сказал офицерам оперативной группы, чтобы были готовы обеспечить вход в дом, как только они получают разрешение.

Они не могли больше сидеть без дела, на каждом углу расставили офицеров, отслеживать грузовик Шона, если он вернется в середине обыска в его доме.

Через тридцать минут Стью постучал в окно машины, помахивая им сложенным листком бумаги.

— Было бы неплохо узнать, что происходит? Ты сваливаешь и оставляешь нас всех гадать, что случилось, а теперь еще и это.

— Извини, но я не мог рисковать, не хотел, чтобы все вышло наружу, прежде чем хоть что-нибудь найду. Ты ведь никому ничего не говорил?

— Ни одна птичка не в курсе Уилл, даже Кав, который искал тебя последний час и с каждой минутой становился все более злым. Он не будет слишком доволен, когда узнает, чем ты тайком занимаешься.

— Садись в машину, Стью, и заткнись, это строго конфиденциальная информация.

— Да, я не знаю ничего, кроме того, что ты только что попросил меня тайком подписать ордер на обыск дома Шона Блэка. Он сегодня, кстати, не работает, у него выходной. Два часа назад я видел его грузовик, проезжая по Руз-роуд.

— Вот же хрень! Ты разыгрываешь меня, Стью, потому что это не смешно, если правда.

— Нет, клянусь, это был он.

— Он был один, как думаешь, куда он направлялся? В той стороне есть католические церкви?

— Понятия не имею, Уилл, но, если бы ты сказал мне, что происходит, я бы знал, что нужно следовать за ним и точно сказать, куда он отправился. Ты серьезно думаешь, что он убийца? Я имею в виду, понимаешь ли ты, что говоришь — он один из нас.

Уилл хотел, чтобы все перестали напоминать ему, что Шон один из них. Он и так чувствовал себя отвратительно из-за этого. Как бы сильно он ни хотел поймать ублюдка, продолжал надеяться, что это окажется неправдой. Ему казалось даже с моральной точки зрения неправильно подозревать одного из них в том, что тот убийца.

— Думаю, что да, судя по тому, что говорит Грейс, и глядя на улики, которые у нас сейчас есть, но твое недоверие вполне уместно. Я бы тоже предпочел, чтобы это оказалась миссис Плам из библиотеки с подсвечником.

Уилл передал ордер своему боссу, который сейчас стоял у машины и курил сигарету, стащенную у сержанта из оперативной группы, который сам, должно быть, выкурил не меньше двадцати за последние два часа.

— Пять лет не брал сигарету в руки, пять проклятых лет, и это единственное, что я могу придумать, чтобы успокоить свои нервы. — Он бегло просмотрел ордер, кивнул Уиллу, затем дал команду на вход.

За три минуты дверь была взломана, а дом заперт. Уилл и Дейв, которые теперь были в защитных костюмах и бахилах, вошли внутрь.

Дом был чистым, слишком чистым для одинокого мужчины, и очень скудно обставленным. Он больше походил на дом для показов, ничего неуместного и все очень современно.

Они прошли в гостиную, где стояли диван и стул, расположенные так, чтобы смотреть в эркерное окно. Рядом со стулом стоял маленький столик с двумя записными книжками. Уилл подошел, взял одну из них и начал листать. Через несколько мгновений он понял, что это список дат и времени, когда другие жители улицы входили и выходили из своих домов. Другая книжка была полна фотографий церквей, вырезанных из газет. Уилл узнал церковь Святой Марии и крикнул Дейву, который стоял на четвереньках у дивана. Он посмотрел на Уилла, и Уилл помахал ему блокнотами.

— Можешь вызвать криминалиста Уилл, здесь есть прядь светлых волос, сбоку от этой подушки.

Уилл передал по рации в диспетчерскую свою просьбу, а затем вышел из гостиной и направился на кухню, где стал выдвигать ящики. В них было немного, но в последнем, который он вытащил, лежало несколько тяжелых прозрачных пластиковых пакетов и упаковка стяжек. Он оставил его открытым, чтобы находку можно было сфотографировать, и подумал, не этим ли Шон пользовался. Мэтт сказал, что девушки умерли от удушья, так что вполне возможно.

Он открыл холодильник, в котором было полно курицы, рыбы, овощей и другой разнообразной здоровой пищи. Шон планировал вернуться, он бы не стал запасаться, если бы собирался сбежать. Уилл передвинул коробку с яйцами и увидел пузырек с таблетками по рецепту — рогипнол, поддержка Шона, если что-то пойдет не так, или он использовал его, чтобы они не сопротивлялись? Уилл подумал, не следовало ли им подождать, пока Шон вернется, прежде чем обыскивать дом.

Дейв позвал его со второго этажа, и, поднявшись по лестнице, Уилл увидел, что тот стоит в дверях одной из спален с мрачным лицом.

— Все сходится, Уилл, Шон — наш человек.

Он отступил в сторону, и Уилл вошел в маленький кабинет, не сводя глаз с пробковых досок. По одной для Трейси Хейл и Лоры Бейлисс. Каждая из них была названа в честь ангела. На третьей доске было написано имя и висела пара фотографий светловолосой девушки, которая выглядела не старше двадцати трех. Энни права, что, если они опоздали?

— Черт меня побери, как же это все нездорово.

Уилл обернулся и увидел Дейва, стоящего перед открытым шкафом. Он подошел, чтобы посмотреть, в чем дело, и увидел костюм, в котором Лора была в пабе, аккуратно висящий рядом с другим комплектом одежды, который, как он предположил, принадлежал Трейси Хейл.

— Уилл, он просто больной ублюдок. — Инспектор достал телефон и начал с кем-то горячую беседу о том, чтобы Шон Блэк был объявлен в розыск, и чтобы к нему не подходили офицеры в форме. Он закончил разговор. — Ну, Кав не слишком рад объявлять Шона Блэка в розыск. Как ты, возможно, слышал, он на самом деле не согласился с этим последним советом и сказал, что собирается искать его сам. Он немного зол, что мы не привлекли его к расследованию.

— Кав придет в себя, он просто так же шокирован, как и мы. Но Шону не потребуется

много времени, чтобы понять, что мы его ищем. Он либо ляжет на дно, либо наоборот начнет действовать, и я не хотел бы ни того не другого.

Шон допил кофе и подумал, не убить ли официантку. Больше никто не приехал, но ему нужна другая машина, и он мог взять ее. Все это не входило в его планы, но теперь он понял, что придется пойти на некоторый риск, если он хочет продолжать. Его загоняли в угол, и, если случатся еще какие-то смерти, это не его вина, стоит винить Уилла и того, кто помог ему выяснить, что Шон убийца.

Официантка вышла, балансируя огромным бутербродным тортом «Виктория» на стеклянной подставке.

— Твоя подруга опаздывает или решила не приходить?

— Она только что написала, что не может завести машину, поеду и помогу ей. — Он встал и подошел к женщине, которая была занята сортировкой холодильника, чтобы освободить место для своего великолепного творения.

Десять минут спустя он держал в руке ключи от ее машины. Шон повернул табличку на двери на «Закрото» и выключил свет. Затем, заперев за собой дверь, он направился к ее машине. Это было прекрасное место, такое спокойное. Звук льющейся воды очень успокаивал, и он подумал, что если совершит следующие два убийства, то закончит и уедет как можно дальше от Барроу.

Поищет небольшой загородный коттедж с ручьем, протекающим через сад. Он мог представить, как вешает гамак на дерево и лежит там, читая в летние дни, точно такие же, как сейчас. Закупит побольше продуктов, отрастит волосы и бороду, и никто не будет иметь понятия, кто он такой.

Шон поехал обратно в город, полностью избегая район, окружавший его дом, выбирая длинный объезд и оживленную дорогу, которая прорезала промышленный район. Миновал пару полицейских машин, но на нем была бейсболка, низко надвинутая на голову, и солнцезащитные очки, никто из них не взглянул на него.

Он знал, что они будут в состоянии повышенной готовности, разыскивая его грузовик. Он специально выбрал самую популярную модель, чтобы полиция занялась поисками всех похожих черных грузовиков в радиусе пяти миль.

У него был еще час до встречи с Софи, поэтому он припарковался позади магазина «Маркс и Спенсер» на боковой улице, которая была постоянно занята. Это была почасовая стоянка, но машины приезжали и уезжали так часто, что трудно уследить за ними. Шон вышел из машины и направился к маленькому магазину на главной улице рядом с парикмахерской. Взял бутылку воды и газету, а затем вернулся к своей машине, чтобы подождать. Он выглядел так же, как большинство других водителей, которые ждали, когда жены или подруги закончат покупки.

Наконец-то пришло время ей закончить работу, и он поехал за ней. Шон видел, что она совсем одна в салоне и размышлял стоит ли просто пойти туда и убить ее, но потом понял, что это глупая идея. Как бы он вытащил ее тело в машину, не будучи замеченным? Метро находилось всего в нескольких дверях отсюда, и там всегда полно подростков. Он не мог ясно мыслить, и ему необходимо взять себя в руки, прежде чем он сделает что-то совершенно глупое.

Она выглянула из окна, и он помахал ей с другой стороны улицы; она улыбнулась и помахала в ответ. Через минуту она вышла из парикмахерской, заперла дверь и перешла

улицу, чтобы сесть в его машину.

— Привет, спасибо, что приехал за мной, это был долгий день.

— Никаких проблем, держу пари, что так оно и есть. Твои бедные ноги, должно быть, так устали стоять весь день на одном и том же месте. Слушай хотел спросить, не хочешь ли ты немного покататься и отправиться к Озерам? Сегодня такой прекрасный вечер. Эта машина не моя, она принадлежит моему другу — он священник, но пусть это тебя не смущает! Я подумал, что мы могли бы заехать перекусить, а потом, пока мы там, я смог бы вернуть его кучу хлама и забрать свою машину, что припаркована возле церкви в Уиндермире, на время ремонта.

Он старался не смотреть на нее, пока Софи принимала решение. Предложение неожиданное, и он не хотел, чтобы она волновалась, но она кивнула, соглашаясь.

— Звучит здорово, я люблю Уиндермир, это одно из моих любимых мест. Люблю тамошние пабы, и мне сегодня нечего делать, потому что мои друзья либо на занятиях, либо на мели.

Шон улыбнулся.

— Отлично, большое тебе спасибо. Мне надоело разъезжать в этой машине, не могу дождаться, когда верну свою.

Часть его хотела остановиться и выпустить ее из машины, сказать, что он чувствует себя плохо и они могут сделать это в другой раз. Но он уже просчитал, что его коллеги заняты поисками одинокого белого мужчины за рулем черного грузовика, так что никто не обратит внимание на пару в серебристом «Фольксвагене-Гольфе».

Камеры видеонаблюдения не фиксировали этот номер, если только они уже не обнаружили женщину в кафе, но он так не думал. У нее не было обручального кольца, так что, он надеялся, ее еще никто не искал. Руки у нее были связаны.

Он продолжал вести машину, и они начали болтать обо всем на свете. Беседа текла легко, пока они выезжали из Барроу на объездную дорогу, которая должна была провести их через Линдал и Улверстон. Как только они проскочат камеру на выезде из Улверстона, он сможет немного расслабиться и попытаться сосредоточиться на том, что именно он собирается делать, когда они доберутся до Уиндермира.

Шон нервничал от того, что у него нет точного плана, но в то же время это давало ему свободу действий. Он просто надеялся, что в доме священника его не будет ждать приветственный комитет, но если бы он был, то Шон все равно готов сделать то, что должен. Чем больше он разговаривал с Софи, тем больше она ему нравилась, и он определенно пожалеет, что убил ее. Он может даже оставить ее в живых, если сначала убьет священника. Он мог бы использовать ее в качестве разменной монеты, священник не смог бы устоять, он не позволил бы другой хорошенькой молодой девушке умереть, чтобы спасти себя.

Инспектор сказал всем собраться на школьной парковке, за исключением четырех вооруженных офицеров, которых он оставил охранять переднюю и заднюю часть дома Шона.

Уилл думал о том, что сказал Стью. Он видел грузовик Шона, направлявшийся по Рузроуд, поэтому им нужно было послать полицейских, чтобы обыскать этот район. У Уилла возникло тревожное чувство, что Шон уехал из города. Он мог поехать по прибрежной дороге в Улверстон, а оттуда куда угодно.

Уилл уже попросил диспетчерскую, чтобы кто-нибудь просмотрел камеры и проверил, проезжал ли грузовик через них. Но это ничего не значило, потому что он мог выбрать Аскам и направиться на запад в сторону Уайтхейвена. Уилл провел пальцами по волосам. «Господи, это полный кошмар». Хотя Барроу был настоящей дырой, из него, вероятно, было легче всего сбежать со всеми его тихими проселочными дорогами, которые вели к городку, и отсутствием камер.

У них не плохо налажен контакт с общественными помощниками, чья работа больше походила на наблюдение за соседями. Он попросил полицейского инспектора разослать сообщение, которое разошлось бы по сотням представителей общественности, чтобы попросить их разыскать черный фургон «Мицубиси» Шона; это было полчаса назад.

Они как раз возвращались к школе, когда диспетчер уведомил их, что грузовик был замечен на автостоянке рядом с водяной мельницей в ГлиSTONE. Из машины вырвались громкие возгласы радости, и вся колонна развернулась и направилась в ту сторону.

К автостоянке можно было подъехать с двух сторон. По рации были отданы приказы, чтобы машины подъезжали разными маршрутами и перекрывали дорогу в обе стороны, чтобы ни Шону, ни его грузовику не было выхода.

Когда они приблизились к тихой дороге, никто не издал ни звука, дружеское подшучивание сменилось тишиной, пока они ждали приказов от командира оперативной группы, который взял руководство на себя.

Полицейские фургоны припарковались, перекрыв все пути, и вооруженные офицеры выскочили из своей машины и заняли позиции, ожидая, команды двинуться к грузовику.

Не было никаких признаков того, что Шон был вооружен или имел доступ к огнестрельному оружию, но они не могли рисковать. Уилл и Дейв стояли за его «БМВ», который припарковали позади машины оперативной группы.

— Это только меня или тебя тоже тошнит, Уилл? Не могу поверить, что мы это делаем.

— Босс, я продолжаю думать, что все это сон. Давайте просто надеяться, что он уже покончил с собой в машине, и тогда все закончится, и больше не будет потеряно ни одной жизни.

Они смотрели, как офицеры направляются к грузовику, и Уилл почувствовал, как его сердце заколотилось от адреналина. После того, что казалось самой длинной прогулкой, внезапно грузовик окружили вооруженные офицеры, и они дали понять, что все чисто. Грузовик был пуст. Разочарование тяжело давило на Уилла, почему жизнь так чертовски сложна?

Он посмотрел на кафе, которое было погружено в темноту и на дверях висела табличка «Закрето». Им нужно было зайти внутрь и проверить, Шон мог прятаться там. Четверс

вооруженных офицеров подбежали, чтобы проверить периметр здания, в то время как сержант оперативной группы направился туда, где они стояли.

— Ладно, что нам теперь делать?

— Если он оставил здесь свой грузовик, значит, он знает, что мы за ним следим, поэтому ушел пешком или прячется. Я не хочу все портить, но это огромная территория с таким количеством ферм и хозяйственных построек — с чего, черт возьми, нам начинать? — сказал Уилл.

Дейв покачал головой.

— Есть третий вариант, у него могла быть еще машина или он взял чужую. Если мы найдем владельцев кафе, они, возможно, смогут нам помочь.

От задней части здания раздалось много криков, и другие офицеры бросились посмотреть, что происходит, за ними последовали Уилл и Дейв.

— Внутри на полу лежит женщина, она не двигается, связана и с кляпом во рту.

Два офицера подбежали с тараном, чтобы выбить дверь, и через несколько минут дверь была открыта, и они бросились внутрь, чтобы проверить здание и женщину.

Уилл наблюдал за всем из окна и почувствовал огромное облегчение, когда вооруженный офицер наклонился, чтобы коснуться женщины, и она вздрогнула, пытаясь отодвинуться от него.

— Господи, спасибо тебе за это.

Дейв посмотрел в окно на пожилую темноволосую женщину, лежащую на полу.

— Ты ведь знаешь, почему она все еще жива?

Уилл посмотрел на него:

— Не совсем.

— Посмотри на нее, она не подходит под его профиль. Слишком старая и с темно-каштановыми волосами.

Уилл посмотрел на женщину, которой помогли подняться на ноги. Она плакала. Босс прав: она не молода, не блондинка и не очень хорошенькая. Офицер, который спас ее, вывел женщину из здания и передал Стью, который крутился рядом, дожидаясь скорой помощи, чтобы врачи осмотрели потерпевшую.

Уилл перешел через дорогу к трясущейся женщине.

— Все в порядке, теперь вы в безопасности.

Она с минуту смотрела на него и кивнула.

— Как ваше имя?

— Сьюзен Летс.

— Сьюзен можете рассказать мне что случилось? Мы должны найти его.

— Он был так мил, даже когда сказал, что собирается связать меня и забрать машину, он был очень вежлив и извинился за это.

— Какая у вас машина и какой регистрационный номер?

Когда она назвала, Стью записал номер на ладони. Он отошел, поговорить по радиации с диспетчерской, чтобы они проверили камеры в поисках этой машины.

— Он сказал, куда направляется, что-нибудь, что могло бы привести нас в правильном направлении?

— Сказал, что должен заехать за своей подругой, потому что ее машина не заводится.

У Дейва был такой вид, словно он вот-вот упадет от сердечного приступа.

— У него есть следующая жертва.

— Мы не знаем этого наверняка.

— Уилл, если у него хватило ума оставить здесь свой грузовик и взять машину Сьюзен, то это не просто так, не думаю, что он пошел покупать новые туфли.

Уилл не хотел думать об этом, они должны были избежать нового убийства. Он повернулся к Стью.

— Возвращайся в офис, найди список католических церквей и отметь все, на которые распространяется действие отца Джона, это должна быть одна из них.

Стью побежал обратно к машине.

В пресвитерии все четверо собрались на кухне. Джейк еще раз проверил двери и окна, убедившись, что они надежно заперты. Прошло много времени с тех пор, как они получали какие-либо новости от Уилла, и, если бы они схватили Шона, он бы сразу же дал знать Энни. Она достала телефон, чтобы проверить, нет ли у нее пропущенных звонков, но экран был пуст.

— Что нам теперь делать, Энни?

— Сидим и ждем новостей от Уилла, больше мы ничего не можем сделать.

Джон посмотрел на сестру:

— Ты все еще выглядишь измученной, почему бы тебе не вернуться в постель. Думаю, мне тоже стоит лечь пораньше, я очень устал. Мы можем оставить здесь наших очень способных охранников, чтобы они присматривали за всем. К тому же я уверен, что им надоело вести вежливые разговоры с нами, стариками. — Он подмигнул Энни, а затем подошел к тому месту, где сидела его сестра, и помог ей подняться со стула. — Никогда не знаешь, может быть, мы просто проснемся утром и узнаем, что все это было только ужасным сном.

Она не стала с ним спорить и позволила вывести себя из кухни и подняться по лестнице. Джон повернулся и кивнул Джейку и Энни, которые улыбнулись в ответ, а затем исчез в одной из спален. Энни закрыла дверь в их неофициальный командный центр, чтобы они могли поговорить без помех.

— Мне это не нравится, почему никто не вышел на связь? Они могли бы, по крайней мере, держать нас в курсе, есть что-нибудь по твоему каналу?

— Ничего, но они будут транслировать это не по обычному каналу, а по специальному.

Она протянула руку за рацией Джейка, и он передал ее ей. Энни набрала номер позывного Уилла и подождала, пока он ответит. Она услышала голос Уилла и почувствовала, как у нее перехватило дыхание, и задалась вопросом, будет ли это происходить каждый раз.

— Уилл, это Энни, вы его поймали?

Последовала короткая пауза, прежде чем Энни услышала голос.

— Нет, не поймали, и он в курсе, что мы знаем. Он угнал машину, и ты права, мы думаем, что у него есть следующая жертва.

Джейк посмотрел на нее. Ужас проступил на их лицах.

— Где он, вы проверили церкви? — спросила Энни.

— Мы сейчас этим занимаемся, и оперативная группа отправилась их обыскивать, но список длинный, и мы понятия не имеем, какой у него план.

— Держи нас в курсе, Уилл, а то мы отрезаны от любой информации здесь.

Она закончила разговор, и Джейк подтолкнул ее локтем.

— Он уже едет сюда.

— Не думаю, что он настолько глуп. Наверняка понимает, что кто-то будет охранять Джона.

— Да, но я не думаю, что это имеет значение. Если он убивает женщин из-за того, что случилось с его семьей, и он обвиняет Джона, что бы ты сделала, окажись на его месте, если бы знала, что времени мало? Ты либо сбежала бы и ждала другого шанса, либо закончила то, что начала, несмотря ни на что. Теперь ему нечего терять, Энни.

Она кивнула, когда весь груз последствий лег на ее плечи.

— Но он не будет знать, что здесь только ты и я. Мы должны сказать Уиллу, чтобы он послал сюда оперативную группу. Не хочу драться с еще одним убийцей; на этот раз я могу не победить.

Отец Джон уложил сестру обратно в постель, встал на колени и помолился рядом с ней, а затем вернулся в свою спальню. Он не стал включать свет; теперь у него не было причин бояться темноты. Когда подошел, чтобы задернуть шторы, он выглянул в окно и почувствовал, как его сердце пропустило удар. В церкви горел свет. Он знал, что выключил его, когда уходил, но не был уверен, что запер дверь. Его руки так сильно задрожали. Он ни за что не позволит прекрасной Энни пойти и разобраться, он причинил достаточно боли и страданий, и она уже спасла ему жизнь сегодня вечером. Он поступит правильно, ему нужно улизнуть.

Конечно, он мог оставить свет включенным, но он был уверен, что это не так. Джон не хотел, чтобы на его руках оказалась кровь другой женщины. Он вышел из своей комнаты и с верхней площадки лестницы прислушался к приглушенным голосам, доносившимся из кухни, дверь оказалась закрыта, что было хорошо. Ему нужно спуститься по лестнице и попасть в гостиную, откуда он мог бы во второй раз за сегодняшний вечер сбежать через двери во внутренний дворик. Он добрался до нижней ступеньки лестницы и медленно открыл дверь гостиной ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь и закрыть ее за собой.

Он не был уверен, чего добьется, если Шон будет в церкви, может быть, ему удастся его уговорить. Объяснить, что он не причинил вреда Софи и что она умерла от припадка, а не в результате того, что он пытался сделать. Может быть, если он расскажет ему о своих чувствах к его маме, Шон поймет, что все, что он пытался сделать, это помочь, а не разрушить его жизнь.

Они допили свои напитки. Это был великолепный вечер, и, сидя на берегу озера возле одного из самых красивых отелей в этом районе, трудно было представить, что он собирается сделать в ближайшие двадцать минут.

Они вернулись к машине, и Шон открыл для нее дверцу, она хихикнула и села внутрь. Начинало темнеть, и это было ему на руку. До сих пор они не встретили ни одной полицейской машины, двигавшейся в обоих направлениях, так что дела у него шли не так уж плохо. Он чувствовал, что все пойдет по плану.

Уилл мог быть детективом года, но он не экстрасенс, и мог только догадываться о следующих шагах Шона. У него не будет ресурсов для полноценного розыска по всему округу, ну, по крайней мере, еще пару часов.

Одна вещь, которую Шон усвоил, будучи полицейским, заключалась в том, что они не могли действовать оперативно, особенно когда понятия не имели, с чем имеют дело. Каждое решение должно быть согласовано несколькими старшими офицерами, это может произойти только завтра, к тому моменту он уже все закончит. Он доехал до Уиндермира без происшествий, и когда Шон подъехал к церкви и припарковал машину, Софи посмотрела на него.

— Твоей машины здесь нет, что ты собираешься делать?

— Черт возьми, он мой друг, но может быть настоящей занозой. Он либо уехал на ней, либо припарковал где-то в другом месте. Пойдем, мы можем подождать в церкви, надеюсь,

она все еще открыта, и я позвоню ему.

Софи вышла из машины и направилась к церкви, Шон открыл сумку, которую бросил на заднее сиденье, и достал из нее пару пластиковых пакетов, немного клейкой ленты и нож. Сунув их в карман, он побежал ее догонять.

Вокруг никого не было, и здание пресвитерии выглядело полностью погруженным во тьму. Он не видел полицейской машины, так как Джейк оставил ее сзади, чтобы ее не было видно.

Если церковь будет заперта, ему придется убить ее на территории церкви, а затем пойти и найти отца Джона. Софи была на шаг впереди и уже поворачивала ручку старой дубовой двери, которая открылась, и Шон улыбнулся. Однако она не вошла внутрь сама и подождала, пока он поравняется с ней.

— Надеюсь, мы найдем выключатель, мне не хочется сидеть здесь в темноте. Это было бы немного жутковато.

Шон согласился с ней, он не хотел привлекать к себе внимания, но не мог убить ее в кромешной тьме. Ему необходимо видеть, что он делает, или это может привести к беспорядку. Они вошли внутрь; там было так тихо и мирно, что ничто не выдавало битвы, которая произошла ранее.

Софи вздрогнула.

— Здесь немного прохладно. Надеюсь, нам не придется ждать слишком долго.

Шон достал из кармана маленький фонарик и осветил вокруг, пока не нашел выключатель. Он подошел и нажал на него, заливая церковь светом.

— Так-то лучше, я не слишком люблю темноту.

Он нащупал в кармане толстый пластиковый пакет и вытащил его, она была слишком занята осмотром, чтобы обращать внимание на то, что он делает.

— С детства любила церкви, я имею в виду, что не увлекаюсь религией или чем-то еще, но просто нахожу их такими мирными.

Теперь Шон стоял рядом с ней, сжимая за спиной пластиковый пакет. Ему нужно, чтобы она отвернулась, тогда он смог бы накинуть пакет сзади. Софи подошла к табличке на стене и повернулась, чтобы прочитать надпись. Шон шагнул вперед и натянул пакет ей на голову, крепко держа.

Отец Джон вошел в церковь, и сразу услышал приглушенные крики и возню. Затем заметил мужчину, который совершал эти отвратительные действия, и Джон не знал, что делать. Женщина рядом с ним боролась за свое дыхание в пластиковом пакете, который Шон держал над ее головой. Джон сделал единственное, что мог, он подбежал к паре, ударив Шона сбоку, от чего тот потерял равновесие. Он споткнулся и ослабил хватку на девушке, которой удалось вцепиться в его руки достаточно, чтобы ослабить пакет. Она стянула его с головы, отбросила от себя и сделала огромные глотки воздуха. Она начала кашлять и плакать, но не стала оставаться на месте и побежала к двери.

Джон посмотрел ей в след:

— Беги в дом, там внутри несколько полицейских. — Он повернулся лицом к Шону, который потирал слегка кровоточащую руку о штанину джинсов, пытаясь вытереть кровь. — Теперь только мы с тобой, сынок, отпусти девушку.

Шон посмотрел на священника и кивнул.

— Я долго ждал этого отец Джон. Ты убил мою сестру, и из-за тебя моя собственная

мать даже не захотела остаться со мной. Она покончила с собой, а потом ты позволил им меня забрать. Меня запихнули в машину, как преступника, и отвезли в такое место, где я никого не знал.

Джон покачал головой:

— Я пытался помочь, разве ты не понимаешь? Я не хотел, чтобы твоя сестра умерла, только хотел помочь ей. Она умерла от припадка. Это случилось так внезапно, что мы ничего не могли сделать. Что касается твоей матери, то она была единственной женщиной, которую я когда-либо любил, и я был опустошен тем, что она покончила с собой. Слишком боялся сказать ей о своих чувствах, возможно, если бы я это сделал, все было бы совсем по-другому. Я не отрицаю, что твое сердце было разбито и тебе было больно, но ничего не мог сделать. Я священник, и нам не разрешают иметь детей, иначе я бы оставил тебя. Но было бы несправедливо заставлять тебя оставаться в доме, где твоя сестра и мать умерли с разницей в несколько дней. Я боялся за тебя, Шон, на случай, если человек-тень вернется за тобой, и думал, что, позволив им забрать тебя, обеспечу тебе безопасность.

Энни передавала Джейку кружку с кофе и чуть не пролила содержимое на него, когда кто-то начал стучать в дверь. Джейк поднялся со стула, выхватил дубинку и побежал к входной двери, Энни последовала за ним. Он посмотрел в глазок и увидел растрепанную молодую женщину, кричащую, чтобы он открыл дверь. Он распахнул ее, и она ввалилась внутрь.

— Он пытался убить меня, вы должны остановить его.

Энни затащила ее внутрь и захлопнула дверь.

— Кто пытался тебя убить?

Девушка трясло, но она заставила себя говорить:

— Шон. Он в церкви со священником.

Энни посмотрела на Джейка:

— Теперь ты в порядке, ты в безопасности. Оставайся здесь, закрой дверь и не открывай ее, пока не увидишь кого-нибудь из нас с другой стороны.

Джейк лихорадочно что-то говорил в рацию, которую прикрепил обратно к бронежилету. Они оба побежали к церкви, ворвавшись в дверь, которая все еще была приоткрыта. Первым кого они увидели стал Шон, который удерживал отца Джона, душа его пластиковым пакетом. Джейк побежал в одну сторону, Энни — в другую.

— Шон, прекрати, ты должен прекратить это, отпусти его, — закричала Энни.

Он посмотрел на Энни и покачал головой.

— Он должен заплатить, это все его вина.

Энни подошла ближе.

— Брось, Шон, это неправильно, отпусти его. В этом не было ничьей вины, это одна большая трагедия. — Она вытащила из кармана сломанную игрушку, которую ей дала Софи. Протянула ее ему, и Шон немного ослабил хватку на пакете. — Софи хочет, чтобы ты остановился, теперь она успокоилась. Единственный человек, который виноват во всем, — это человек-тень, и он ушел. Я помогла отцу Джону изгнать его навсегда.

Джейк шагнул ближе и посмотрел на Энни, которая кивнула. Она знала, о чем он думает: они оба бросятся на Шона и заставят его отпустить священника.

Сокращая расстояние между ними, Джейк бросился на Шона, и Энни схватила его за руки, чтобы заставить ослабить хватку на пакете. Она слышала сирены, они приближались, и

она впиалась ногтями в его руки так сильно, как только могла, оттаскивая, пока из них не потекла кровь, и вскоре маленький порез, который уже был там, сильно начал кровоточить. Шон отпустил Джона, и Энни оттащила его от двух дерущихся мужчин. Она стянула пакет с головы Джона, но он оставался без сознания. Позади нее раздался оглушительный грохот, когда Джейк приземлился на алтарь и сбросил все на пол.

Шон походил на человека, который бушует на стероидах, его глаза выпучились, а мышцы на шее напряглись.

Энни подбежала, чтобы помочь, достав из-за пояса газовый баллончик. Она прицелилась в глаза Шона и выпустила струю жидкости. Он взвизгнул, но все еще не отпускал Джейка. Она огляделась в поисках оружия, подняла тяжелое золотое распятие, упавшее на пол, и со всей силы ударила его по голове. От удара кожа на лбу треснула, и из раны потекла струйка крови, стекая по его лицу.

В конце концов именно кровь остановила Шона. Он поднял руку, чтобы вытереть ее с глаз, а когда снова опустил руку и увидел, что пальцы покрыты свежей, пахнущей медью кровью, его ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Энни не мешкала ни секунды, сняла с пояса наручники и защелкнула их на его руках, прежде чем Шон понял, что происходит. Джейк сел на его ноги и зафиксировал их черными липучками вокруг икр и лодыжек, но Шон уже не сопротивлялся.

Снаружи полицейские машины с визгом остановились, и полдюжины автомобильных дверей захлопнулись одновременно. Звук шагов, когда множество пар ботинок пробежали по гравийной дорожке и влетели в церковь, был самым успокаивающим из всех, что Энни когда-либо слышала. Она подняла глаза и увидела вооруженных офицеров, бегущих к ним, за ними следовали Уилл и инспектор.

Джейк оторвался от ног Шона, отступил в сторону, затем схватил Энни и обнял ее.

— Черт возьми, мне стало не по себе, я думал, он одолеет меня.

Уилл посмотрел на них, испытывая облегчение от того, что они относительно невредимы, и ухмыльнулся.

— Слава Богу, с вами обоими все в порядке. По дороге сюда у меня чуть не случился сердечный приступ. — Он посмотрел на бледное лицо Энни с пятнами крови на лбу. — Хорошая работа, офицер Грэм, вы знали, что наш Шон боится крови? Жаль только, что ты не воткнула крест ему в голову так глубоко, что это, черт возьми, убило бы его и сделало жизнь каждого из нас намного проще. — Уилл пнул Шона ногой. — Ты скотина.

Энни повернулась и опустилась на колени рядом с Джоном, который открыл глаза.

— Все кончено, ты его остановила?

Она кивнула и помогла ему сесть, затем отошла в сторону, чтобы он мог видеть Шона, который был окружен вооруженными полицейскими.

— Я не знаю, что сказать, Энни, ты уже дважды за одну ночь спасла мне жизнь. Я у тебя в большом долгу. Всякий раз, когда ты решишь выйти замуж, церемония за счет заведения. — Он подмигнул ей, и она рассмеялась.

— Мы отличная команда, и я говорю это в хорошем смысле, но надеюсь, что мне никогда больше не придется переступить порог этой церкви.

Джон рассмеялся:

— Я тоже, Энни, я тоже.

Прибыли парамедики, и один из них подошел, чтобы проверить отца Джона, который прогнал его, сказав, что единственное, что ему нужно, — это крепкий напиток, что

заставило Энни и Джейка улыбнуться. Следующим осматривали Джейка, у него был порез над бровью, а правый глаз распух. Он позволил суесться вокруг себя, пока они не зашили порез. Когда они уходили, он прошептал Энни:

— Видишь, теперь я настоящий герой. У меня есть шрам, чтобы доказать это.

Она ткнула его в ребра:

— Да, Джейк, ты герой. Но ведь ты всегда был моим героем.

Он обнял ее и крепко сжал.

Уилл, стоявший между сержантом оперативной группы и инспектором, посмотрел на своего босса.

— Ну, тогда, я полагаю, как только Шона осмотрят медики, нам лучше заключить его под стражу. Мы возьмем его к себе или позволим кому-то другому разбираться, в Кендале, например?

Дейв посмотрел на Уилла.

— Этот ублюдок за последнюю неделю причинил мне больше душевной боли и стресса, чем двадцать лет моего брака. Он вернется к нам, и мы будем вести дело, и, если у кого-то возникнут вопросы, шли их ко мне. Я скажу им, куда идти. Хочу точно знать, насколько долбанулся полицейский Шон Блэк и как, черт возьми, он вообще попал на эту работу. Я не позволю, чтобы кто-то из Кендала пришел и занял мое место, когда это дело почти убило меня.

— Значит, ночь будет долгой, — кивнул Уилл.

Энни вдруг вспомнила о девушке, которую они оставили в доме, и, схватив Уилла, заставила его проводить ее обратно в пресвитерию.

— Пойдем, я хочу тебя кое с кем познакомить.

— С кем?

— Ваш главный свидетель, его последняя жертва, которую ему не удалось убить. Она сбежала от него, когда отец Джон вмешался.

— Энни, ты правда, чертова звезда.

Он повернулся и поцеловал ее в губы, и она почувствовала, как разряд электричества пронзил ее сердце. Она оттолкнула его.

— Я скучала по тебе, Уилл.

Он потянулся к ее руке и сжал пальцы.

— Не так сильно, как я скучал по тебе.

Они подошли к входной двери, и Энни осторожно постучала в нее.

— Все в порядке, это всего лишь я, женщина-полицейский, мы виделись раньше. Ты в безопасности, мы поймали его, он в наручниках, и его охраняют люди с очень большими пистолетами.

Засов отодвинулся, и дверь открылась. Девушка всхлипнула, и Энни шагнула вперед, чтобы обнять ее.

— С тобой будет все в порядке, обещаю. Я хотела бы познакомить тебя с детективом-сержантом Уиллом Эшвортом. Ему нужно будет поговорить с тобой в ближайшее время, но сначала давай тебя осмотрят парамедики и убедятся, что с тобой все в порядке.

— Мне не нужен осмотр, я в порядке. Ну, если не считать сломанного ногтя и того, что он испортил мне прическу.

— Мы прекрасно поладим, — рассмеялась Энни.

Все трое вошли в дом и направились на кухню.

— Как священник? Он спас мне жизнь.

— Он немного потрясен и в синяках, но с ним все в порядке.

— Фух, это хорошо. У меня было несколько странных свиданий, но сегодняшний вечер превзошел их все. Я никогда больше не пойду пить с незнакомцем.

У Энни порхали бабочки в животе.

Сегодня днем она провела целую вечность, осматривая магазины города в поисках идеального наряда. Ей хотелось чего-то сексуального, но очень сдержанного, в стиле Одри Хепберн. Она обошла все магазины одежды и не нашла ничего подходящего.

Ее последним прибежищем стал дорогой, дизайнерский бутик в маленьком переулке рядом с Далтон-роуд. Энни знала, что там все будет намного дороже, чем она могла себе позволить, но она очень хотела произвести впечатление на Уилла.

Проведя в разлуке три месяца, Энни поняла, что больше всего на свете хочет снова быть вместе с ним, и не только на время, она хотела провести с ним всю оставшуюся жизнь.

Он изменился с тех пор, как она встретила его. Недоразумение, вызванное Лорой, они разрешили, и Энни не любила плохо думать о мертвых.

Магазин был пуст, если не считать продавщицы, которая вела напряженный разговор с кем-то по телефону в задней части помещения, так что Энни была предоставлена сама себе.

На вешалке прямо перед ней висело черное кружевное платье с глубоким вырезом, и оно было великолепно. Черная шелковая подкладка придавала платью нотку класса, и Энни поняла, что это именно оно, то самое, единственное.

Она взяла платье, посмотрела на размер на этикетке и почувствовала, как у нее упало сердце, это был двенадцатый. Оно не налезет ей на бедра, не говоря уже о том, чтобы застегнуться. Должно быть, она выглядела сильно расстроенной, потому что женщина, говорящая по телефону, улыбнулась ей.

— Меган, мне нужно идти, у меня клиент. — Она положила телефон под стойку и подошла к ней. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

Энни почувствовала, как ее щеки покраснели.

— Полагаю, у вас нет его в большем размере?

Женщина продолжала улыбаться:

— Пойду проверю, может быть, у нас есть другой размер на складе.

Она заковыляла прочь в своих туфлях на высоких каблуках и юбке-карандаше. Энни никогда и за миллион лет не смогла бы так выглядеть. Она посмотрела на ценник и чуть не поперхнулась.

— Черт возьми, надеюсь, у них его нет, с такой ценой, я не смогу позволить себе есть целый месяц.

Женщина вернулась, качая головой. Она смотрела на Энни так, словно знала ее, но Энни не могла ее узнать.

— Простите, но мне кажется, я вас знаю, но не могу вспомнить откуда.

— Я работаю в полиции, — рассмеялась Энни, — вы могли видеть, как я разгуливаю по городу в форме.

Женщина улыбнулась.

— Мне очень жаль, должно быть, его продали, но я скажу вам, что у нас есть. На распродаже есть кремовая версия этого платья из старой коллекции, оно действительно подойдет вам по цвету и размеру.

Энни почувствовала, как у нее свело живот, она никогда в жизни не носила ничего кремового. Женщина сняла платье с вешалки, и прежде чем она успела сказать «нет,

спасибо», ее провели в примерочную и вручили платье.

— Я подберу туфли, чтобы ваши ноги выглядели так, будто они бесконечны. — Продавщица, направилась к витрине магазина.

Энни хотелось, чтобы пол разверзся и поглотил ее целиком, дав ей возможность избавиться от кремового платья и высоких каблуков, которые только что сунули ей в руки. Вместо этого она пробормотала:

— Спасибо.

Задержав занавеску, она надеялась, что продавщица не захочет смотреть, как она втиснется в платье. Что, если она порвет молнию? Энни разделась и сняла платье с вешалки. Джейк нашел бы все это чрезвычайно забавным. Она натянула платье и удивилась, что ей не пришлось играть в перетягивание каната, чтобы натянуть его на бедра. На самом деле оно легко скользнуло вниз, даже на груди.

Она изо всех сил пыталась дотянуться до молнии, но не потому, что она была слишком полной, а потому, что рука, которую она сломала в прошлом году, не могла согнуться под таким углом.

Энни надела туфли, которые оказались намного удобнее, чем она себе представляла, затем повернулась, чтобы посмотреть в зеркало, и ахнула. Неужели это она в отражении? Так не похоже на нее, сейчас она выглядела как настоящая женщина.

Продавщица отодвинула занавеску в сторону и ухмыльнулась.

— Видите, я же говорила, что оно будет отлично смотреться на вас. — Она вошла и застегнула молнию, затем исчезла и вернулась с элегантным ожерельем из жемчуга и хрусталя и подходящим браслетом. Она надела их и одобрительно кивнула:

— Вы выглядите великолепно.

Энни, которая всегда первой критиковала себя, на самом деле согласилась, подошла ближе к зеркалу и покрутилась.

— Не думаю, что когда-либо выглядела так женственно, и я не могу поверить, что оно подошло мне. Оно такое же дорогое, как черное?

— Нет, нет, это платье за полцены. Мне кажется, я вспомнила, откуда я вас знаю, вы та женщина-полицейский, которая остановила убийцу в прошлом году и помогла поймать того сумасшедшего полицейского?

Энни кивнула:

— Действительно, это я.

— Ох, вы проделали потрясающую работу, и я хотела бы выразить вам свою признательность за то, что вы сделали. Я могу предоставить вам скидку сотрудника, а это значит, что вся покупка обойдется вам менее чем в сто фунтов.

Энни почувствовала, как в горле у нее образовался комок, а глаза наполнились слезами.

— Спасибо, но я не могу.

— Мисс, вы выглядите потрясающе, и тот, на кого вы хотите произвести впечатление, не сможет устоять перед вами. Платье утонченное, но в то же время скромное и сексуальное. Оно вам очень идет.

Энни снова посмотрела в зеркало, она действительно чувствовала себя хорошо в нем. На самом деле она чувствовала себя потрясающе.

— Если вы не возражаете, я хотела бы взять все и поблагодарить вас.

Она подождала, пока продавщица пробьет все покупки, затем протянула свою кредитную карточку и на мгновение почувствовала себя виноватой. Но вскоре чувство вины

сменилось волнением, когда она представила лицо Уилла, когда он откроет ей дверь. Женщина протянула ей два пакета с покупками, и Энни ощутила себя Джулией Робертс в «Красотке». Еще раз поблагодарив продавщицу, она вышла из магазина и вернулась к своей машине с широкой улыбкой на лице.

Теперь, стоя перед входной дверью Уилла, она надеялась, что он оценит ее усилия. Когда-то она открыла бы дверь своим ключом, но в последнее время все было по-другому. Она не заходила внутрь с того самого утра, когда застала его с Лорой.

Энни подняла руку и тихонько постучала в дверь, не своим обычным громким медным «бах-бах». Она не могла дожидаться встречи с ним. Дверь открылась, и Энни увидела, как ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это на самом деле она. Его глаза широко раскрылись, и мальчишеская улыбка, которую она находила такой сексуальной, появилась на губах Уилла.

— Ух ты, Энни. Ты выглядишь великолепно, я имею в виду, ты всегда так выглядишь, но... вау. — Он широко распахнул дверь, чтобы она могла войти в прихожую. На маленьком столике рядом с их фотографией горели свечи с ароматом ванили. — Позволь мне взять твою пальто.

Он помог ей выскользнуть из пальто, и когда его пальцы коснулись ее шеи, она почувствовала, как дрожь пробежала по спине, заставляя ее трепетать. Энни повернулась к Уиллу. На нем была белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей и потертые джинсы, она уловила лосьон после бритья «Шанель», он не брился пару дней и теперь выглядел чертовски сексуально. У нее появилось искушение сказать, чтобы он забыл о еде и просто уложил ее в постель, но на этот раз она решила вести себя как леди, поэтому последовала за ним на кухню.

Сосновый стол был накрыт свечами, цветами и изысканным сервизом. Она была серьезно впечатлена, он либо купил все это специально, либо раньше прятал.

— Выглядит чудесно, Уилл, действительно чудесно. — Она увидела, как покраснели его щеки, и поняла, что он нервничает так же, как и она.

— Спасибо, Энни, вся эта посуда принадлежала моей маме. Она дала мне этот сервиз, когда я уходил из дома, но он был слишком хорош, чтобы использовать его для бесконечной покупной еды и банок пива. Я держал его на чердаке до тех пор, пока не представился достаточно особый случай, чтобы использовать его. — Он отвернулся, чтобы взять бутылку шампанского из ведерка со льдом. Откупорил пробку и протянул ей бокал, который она осушила и вернула обратно.

— Фух, так-то лучше, успокоит немного мои нервы. Не могу поверить, что я так нервничала, придя сюда сегодня вечером, что превратилась в нерешительную идиотку.

— Я понимаю, тебе, должно быть, тяжело, и мне очень жаль. Надеюсь, приход сюда тебя не слишком расстроил.

Она засмеялась:

— Я имела в виду, что переживала из-за встречи с тобой. Я так скучала по тебе, и ты выглядишь так, так великолепно.

Уилл рассмеялся, настала его очередь опустошить бокал.

— Спасибо, мисс Грэм, теперь мы на равных. — Он снова наполнил бокалы и подвинул ей стул. — На этот раз я буду обращаться с тобой как с леди, и мне все равно, что ты думаешь или скажешь, потому что я этого хочу, и ты этого заслуживаешь. Ты никогда

не позволяешь мне что-то сделать для тебя или заплатить за что-то, и я знаю, что это действительно рано. Но последние три месяца стали для меня адом, и они заставили меня понять, что я не могу жить без тебя, не хочу жить без тебя, и надеюсь, что однажды ты почувствуешь то же самое.

Она удержалась от того, чтобы не выпалить, что не было ни минуты каждого дня, когда она не думала о нем. Но Энни знала, что Уилл хотел таким образом извиниться, это помогло бы ему чувствовать себя лучше, поэтому она позволит Уиллу делать это некоторое время. А затем попросит его заткнуться, потому что она любила его так же сильно и чувствовала то же самое.

Они съели филе-миньон с соусом из голубого сыра, домашние чипсы и огромный салат, а затем чизкейк из белого шоколада и малины со свежими взбитыми сливками. Энни откусила последний кусочек и простонала:

— О боже, я так наелась. Это было великолепно, спасибо, Уилл.

Он взял пустую бутылку из-под шампанского, достал из холодильника бутылку вина, которое так любила Энни, и положил ее в ведерко со льдом.

Она рассмеялась.

— Я впечатлена, Уилл, ты все продумал. — На заднем плане играла музыка, и она узнала несколько песен, но понятия не имела, кто их исполняет. — Кто это поет?

Уилл взял ее за руку:

— Прости, тебе не нравится?

— Нет, мне действительно нравится, я просто хотела узнать, кто поет.

Уилл рассмеялся.

— Вот что бывает, когда встречаешься с мужчинами постарше. Это Фрэнк Синатра, он был любимым певцом моей мамы, и я думаю, что немного напевов старого Фрэнка не повредит. — Уилл встал, поднял ее на ноги и начал петь:

— Потому что я люблю тебя, и мне нравится, как ты выглядишь сегодня вечером. — Взял ее за руки и начал танцевать с ней в такт музыке.

Энни чувствовала себя неуклюжей, она никогда не была хорошей танцовщицей, а Уилл так легко двигался, но ей нравилось, то, как он обнимал ее, близость их тел. Она была навеселе, но не пьяна, и знала, что никогда в жизни не забудет этот вечер. О таком она мечтала с подросткового возраста, ее идеальный романтический вечер. Майк никогда не делал для нее ничего подобного. Когда она танцевала с Уиллом, а старый добрый Фрэнк говорил ей, что она прекрасно выглядит, она не думала, что может быть счастливее.

Песня закончилась, и Уилл прижал ее к себе, его губы коснулись ее губ, и она крепко обняла его и поцеловала в ответ. Он наклонился ближе и прошептал ей на ухо:

— Выходи за меня, Энни Грэм, я не хочу расставаться с тобой больше никогда.

Она притянула его к себе и прошептала:

— Да.

Конец второй книги.

Х

Как я и ожидал, следующие части оказались последними. Никаких сюрпризов они не преподнесли. Всё произошло именно так, как и было предсказано мной. Конечно, небольшие расхождения имели место, но на ход основных событий они никак не повлияли.

Обрадовало то, что не появилось новых жертв. «Вонючка» и Шон проиграли свои сражения. С точки зрения драматургии эти сражения выглядели довольно пресно, но жизнь – она такая. Динамичность и накал страстей – для голливудских блокбастеров. Здесь же всё получилось довольно скучно: тень развоплотили молитвой, серийного убийцу приложили распятием. Крестоносцы бы, узнав о таком, остались довольны.

В конце я понял, чего не хватало этой истории – красок. Я очень слабо представлял себе, как выглядят персонажи. Описания их внешности и характера либо были совсем общими, либо их не было вовсе. Поразительно, но единственным, кого мне удалось хорошо изобразить в своём блокноте, был человек-тень. Вот в него можно было поверить.

Взять того же Шона. Что о нём можно сказать? Крупный парень с короткой стрижкой? Пожалуй, всё. Даже фоторобот не составит. Идеальный серийный убийца с незапоминающейся внешностью. И так же со всеми остальными, кроме, разве что, отца Джона. Его облик и черты личности я тоже хорошо смог представить.

Сложилось впечатление, что автор этих писем был обычным хронистом, которому каким-то неведомым образом удалось залезть в головы чужим людям. И всё, что он там увидел, передал мне. Возможно, это какой-нибудь экстрасенс? После подобной истории я уже был готов поверить и в это.

Что можно сказать в качестве итога? Хэппи-энд – он и в Индии хэппи-энд. Даже закончилось всё так же: с плясками и свадьбой. Ну, почти. А что полезного это дало детективу Стерлингу? Информацию о возможности существования потусторонних сил. Уверенность в том, что я не зря получаю деньги за своё скромное ремесло. Всё-таки дело я раскрыл намного раньше полиции Барроу.

А ещё дело привило мне стойкое желание держаться подальше от Камбрии. Вся эта чёртова мистика была мне не по душе. Но я подозревал, что меня так просто не отпустят. Виной всему был постскриптум в конце письма:

«Мне понравилось с вами работать, детектив. Хотите продолжить?»

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net